

84P1
С69

В. Соловьев

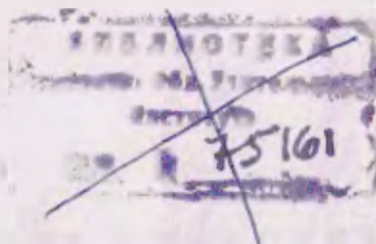
Исторические драмы

Владимир
Соловьев

Исторические драмы

ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ
ФЕЛЬДМАРШАЛ КУТУЗОВ
ДЕНИС ДАВЫДОВ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ СУДЯТ

Государственное издательство

МОСКВА, 1960

014188

✓

W

ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ

ТРАГЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ.
ОДИННАДЦАТИ КАРТИНАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Царь Иван Грозный.

Царевич Иван — старший сын царя Ивана.

Царевич Феодор — младший сын царя Ивана.

Борис Годунов

Василий Шуйский

Дмитрий Шуйский

Захарьин-Юрьев

Бельский

Воротынский

Сицкий

Бутурлин

Мстиславский

Куракин

Одоевский

Феодор Нагой — царский тесть.

Магнус — датский королевич.

Чернец.

Акакий — монах.

Митрополит всея Руси.

Польский посол.

Молодой купец.

Пожилой купец.

Гонец.

Царский лекарь.

Дьяк.

Мария Нагая — последняя жена царя Ивана.

Ирина — жена царевича Феодора, сестра Годунова.

Кирилловна — мамка царевичей.

Боярыня Годунова.

Сенная девушка — прислужница царицы.

Бояре, гонцы, стража, рынды, слуги,
свита польского посла.

Время действия — последние годы царствования
Ивана Грозного.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Трапезная в доме Шуйских. Длинный стол, на нем — ковш и чары. За окнами, в лучах заходящего солнца, — Москва-река и Кремль. В трапезной — Бутурлин, Сицкий, Куракин и Одоевский. За их спинами — Василий Шуйский. Хозяин дома держится за спинами гостей так, что, когда разговаривает, кажется будто говорит не он, а кто-то другой.

Одоевский.

Так сказывай, боярин Бутурлин,
В чем избавленье наше от Ивана?

Бутурлин (хмуро).

Не мыслил я об нас, а мыслил о Руси.

Сицкий.

Ну, все едино! Коли Одоевский
Не так сказал, то разумеет так.

Ты сказывай свое.

Бутурлин

Недолгог сказ, бояре:

Иного нет спасения Руси,

Как в польском короле Батории Стефане.

Куракин.

Податься к ляхам?..

Бутурлин (вставая).

Что? да как сие изречь

Ты мне осмелился? Я — русский воевода!

Сицкий.

Постой, боярин! Помыслов твоих

По первости мог не объять Куракин...

Да и не он один... А ты, не торопясь,

Нам поясни, какого избавленья

Должны мы ждать от ворога свого —

Батория Стефана?

Бутурлин

Меньший враг

Руси Баторий, нежели Иван!
Что может учинить Баторий, одолевши
Царя Ивана? Полоцк да Смоленск
Захочет утвердить за Речью Посполитой
Да с радостью замирится на том.
А что еще? Уж, верно, разоренью
Всю землю русскую, как предал царь Иван,
Баторий не предаст. Хоть он и чужеземец,
Исконный враг наш, но лютостью своей
Наш государь его, я знаю, пострашнее!
Поди, Баторий даже на войне
Народу русского столь много не положит,
Сколь загубил на плахе царь Иван!
И не повыжжет столь селений и посадов,
Сколь царь Иван повыжжет! Аль не так?
Не токмо вольности бывшей или достатку,
Людской молвы — и той не стало на Руси!

Одоевский.

Уж верно так, коль русский воевода
Увидел друга в польском короле
Себе набольшего, чем в нашем государе!

Бутурлин.

А нешто Курбский был не русский человек?
Да на Литву сбежал, когда не стало мочи!
А вы иначе мыслите?

Куракин.

Сказать

По совести, так мне царя Ивана
Своей рукою легче поразить,
Чем с ляхами якшаться!

Сицкий.

Коли нету

Своего ума, Куракин, у тебя,
То разума занять у воевод постарше
Тебе не грех!

Куракин.

На то ума

Довольно у меня. бояре чтобы велели
Заклятых врагов не след нам звать на Русь
И в их победе чаять избавленья!

Бутурлин (вставая).

Сне мне слушать срам!

Сицкий.

Боярин Бутурлин,

Не гневайся! А и тебя, Куракин,
Я, помнится, просил уж малость помолчать.

(Бутурлину.)

По совести сознаюсь, воевода,
Что и моя душа к полякам не лежит...
Бутурлин (*перебивая*).
А чья лежит? Прости, боярин Сицкий,
Уж от тебя-то услыхать сие
Не чаял я! Да ежели б то слово,
Что я промолвил здесь, я мог изречь царю,
Не убоявшись смерти, как когда-то
Родитель мой, — не токмо титулом князь,
Но и властитель вотчины и войска
В пять тысяч копий! Ныне ж на кого
Я обопрусь перед царем Иваном,
Коль слово правды вымолвить решусь?
Есть люди ратные в уделах наших разве,
Чтоб за своих князей сумели постоять?
Что ныне есть у нас, кроме наших титулов?
А титул без мощи нужен також нам,
Как нужен ковш без браги или меду!
Коль силы нет у нас, не должно зачинать
С Иваном тяжбы. А зачавши, должно
Потребной силы вчуже признаться!
Небось бы в старину управились без ляхов!..
А ныне, — может стать, несправедным путем, —
Но должно совершить нам праведное дело!

Сицкий.
Когда бы ты меня, боярин, не прервал,
Я то ж сказал бы: сколь ни плохи ляхи,
Но хуже царь Иван! И, коль не обойтись
Без ляхов, что поделаешь, бояре?

Куракин.
А все же сердце к ляхам не лежит...

Сицкий.
Дел государских не свершают сердцем,
Но разумом и твердою рукой!

Одоевский.
Баторий-то, слышать, досель воюет Данциг.
уж как бы царь Иван тем часом не забрал
Себе Ливонию да и войны не кончил!
Большое войско царь в поход повел.

Бутурлин.
И то сказать! Молюся богу
Я ныне, чтоб господь победу даровал
Не нам, но нашим врагам... Таковую
Легко ли мне молитву возносить?
Мне, воеводе русскому?!

Бутурлин

Меньший враг

Руси Баторий, нежели Иван!

Что может учинить Баторий, одолевши

Царя Ивана? Полоцк да Смоленск

Захочет утвердить за Речью Посполитой

Да с радостью замирится на том.

А что еще? Уж, верно, разоренью

Всю землю русскую, как предал царь Иван,

Баторий не предаст. Хоть он и чужеземец,

Исконный враг наш, но лютостью своей

Наш государь его, я чаю, пострашнее!

Поди, Баторий даже на войне

Народу русского столь много не положит,

Сколь загубил на плахе царь Иван!

И не повыжжет столь селений и посадов,

Сколь царь Иван повыжге! Аль не так?

Не токмо вольности былой или достатку,

Людской молвы — и той не стало на Руси!

Одоевский.

Уж верно так, коль русский воевода

Увидел друга в польском короле

Себе наибольшего, чем в нашем государе!

Бутурлин.

А нешто Курбский был не русский человек?

Да на Литву сбежал, когда не стало мочи!

А вы иначе мыслите?

Куракин.

Сказать

По совести, так мне царя Ивана

Своей рукою легче поразить,

Чем с ляхами якшаться!

Сицкий.

Коли нету

Своего ума, Куракин, у тебя,

То разума занять у воевод постарше

Тебе не грех!

Куракин.

На то ума

Довольно у меня, бояре, чтобы ведать, —

Заклятых врагов не след нам звать на Русь

И в их победу чужды вмешиваться!

Бутурлин (вставая).

Сие мне слушать срам!

Сицкий.

Боярин Бутурлин,

Не гневайся! А и тебя, Куракин,

Я, помнится, просил уж малость помолчать.

(Бутурлину.)

По совести сознаюсь, воевода,
Что и моя душа к полякам не лежит...
Бутурлин (перебивая).
А чья лежит? Прости, боярин Сицкий,
Уж от тебя-то услышать сие
Не чаял я! Да ежели б то слово,
Что я промолвил здесь, я мог изречь царю,
Не убоявшись смерти, как когда-то
Родитель мой, — не токмо титлом князь,
Но и властитель вотчины и войска
В пять тысяч человек! И ныне ж на кого
Я обопрюсь перед царем Иваном,
Коль слово правды вымолвить решусь?
Есть люди ратные в уделах наших разве,
Чтоб за своих князей сумели постоять?
Что ныне есть у нас, кроме наших титлов?
А титл без мощи нужен також нам,
Как нужен ковш без браги или меду!
Коль силы нет у нас, не должно зачинать
С Иваном тяжбы. А зачавши, должно
Потребной силы вчуже признать!
Небось бы в старину управились без ляхов!..
А ныне, — может стать, неправедным путем, —
Но должно совершить нам праведное дело!

Сицкий.
Когда бы ты меня, боярин, не прервал,
Я то ж сказал бы: сколь ни плохи ляхи,
Но хуже царь Иван! И, коль не обойтись
Без ляхов, что поделаешь, бояре?

Куракин.
А все же сердце к ляхам не лежит...

Сицкий.
Дел государских не свершают сердцем,
Но разумом и твердою рукой!

Одоевский.
Баторий-то, слышать, досель воюет Данциг.
Уж как бы прозрел Иван, если бы заорал
Себе Ливонию да и войны не кончил!
Большое войско царь в поход повел.

Бутурлин.
И то сказать! Молюся богу
Я ныне, чтоб господь победу даровал
Не нам, но нашим врагам... Таковую
Легко ли мне молитву возносить?
Мне, воеводе русскому?!

Сицкий.

Одначе

Пусть молятся о том в монастырях
Монахи праздные, боярин. Не пристало
Нам меряться молитвой с топором
Царя Ивана! Лучше, воевода,
Ты сказывай о том, как надобно снестись
С Баторием. Помыслил ты об этом?

Бутурлин.

По совести сказать, не помышлял досель.

Одоевский.

А брат Василья Шуйского — димитрий?..
Он ныне будто бы в Ливонии с царем?
Вот грамотку ему и написать бы вскоре:
Он ближе к ляхам, он и отошлет
Ее к Баторию, да лучше через князя
Андрея Курбского. Как мыслишь ты о сем,
Василий? А?

Сицкий (Шуйскому). Что ныне тих ты больно?
Не молвишь слова?

Василий Шуйский. Да в мои лета
Где ж разуму набраться мне в достатке,
Коль не у вас, бояре? И язык
Мне нынче мене надобен, чем уши.

Бутурлин.

Да... Не усерден, вижу, ты в речах!
Однако, помнится, усерден был не в меру,
В опричниках служивши у царя,
Когда ты затемно с ватагой душегубов
На вотчину мою наехал! В те поры
Ты был усерден столь, что и поныне токмо
Одни пеньки чернеют да зола
На Клязьме от мово отцовского угодыя.

Василий Шуйский.

А может стать, в опричниках служа,
Когда бы не были мы этак-то усердны,
Не отменил бы царь опричнину тогда?
Усердие страшнее непокорства,
Когда в излишестве проявлено оно.
Да что о давнем-то!.. Дозволь мне, воевода,
Спросить!

Бутурлин. Спроси.

Василий Шуйский. Когда ушел Иван
В Ливонию, наказывал ли войско
Сбирать вам новое?

Бутурлин. Вестимо, наказал.

Василий Шуйский.

А что, собирать не больно хлопотливо
Людишек-то?

Бутурлин. Не хлопотливо?! Вишь,
Чего удумал! Тридцать лет воюем,
И стар и млад позабраны окрест,
Ан надобно еще скликать людей для рати!
Силком да волоком людей ведем в приказ!
А ты — не хлопотливо?!

Василий Шуйский. А дозволь мне
Еще спросить.

Бутурлин. Спроси.

Василий Шуйский. На старости-то лет
Да при твоём дородстве, воевода,
Не тяжко ли тебе гоняться по Руси
За беглыми?

Бутурлин. Что сделаешь, коль надо!

Василий Шуйский.

А надо ль, воевода?

Бутурлин (*сперва опешил; догадавшись, утирает выступив-
ший пот*).

Ты к чему

Меня пытаешь? Не совет ли хочешь
Мне дать, какой?

Василий Шуйский. Да нешто я решусь
Тебе советчиком быть, воевода? Нешто
Кур учат яйца? Токмо ты дозволь
Еще спросить...

Бутурлин. Довольно! Не дозволю!

Василий Шуйский.

В остатний раз...

Одоевский. Пусть спросит.

Бутурлин. Вы ответ

Ему давайте! Пусть он вас пытается

По мне, не в меру любопытен князь.

Василий Шуйский (*просительно*).

В остатний раз?..

Бутурлин. Ну, спрашивай в остатний!

Василий Шуйский.

Не легче ли Ивана одолеть
Баторий сможет, ежели для брани
Ивану войска ты не соберешь?

Бутурлин.

Ой, чую, тянешь ты, Василий, за язык
Мою седую голову на плаху.

Сицкий.

Ты сказывал, что мыслил о Руси,
А не об нас! Так нешто оробеешь,
Коль доведется голову сложить
Руси на пользу? Поощадим ужели
Мы головы свои, чтоб на святой Руси
Жилось, как в старину? Как мы обвыкли сроду?..
Как до Ивана, в мире да в тишине?

Василий Шуйский.

Так сказывай: писать ли, воевода?

Бутурлин молчит.

Одоевский.

Боярин, сказывай!

Бутурлин (со вздохом). Пиши...

КАРТИНА ВТОРАЯ

Первые лучи рассвета. На берегу Варяжского моря шатер, богато убранный коврами. Ветер полощет русский флаг с двуглавым орлом. В углу шатра свалены польские, литовские и немецкие знамена. У шатра — дьяк, Нагой, Захарьин-Юрьев, Бельский.

Дьяк.

Царев указ вам ведом, воеводы?
Тебе, Нагой?

Нагой.

Мне ведом.

Дьяк.

А тебе,

Захарьин-Юрьев?

Захарьин-Юрьев.

Ведом.

Дьяк.

Бельский?

Бельский.

Ведом...

Дьяк.

Коль будет град ливонский Вольмар взят,
Насильства не чинить! Полкам занять посады
И ждать от князя Шуйского гонцов.

Слышен шум и звон литавров.

Нагой.

Димитрий Шуйский сам сюда прибудет вскоре.

Бу тур л и н.

Довольно, князь! На оные вопросы
Мне отвечать придется головой.

Си ц к и й.

Тебе ли одному? Не сам ли, воевода,
Ты у Батория искать нам указал
Себе подмоги супротив Ивана?

В а с и л и й Ш у й с к и й.

А чем Баторию поможем мы иным?
Прости, боярин, может, я иначе.
Чем надобно, слова твои уразумел!

Бу тур л и н тяжело молчит. Пауза.

Так отписать ли через брата Митю
Баторию о том, что ныне на Руси
Уж боле царь Иван имать не будет рати?

Бу тур л и н.

Что на меня киваешь, коль старшой
По войску на Москве Михайло Воротынский!

Си ц к и й.

А коль удаче быть, так с нами заодно
И Воротынский будет!

Бу тур л и н.

Ну, а если

Не быть удаче?..

Си ц к и й.

Також царь Иван
С кого за войско спросит поначалу?
С Михайлы Воротынского! И тут,
Захочет или нет Михайло Воротынский,
А с нами быть ему придется заодно.
С его ли ведома, по нерадению ль князя,
Но, ежели царев не выполнен наказ,
Ему за то в ответе быть едино.

Бу тур л и н.

А до прибытья на Москву царя
Ужели, мыслите, ни разу Воротынский
Раденья нашего не станет поверять?

Си ц к и й.

А коли станет, надо доискаться!
Не дети малые, а воеводы тож
И мы с тобой! Согласны с нами
Голицын, Палицкий и Шереметьев...

Ку ра к и н *(перебивает)*.

Как?!

Все с нами?!

Си ц к и й.

С нами.

В а с и л и й Ш у й с к и й. Так писать ли?

Бутурлин.

Ой, чую, тянешь ты, Василий, за язык
Мою седую голову на плаху.

Сицкий.

Ты сказывал, что мыслил о Руси,
А не об нас! Так нешто оробеешь,
Коль доведется голову сложить
Руси на пользу? Поощади ужели
Мы головы свои, чтоб на святой Руси
Жилось, как в старину? Как мы обвыкли сроду?..
Как до Гивана, в мире до и тини?

Василий Шуйский.

Так сказывай: писать ли, воевода?

Бутурлин молчит.

Одоевский.

Боярин, сказывай!

Бутурлин (со вздохом). Пиши...

КАРТИНА ВТОРАЯ

Первые лучи рассвета. На берегу Варяжского моря шатер, богато убранный коврами. Ветер полощет русский флаг с двуглавым орлом. В углу шатра свалены польские, литовские и немецкие знамена. У шатра — дьяк, Нагой, Захарьин-Юрьев, Бельский.

Дьяк.

Царев указ вам ведом, воеводы?
Тебе, Нагой?

Нагой.

Мне ведом.

Дьяк.

А тебе,

Захарьин-Юрьев?

Захарьин-Юрьев.

Ведом.

Дьяк.

Бельский?

Бельский.

Ведом...

Дьяк.

Коль будет град ливонский Вольмар взят,
Насильства не чинить! Полкам занять посады
И ждать от князя Шуйского гонцов.

Слышен шум и звон литавров.

Нагой.

Димитрий Шуйский сам сюда прибудет вскоре.

Бельский.

Да вот и он!

Входит Дмитрий Шуйский.

Какие вести, князь?

Дмитрий Шуйский.

Победа! Радуйтесь!.. От всех посадов ляхи

Пустились наутек! Не токмо на конях,

Но и на псах борзых догонишь их навряд ли!..

Бельский.

Здоровы богатыри! Что за радостную весть

Ты, князь, с таким лицом передаешь, как будто

Не ляхи наутек пустились от нас,

А мы от ляхов?..

Дмитрий Шуйский. Годунова жаль мне.

Бельский.

Что так?

Дмитрий Шуйский.

Да повелел великий государь

За ляхами ему идти в погоню. Токмо

За зайцами куда ж угнаться барсуку!

Нагой. А вдруг угонится?

Дмитрий Шуйский. Большого удивленья

Достойно было бы!

Бельский.

Но меньшего, чем то,

Что Шуйские жалеют Годунова!

Смех. Входит царь Иван.

Нагой (кланяясь).

Здрав буди много лет, великий государь!

Бельский (кланяясь).

С победою тебя!

Захарьин-Юрьев (кланяясь).

С великим одоленьем

Заклятых недругов, завистников твоих!

Дмитрий Шуйский

Будь весел, государь!

Иван.

Благодаренье богу,

Что по великой милости своей

Нам, грешным, даровал победу над врагами!

И вам спасибо тож. Особо тем из вас,

Кто служит мне не страхом, но умом

И храбрости своей лукавым двоедушьем

Не умаляет в помыслах своих!

Дмитрий Шуйский.

Кто смеет, государь, подобное?

Иван.

Быть может,

Ты, князь Дмитрий, может, кто другой...

Нет радости такой, чтоб тень не омрачала

Ее хоть малая... И в сей великий день,

Что нам ниспослан милосердным богом

Как день свершения, венчающий собой

Все годы тяжкие и мыслей и деяний,

Мной совершенных, даже в этот день

Мне смелеем смеяться.

Дмитрий Шуйский.

Кто же смеет?

Входит гонец.

Гонец (кланяясь).

Великий государь! Будь милостив! Меня,

Холопа твоего, в Венден не допустили:

В Венденском замке подняты мосты,

И твой союзник Магнус с войском

В нем заперся. Вот грамота его...

(Передает грамоту.)

Иван (читая).

Кто смеет? Вот! Еще не преданы земле

Живот отдавшие за эту землю ныне,

Еще о ратниках, во брани убиенных,

Попы ко господу молитв не вознесли,

А наш союзник, датский королевич,

Уже ту землю хочет взять в удел

И требует на то согласия! Так что же,

Уж двадцать лет я для него ишу

Великого пути, что ныне нам открылся

У берегов Ливонии? Быть может,

К нему, а не к себе привадить я хотел

Людей торговых? И в Варяжском море

Ему, а не себе я строю корабли?

Да он в своем уме? Да я с живого шкуру

С него спущу! Смерть и покажи

Ему ко мне явиться тотчас!

Гонец уходит.

Иван (рвет грамоту).

Вишь, что удумал, пес!..

Дмитрий Шуйский (Захарину-Юрьеву).

Сейчас бы Годунову

Сюда явиться с вестию о том,

Пускай велит три дня служить молебны
Да бить в колокола. Царевичам скажи,
Что буду сам я за тобою следом.
Дмитрий Шуйский (кланяясь).
Великий государь, будь здрав!
(Уходит вместе с боярами.)

Иван и Годунов проходят на берег моря.

Иван (указывая на восходящее солнце). Гляди, Борис:
Все тлен и прах пред вешим днем свершенья
Великих чаяний и помыслов моих!
Се день свершения! Се восходит
Над нашим морем солнце в первый раз!
Гляди, Борис: отселе начат
Великий водный путь Руси!
(Становится на колени и говорит, поднимая руки к солнцу.)
Благодарит тя, господи, смиренный
Твой раб Иван за то, что ниспослал
Моим трудам сей день, за то, что не дал даром
Пролиться честной крови христиан!
Прости мя, господи, аз вольно и неволью,
Душой ожесточась, казнил и убивал...
Ты ведаешь, что не себе во благо
Свершал сие, но царству своему!
Прости мя, господи! И предо мной виновных
Прости по божьей милости твоей!
(Встает с колена.)

Ты ведаешь, Борис, о чем я мыслю ныне?

Годунов.

Нет, государь.

Иван.

Когда б меня в сей день
Призвал господь, я с радостью великой
Смерть принял бы.

Годунов.

Великий государь!
Такие помыслы с подобным днем совместны
Не могут быть.

Иван.

А что, скажи, еще
Смерть? Мне вновь дожить до этакого дня?
Кто ведает, чей жребий тяжек боле?
Того ль, кому узреть не довелось
Плоды своих трудов, принявши смерть до срока,
Того ль, кто пережил содеянное им?
Не сходит смерть ко времени: то ране,
Чем надобно, приходит, то поздней.

Годунов.

Великий государь! Не кличь ты смерти ранней,
Сей день свершения еще не отошел.
Гляди вокруг: еще рассвет, а тучи
Уж обнесли полнеба — быть грозе!

Иван (встревоженно).

К чему ты каркаешь? Что ведаешь такое,
Чего не ведаю я, государь? Не прячь
Глаз от меня! Ну, рассказывай!

Годунов.

Прости мне,

Великий государь, лукавому рабу,
Вину перед тобой. Окроме тех двух зайцев
Еще и третьего не ухватил живьем,
Но от тебя сокрыл.

Иван.

А кто ж он?

Годунов.

Польский шляхтич.

Иван.

Пошто сокрыл?

Годунов.

Боялся омрачить

Тебе сей день.

Иван.

А чем же может пленник

Мне омрачить сей день?

Годунов.

Он рассказывает...

Иван.

Ну?!

Что рассказывает он?

Годунов.

Великое веселье

На Польше ныне... Данциг пал!

Баторий же, тем градом овладевши,

С немалым войском держит путь сюда.

Иван.

А правда ли сие?

Годунов.

Я разумею — правда.

Пауза.

Иван.

Как мыслишь: сможем одолеть

Баториеву рать мы тою нашей ратью,

Что с нами здесь?

Годунов.

Главряд ли, государь...

Иван.

Я також мыслю. А еще и Магнус...

В Венденском замке полк свой схоронил...

Я чаю, ворогом союзник обернется?

Гром и молния.

Годунов.

Великий государь, войди в шатер, — гроза!

Иван входит в шатер, его сопровождает Годунов. Следом за ними входит гонец.

Гонец (кланяясь).

Великий государь! Здесь королевич Магнус,
Он бьет челом. Дозволишь ли войти?

Иван.

Ступай, Борис, да будь готов к походу
На Магнуса... Быть может, воевать
Взвешенный расчет завтра нам придется...

Годунов.

Не знаю, государь... Но лучше б не пришлось.
Какая выгода от этого нам будет?
А потеряем мы и магнусовский полк
В пять тысяч копий, да еще и наших
Положим ратников не меньшее число,
Чтоб Магнуса побить... А чем тогда мы встретим
Баториеву рать? Ты ведаешь и сам,
Что после битв за край Ливонский
Немного ратников осталось у тебя.
Как было добывать Ливонию ни тяжко,
А отстоять тяжеле во сто крат.
Так лучше бы сейчас тебе поладить миром
С союзником твоим и гнев свой на него
Унять до времени... Там будет видно дале,
Что Магнусу отдать, а что и не отдать
Из тех земель, что мы ему сулили...
Гнев — не помощник в таких делах!

Иван.

Змеиной мудростью ты наделен от бога...
Ступай, Борис. Разумен твой совет.

Годунов кланяется и уходит.

(Обращается к гонцу.)

Где ж Магнус?

Гонец.

Ждет.

Иван.

А коли ждет, пусть входит!

Гонец выходит. Входит Магнус. Он в белом рыцарском одеянии.

Магнус.

Приветствую тебя, великий государь!

Иван (с усмешкой).

Приветствуешь? Я об твоём приветѣ
Наслышан вѣдаль! Ты ужъ отписалъ
Мнѣ свойъ приветъ...

Магнус. Прости, что я напомнить

Тебѣ осмѣлился, великій государь,
Объ обещанье, некогда мнѣ данномъ...

Иван.

Объ обещаньи? Я разве обещалъ
Тебѣ отдать Ливонію въ подарокъ?

Магнус.

Но, государь, кому же, какъ не мнѣ,
Ты обещалъ ливонскую корону?
И слову я поверилъ твоему...

Иван (добродушно).

Корону, говоришь? Да я тебѣ десятокъ
Изъ золота ихъ сделать прикажу!
Не думаешь ли ты, что тотъ владеетъ царствомъ,
Кто носитъ царскіе одежды на себѣ?
Да нешто самъ я въ молодости правилъ?
Сильвестръ — наставникъ мой! А онъ носилъ клобукъ...
Такъ понялъ ли теперь ты, королевичъ, точно,
Какую я тебѣ корону обещалъ
Въ Ливоніи? Садись и королевствуй,
Но подъ началомъ русскимъ!

Магнус. Государь!

Не можетъ быть король вассаломъ!

Иван (вспылив).

Правда?

Ну, такъ не будешь!

Магнус.

Кемъ? Вассаломъ?

Иван.

Королемъ!

Магнус.

Но, если не меня, кого же ты поставишь
Здѣсь королемъ? Ливонія — она
Не съ землями татарскими граничитъ,
Но съ землями великихъ королевствъ
И королей высоконпросвѣщенныхъ!

Иван (въ сердцахъ).

Ахъ, просвѣщенныхъ?..

Магнус.

Да. Здѣсь долженъ быть король,

Происхожденіемъ равный имъ, а также
И просвѣщенностью.

Иван.

А коль просвѣщенъ

Они поблѣ насъ, такъ оттого не стали
Насъ лучше! И не только насъ,

Христос был божий сын, а ездил на осле!
Так поясни ты мне: хотят ли люди сами
Ходить в ослах у кесаря твоего?
Иль кесарь твой Рудольф их делает ослами?
Молчишь небось? А нам занятно знать:
От просвещенности сие?

Магнус.

От почитанья.

Иван.

Так чем татар вы лучше? Хан Батый,
Как и Рудольф германский, одинако
Тож на руках сеоя таскать велел!
Так поясни: в чем ваша просвещенность?
Нет, погляжу, ничем не лучше вы татар!
И, ежели бы я доподлинно хотел
На трон ливонский посадить вам ровню,
Я б на него медведя посадил!

Магнус.

Но жители в Ливонии навряд ли б
Такому королю обрадовались...

Иван (в гневе).

Как?!

Уж не прознал ли ты, кого б они хотели
Взять в короли? Уж не тебя ль?

Магнус.

Меня.

Иван (распалаясь все больше).

Ты времени, гляжу, не тратил понапрасну:
Пока мы кровью добывали край,
Ты для себя его уж добыл просвещеньем?
Эй, стража!

Входит стража, следом — Годунов, воеводы.

Взять его!!!

Магнус.

Великий государь,

Когда меня в Венден ты не отпустишь,
То и Венден ворот не отопрет
Твоим полкам.

Иван (боярам).

Готовы ль воеводы

Полки в поход?

Бельский.

Готовы.

Иван.

На Венден

Ведите их! И сей Венденский замок
Приказываю вам с лица земли стереть!

Годунов.

Великий государь, опомнись! Ты ведь миром
Хотел поладить с ним!

Иван.

Молчи, лукавый раб!

Я — государь! Сам ведаю, как вместе
Мне поступать!

(Воеводам.)

Полки вести в поход!

Людишек же его, что мнили тут князьями
Уже себя, пытатъ железом и огнем!

Когда у ворогов Ливонию мы взяли,
То у друзей, наверное, возьмем!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Горница в доме Шуйских. За столом Василий Шуйский, монах
Акакий.

Василий Шуйский.

Так рассказывай, благочестивый странник,
Акакий, помнится?

Акакий.

Акакий.

Василий Шуйский.

С чем пришел?

Где странствовал? По иноземным царствам
Аль по Руси?

Акакий.

Бывал, везде бывал,

Князь-батюшка Василий свет Иваныч.

Уж до чего у ляхов хороша

Мальвазия!

Василий Шуйский.

Так и у ляхов был ты?

Акакий.

Бывал. Везде бывал. Да вот уже три дня

Не пивши я... А сколько ден не евши —
Бог ведает!..

Василий Шуйский.

Знать, наплат господь

Тебя небесной манною, Акакий!

Три дня не пил, не ел, а пузом не усох!

Акакий.

И то сказать: такие наступили

Дни ноне тяжкие, что божьего слугу,

Окроме бога, некому в дородстве

Да в здравии телесном соблюсти!..

А больно хороша мальвазия у ляхов!

Василий Шуйский (раздраженно).

Ты, может, что-нибудь приметил окромя

Мальвазии у ляхов?

Акакий. Как, боярин,
Не заметишь? Да не обо всем
Примеченном-то сказывать потребно:
Что око видело, то впрок идет тебе,
А что язык сказал, то впрок идет другому!
Шел я, боярин, ко святым местам,
Но и к святым местам пути ведут мирские,
А человеческий любопытен глаз!..
И что забыть стараешься, особо
То самое и помнишь, как на грех!

Василий Шуйский.
А ты сказал бы мне все, что забыть потребно
Тебе скорей. Скорей бы и забыл...
(Наливает вино.)

Акакий. Испей мальвази!
Вот это
Богоугодное и славное питье!
(Кланяется.)
Во здравие твое, боярин!
(Пьет.)

Ну, творятся
Дела на свете, господи, просто
(крестится)

Мя, грешного! Воюет польский царь
Стефан Баторий город Данциг.
А войска у него понабрано сто тыщ!
«Вот, говорит, как Данциг завоюю,
Так, говорит, и на Москву приду!»
А на Руси-то, батюшка боярин,
Что дается! Не приведи господь!
По всей земле и глад и разоренье!
Кто в лес идет, а кто — в монастыри!..
Порядок старый-то по всей Руси порушен,
А новый-то, видать, идет не второпях..
Недаром чудный инок объявился,
Что ходит ныне по святой Руси
И праведным глаголом возвещает
Народу истину!

(Пьет.)
Мальвазья хороша!

Да вот беда: твоя мальвазья вышла,
А мой-то сказ еще не начался!
Василий Шуйский (наливает).
А ты бы сказ свой сказывал-то прытче,

А пил мальвазию мою не торопясь!

Так что же инок сей?

Акакий (пьет).

А инок сей, боярин...

Во здравие твое! Так, видишь, инок тот
Сыздетства был воспитанник Филиппа
Митрополита.

(Крестится.)

Царствие ему

Небесное! А с той поры как в келье
Задушен был митрополит Филипп
По царскому указу юный отрок
От мира на три года заперся
И предавался книжному ученью,
А на четвертый год из келии исчез.
Но слух прошел: какое б ни случилось
В народе бедствие и где б сия беда
Ни приключалась, повсюду инок чудный
Перед народом тотчас представал.

Василий Шуйский.

Несть людям утешенье в бедах
Твой чудный инок дал обет?

Акакий.

Нет, инок сей мутит народ, боярин.

Василий Шуйский.

Мутит народ? Ай-ай, нехорошо!

Акакий.

Зело велеречив чернец и над народом
Имеет власть чудесную: никто
Его доселе стражникам не выдал
И правды слов его не опроверг.
А ростом он высок, лицом же сух, и пламень
Мятежный льется из его очей...

Василий Шуйский.

А где же он?

Акакий.

Не все еще, боярин,

Сказал я про него. Замыслил тот чернец
Лвиться на Москву и речь к государю
Держать пред всем народом. Устрашить
Своею речью дерзостной замыслил
Он грозного царя... И смерть принять готов
За то лишь, чтоб перед людьми и богом
Царя неправого в неправде обличить!

Василий Шуйский.

Глуп твой чернец, Акакий! Кто допустит
Его к царю? Да ежели бы он

И очутился вдруг пред государем нашим,
То перво-наперво б со страху потерял
Хваленую свою велеречивость.

Акакий.

Нет, батюшка боярин, не видал
Ты чернеца сего.

Василий Шуйский. А ты видал?

Акакий. Да как же!

Не раз мы вместе с ним ходили по Руси!

Василий Шуйский.

А где же ныне он?

Акакий. Мальвазия, гляди-ка,
Уж кончилась...

Василий Шуйский (наливает ему, нетерпеливо).
Так где же ныне он?

Акакий (пьет).

Во здравие твое! А ныне он, боярин,
В спокойном месте: у тебя в сенях!

Василий Шуйский.

Ты как осмелился? Да я вот вас обоих!..

За окном слышен конский топот.

Ишь, не ко времени конь чей-то подскакал
К моим крыльцам. Поди покамест в сени,
Там вместе с иноком твоим и обождешь.

Акакий уходит. Входит Дмитрий Шуйский.

А... Митенька! Ты что же? Из похода?

Дмитрий Шуйский.

Нет, брат Василий! Кончился поход!

Василий Шуйский.

Ну, рассказывай: чем кончился?

Дмитрий Шуйский (угрюмо). Победой.

Василий Шуйский (нетерпеливо).

Да чьей победой?

Дмитрий Шуйский. Нашей.

Василий Шуйский. Ты скажи

Яснее. Митенька! Ясней!

Дмитрий Шуйский. Победой царской.
Ливонцы начисто разбиты, лахи тож!

Василий Шуйский.

Ну вот, теперь понятно, чья победа!

Дмитрий Шуйский.

Царь завтра будет здесь.

Василий Шуйский. Ну, вести у тебя

Нежданные-негаданные, Митя...

Дмитрий Шуйский.

Сейчас на улице встретились мне
Куракин, Бутурлин да Одоевский с Сицким.
Сюда идут.

Василий Шуйский (*задумчиво*).

Пускай приходят, что ж...

Дмитрий Шуйский.

Решать, Василий, надобно!

Василий Шуйский. Мне поздно...

Решайте вы, а я уже решил.

Дмитрий Шуйский.

Что ты решил?

Василий Шуйский. Узнаешь, Митя, вскоре,

Когда придут бояре.

Дмитрий Шуйский. Из окна

Видал меня Михайло Воротынский!

Не ровен час, и сч придет сюда.

Василий Шуйский.

Пускай приходит. Воевода Сицкий

Что делать ведает и сам поладит с ним.

Дмитрий Шуйский.

А как поладит-то?

Василий Шуйский. Кажись, идут бояре...

Ты встреть их тут. Я буду опосля.

(Уходит.)

Входят Сицкий, Куракин, Бутурлин, Одоевский

Дмитрий Шуйский.

Желаю здравствовать, бояре!

Сицкий.

Где Василий?

Дмитрий Шуйский.

Он будет вскорости.

(Отводит в сторону Сицкого и что-то говорит ему.)

Бутурлин.

Так что ж нам делать след?

(Задумавшись, идет к куракину.)

Куракин.

А может стать, еще Баторий на Ивана

Пойдет в поход!

Одоевский (*иронически*). И может, одолеть

Ему Ивана через год удастся?

А токмо ты скажи: великая ли в том

Нам будет польза, коли нас не будет?

Остатний разум ты, Куракин, потерял!

Бутурлин.

Назад тому три дня Голицын, Шереметьев
Да Палицкий сбежали на Литву.

Одоевский.

Учуяли... А нам теперь уж поздно
Бежать... Коль побежим, покажем на себя
Мы тем скорей.

Сицкий (отойдя от Дмитрия).

Михайло Воротынский

Оправить может нас один перед царем.

Куракин

Оправит, как же!..

Сицкий.

Коли не оправит,

Так быть за нас в ответе и ему.

Покаемся пред ним по совести, бояре!

Я разумею, хуже от того

Не станет нам.

Бутурлин.

А не бывает хуже.

Куракин.

Ан будет хуже, коль в царев приказ

Потащит он за бороды вас тут же!

Одоевский.

Еще потащит ли?

Входит Воротынский.

Куракин.

Пожаловал и сам

К нам воевода... Легок на помине!

Воротынский.

Желаю здравствовать, бояре!

Дмитрий Шуйский.

Буде здрав

И ты, Михайло! (Боярам.)

Место воеводе!

Сицкий (подвигаясь).

Ты здесь старшой, садися посреди!

Воротынский (саясь).

Спасибо вам за честь. Одначе не пристало

Мне с вами сидеть без нужды. Прерываю

Так продолжай, Куракин.

Куракин.

Я уж кончил.

Сицкий.

Хотели мы тебе, Михайло, напрямик

Покаяться...

Воротынский (усмехаясь).

А в чем же вины ваши

Передо мной?

Сицкий. Ты помнишь ли наказ
Царев о том, чтобы для новой брани
Готовить войско?

Воротынский. А об чем же мне
Еще и помнить?

Сицкий. Ратников-то мало
Осталось на Руси... Кто есть — и те в бегах!

Воротынский. Сие мне ведомо. Одначе, поелику
Возможно было, мы царев указ
Исполнили

Сицкий (решительно). Повинны, воевода,
Мы пред тобой: но сей наказ царя,
А такожде и твой, Михайло, не был вовсе
Исполнен нами.

Воротынский (пораженный).

Этак не шути
Со мною, Сицкий! Я не разумею
Подобных шуток!

Бутурлин. Он не шутит, князь...

Воротынский.
Ты что сказал? Три дня назад не ты ли
Мне сказывал, что в Старицу привел
Семь тысяч ратников? А на Москве да в Шуе
Еще семь тысяч? Да еще в Твери
Две тысячи! Вы что, себе потеху
Удумали? Так я, бояре, стар,
Чтоб надо мной вы потешаться смели!

Сицкий.
Нет, мы не тешимся, боярин, над тобой.
Спокойно слушай! Слушай, воевода,
Всю истину по совести, как есть.
Так ведай же о том, что не победы царской
В Ливонии мы ждали, но конца
Владычеству Ивана. Избавленья
Мы ждали для себя и для всея Руси.
А потому и ратников не было
Искали для царя Ивана... А тебя
Обманывали мы, Михайло, не по злобе,
Но по нужде.

Воротынский (встает, вне себя).

Да как?! Да как вы мне...
Мне смеете про черную измену
Свою сказать?! Да я... да я... в приказ
Сведу вас всех!!! (Хочет идти.)

Спицкий (задерживая его). Помысли, воевода,
Что хочешь делать? Коль поверит царь
Тому, что не был заодно ты с нами,
Так, верно, уж за то, что ты недоглядел
За воеводами своими, быть на плахе
Тебе, как нам!

Одоевский. Да и за что коришь
Изменою? Кому измена? Нешто
Мы супротив Руси замыслили идти?
Кому измена-то? Злодею! Душегубу!
Дьявольским его порядком! И ты
Обид не столь же принял от Ивана
И от его тиунов, как и мы?
Чего ж сам ищешь ты?

Воротынский. Батория Стефана
Я не ищу! От врагов Руси
Я и тогда б не чаял избавленья,
Когда б мне надобность была в том! Вот мой сказ.
Повинен я пред нашим государем,
Что, может, глупым помыслом грешил
Я супротив него. Казался мне порою
Жестоким нрав царя, но прав был государь!
Когда окрест кишат такие змен,
Так и ужа, принявши за змею,
Убить не грех.... И, коли быть на плахе
Мне за вину мою перед царем,
Я буду рад тому, что не совместно с вами
На смерть пойду!

(Идет к двери.)

Дмитрий Шуйский обнажает саблю и загораживает ему дорогу

Назад, щенок!

(В свою очередь обнажает саблю.)

Такая на Руси не выкована сабля,
Чтоб переведаться осмелилась с моей!

Дьются.

Дмитрий Шуйский.
А поглядим еще!

Куракин тоже обнажает саблю.

Одоевский. Да где же князь Василий?

Входит Василий Шуйский со слугами.

Василий Шуйский.

Он здесь, крамольники!

(Слугам.)

А ну, вяжите всех!

Я вовремя успел.

Воротынский (крестясь).

Благодаренье богу,

Что оказался ты не заодно

С крамольниками! Грешен пред тобою

Я, князь Василий! Думал, что и ты

С крамольниками тож...

Василий Шуйский.

Михайло Воротынский!

Ты не хитри! Я все слыхал!..

(Слугам.)

Его

Вяжите первого!

Воротынский.

Да ты рехнулся, что ли?

Василий Шуйский.

Вяжите всех!!!

Бутурлин (сдергивает скатерть, на которой стоят светильники. Они гаснут).

Назад, холоп!

Первый голос (во тьме).

Огня!

Василий Шуйский.

Огня сюда!

Второй голос. Вяжи его!

Третий голос. Попробуй!..

Вишь, сабля у него!

Слуги вносят факелы. Все бояре-воеводы уже связаны, кроме Воротынского, стоящего в углу горницы с обнаженной саблей. Около Воротынского лежит без движения один из слуг.

Воротынский.

Пустите! Я один

На саблях бился с ними... Пусть покажут!

Василий Шуйский.

А вот когда в царев приказ

Всех приведут, покажут пусть!

Воротынский.

Василий,

Они меня по злобе оболгут,

Как царского слугу, скорее всех!

Василий Шуйский.

Стыдился б

Ты, Воротынский! Не к лицу тебе

Так предо мною лгать и извиваться,

Ужом прикидываться, мысля уползти
От смерти за свою змеиную измену!
Ты воеводой был, умей же и держать
Ответ теперь, как воевода: с честью!

Воротынский.

Ты видишь, боже! Смерть мне не страшна...
Но с ними вместе умирать мне страшно!
Василий, пощади! Не лгу!..

Василий Шуйский. Пощады нет
Крамольнику! Ведите с ним и прочих!

Слуги вяжут Воротынского.

Одоевский.

Одоев, Василий! Ты уразумел,
Что совершаешь?

Василий Шуйский. Вывожу крамолу
И праведно служу московскому царю!
Али не так?

Одоевский. Так я не Воротынский!
За мною вслед и ты на плаху приползешь!

Куракин.

Царь будет ведать, кто всему зачинщик!
Тебе в том смертной клятвою клянусь!
И тем, что наши головы ты выдал,
Свою от топора не мысли уберечь!

Василий Шуйский (слугам).

Ведите всех! Нет, погодите малость:
Пожалуй, Сицкого оставьте здесь со мной.

Всех, кроме Сицкого, уведат.

Я слышал, князь, увещевал ты будто
Крамольников? Тебя я отпущу.
Как оправдаться — сам помысли.
Я на тебя царю не покажу...
А ты, отсель когда пойдешь сенями
Моими, приглядишь маленько к чернецу
Выскому да бледному такому,
Что там сидит. Привиделся мне сон:
Как будто инок сей пред въездом госулаоя
Роскошнейший град мутил народ!
И вдруг, гляжу, ты из толпы пробрался,
Схватил крамольника да под ноги царю
И бросил тут же! Царь, сие увидя,
Был милостив к тебе... Пошли ему господь
Лет многих! Может, сон-то в руку?..
Как мыслишь, Сицкий?

Сицкий. Мысли, князь,
Мои все спутались... Еще не разобрался
Я толком в том, что совершилось тут.
Одно лишь ведаю: кому б ты зла ни сделал,
Однако же меня от плахи уберег.
Зачем тебе я надобен, не знаю...
Но, видно, надобен. Прощай! *(Уходит.)*

Василий Шуйский.
А ты, чай, Митенька, умаялся с дороги?
Поди да отдохни!

Дмитрий Шуйский. Не по душе мне, брат,
Твои дела.

Василий Шуйский. Ты, Митя, управляйся
На поле брани со своим мечом,
А я дела другие буду ведать.
Ты лучше вот о чем распорядись,
Когда пойдешь к себе в опочивальню:
Чтобы холопов тех, что повели в приказ
Крамольников, послали нынче в Шую —
В наш город вотчинный. А нам сюда взамен
Прислали бы другую челядь.

Звон колоколов.

С чего колокола? Помилуй нас, господь!
Дмитрий Шуйский.
Знать, повелел уже митрополит московский
Служить молебны всем церквам
За то, чтоб ниспослал господь царю победу.

Василий Шуйский.
Пусть будет милостив к нему господь и впредь.
Да, Митенька, пошли-ка по дороге
Ко мне монахов, что сидят в сениях.

Дмитрий Шуйский уходит. Колокольный звон постепенно стихает. Входят Акакий и чернец.

Василий Шуйский *(всматриваясь в чернеца)*.
Вот ты каков?.. Знать, правду о тебе
Слышал я... Но скажи вначале:
(Колокольный звон)... Все будет твоему,
За то, чтобы сказать пред царскими очами
Все, что желаешь, — примешь смерть?

Чернец.

Приму.

Вновь бьют колокола.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Солнечный полдень. Комната царевича Феодора. Перед царевичем стоят два купца, живописно расстелив персидские ковры; возле ковров, что похуже, стоит щеголевато одетый молодой купец; подле лучших ковров — купец пожилой и солидный. В углу сидит старая мамка Кирилловна. Она вяжет.

Молодой купец.

Царевич-батюшка! Да этаких ковров
Не токмо у него

(показывает на пожилого купца),

а и на божьем свете

И не было и нету, почитай.

Окроме этих двух! Такой красы доселе

Глаз не видал. Могу тебе на том

Крест целовать! Когда я вез ковры те

Из Персии, великий стон стоял

В персидском царстве!

Кирилловна.

Господи! Вот врет-то!

Молодой купец.

Давал за них персидский царь

Мне тысячу червонных за персидский ковер!

Кирилловна.

Ишь, грех какой!

Молодой купец.

«А ежели, говорит,

Не хочешь девок, коль желаешь, — войска

Сто тысяч бери!»

Кирилловна.

О господи! Все врет!

Молодой купец.

А я в ответ: «Товар-от не продажный;
Те самоцвет-ковры везу я на Москву
Феодору-царевичу под ножки,
Под белые его да в красных сапожках,
Чтобы тем ноженькам ступать не больно было!
А ты, я говорю, хоть и персидский царь,
Да наш царевич-то — царевич православный,
Ты супротив его — проклятый басурман!»

Царевич Феодор.

Ужасно все правда это?

Молодой купец. Правда.

Кирилловна.

О господи! Ну до чего же врет!

Не приведи господь...

Молодой купец. Возьми алтын, старушка,

Да малость помолчи!

Кирилловна (*пряча алтын*). О господи! Вот плут!

Царевич Феодор.

Ты, добрый человек, скажи мне: а не поздно

Взять за ковры сейчас с персидского царя

Сто тысяч ратников?

Молодой купец. Такая незадача!..

Персидский царь-то в аккурат вчера

Преставился...

Царевич отходит к окну.

Кирилловна. О господи! Вот врет-то!

Молодой купец.

За что же, ведьма, ты алтын взяла,

Коль не молчишь?

Кирилловна. Ты что ж удумал: совесть

Мою купить? О господи! Вот плут!

Царевич Феодор (*смотрит в окно*).

Чего-то брат Иванушка с охоты

До сей поры не едет? Уж чего

где приключилось ли недоброго? Помилуй

И сохрани его, заступник наш господь!

(*Крестится.*)

Кирилловна.

Чему случиться-то?.. И так уж, словно ангел,

Ты братца бережешь... И я-то за тобой

Так не ходила, как за ним ты ходишь..

Уж чисто ангел!

Царевич Феодор. Чаю, сокола
Поизлетались, а все не едет братец!
Неосторожен он, отважен да удал!
(Пожилому купцу.)

А ты чего ж ковры свои не хвалишь?
Пожилой купец (показывая ковры).
Когда товар сам красен по себе,
То красных слов ему не надобно в подмогу,
Царевич-батюшка!

Кирилловна И впрямь его ковры
И показывать да и похвалить!
Молодой купец (Кирилловне). Ведьма!
(Царевичу.)

Царевич-батюшка! Да ежели нужны
Тебе ковры не для своей палаты,
А для дворовых слуг аль для отхожих мест,
Тогда его ковры скорей моих сгодятся.

Царевич Феодор.
Негоже так товарища срамить!
Молодой купец.
Да нешто он товарищ мне? Да это ж
И вор и плут первейший!

Пожилой купец. Сам ты вор
И враль персидский!

Царевич Феодор (отходя от окна).
Слава богу!
С охоты едет братец мой Иван!
(Купцам.)

Спасибо, люди добрые! Ступайте!
(Бросает кошель.)

Вот вам обоим тут. Но вдругорядь ко мне
Уж по отдельности ходите, а не вместе.

Купцы.
Царевич-батюшка, спасибо!

Молодой купец (передавая деньги пожилому).
Прибери,

Любезный батюшка!

Пожилой купец. Подай, сынок! Царевич!
Ты нас прости по милости твоей,
Но токмо порознь мы не ходим с сыном,
А вместе ходим.

Купцы кланяются и уходят.

Кирилловна. До чего ж плуты
Бывают люди! Господи, помилуй!
(Крестится.)

Входит царевич Иван.

Царевич Феодор.
Иванушка, будь здоров! Я думал: что стряслось
С тобою, братец?

Царевич Иван. Не ходи, как мамка,
За мной. Феодор!

Царевич Феодор. Как же не ходить?..
Вон ты во двор и то въезжаешь скоком,
А конь-то у тебя уж больно норовист!
Так долго ль до беды?

Царевич Иван. Феодор, надоела
Твоя забота мне.

Царевич Феодор. Ну, братец, не сердись,
Я помолчу.

Царевич Иван (указывая на ковры).
Что это за рогожи?

Царевич Феодор.
Да вот купил у одного купца.
Ковры-то плохоньки... Да врал уж больно складно
Про них купец... Так я не захотел,
Иванушка, купца того обидеть
И взял ковры. Да я сейчас велю
Их унести. А ты вот погляди-ка
На те ковры!

Входит Василий Шуйский.

Василий Шуйский (кланяясь).
Желаю много лет
Вам здравствовать, царевичи!
(Кирилловне.)

Что редко
Ты стала жаловать, Кирилловна, ко мне?

Кирилловна.
Приду, боярин-батюшка! Спасибо
За память да за ласку

Царевич Иван. С чем пришел?
Аль просто так пожаловал, боярин?

Василий Шуйский.
Да ненароком... Шел не второпях
Неподалеку... и о здоровье вашем
Решил наведаться...

Царевич Иван.

На том спасибо, князь.

Царевич Феодор уходит.

Есть вести новые?

Василий Шуйский. Да как вестям не быть-то?

А как услышишь — лучше б им не быть!

Царевич Иван.

Какие ж вести?

Василий Шуйский. Сказывают, Полоцк

Баторий взял три дня тому назад.

Царевич Иван.

Неужто правда? А того бояре

еще не ведают?

Василий Шуйский. Да как не ведать им?

Дивятся все тому, что под Москвою

Досель полки Мстиславского стоят

Без всякой пользы. И тому дивятся,

Сколь нерешителен стал ноне государь.

Царевич Иван.

А боле ни об чем не говорят бояре?

Василий Шуйский.

Нет... боле... так...

Царевич Иван.

Скажи, еще об чем

Бояре говорят?

Василий Шуйский. По совести, царевич,

Иные — о тебе!..

Царевич Иван.

Что обо мне?

Василий Шуйский.

Да так...

Пустое...

Царевич Иван. Сказывай!

Василий Шуйский. Да, говорят, годами

Хоть ты не зрел еще, иначе и не млад,

Что делу ратному довольно ты обучен,

И разум хвалят твой. Иные говорят,

Что стар уже родитель твой для брани...

И, ежели б Мстиславского полки

Ты сам повел Баторию навстречу,

Не только б Русь от ляхов спасла

И Ливонию...

Царевич Иван.

Где царь?

Василий Шуйский.

О том, царевич,

Царю не сказывай, что я сейчас тебе

Здесь говорил по простоте душевной.

Царевич Иван.

Где царь?

Василий Шуйский.

Не ведаю... но будто бы...

Царевич Иван (*грозно*). Где царь?

Василий Шуйский.

В застенке будто с кравчим Годуновым

Пытает сам крамольных воевод.

И в столь великом, сказывают, гнев...

Входит царевич Феодор, с ним двое слуг. Василий Шуйский сразу умолкает.

Царевич Феодор (*сидит*).

Вот эти коврики отсель куда-нибудь

Снесите прочь. А эти будто краше,

Пусть остаются.

(*Брату.*)

Экие на них

Узоры хитрые повытканы!

Царевич Иван.

Пригожи.

Царевич Феодор.

А коли нравятся, Иванушка, возьми

Ты их себе, а я куплю другие.

Царевич Иван.

Эх, не от мира ты, Феодор, человек!

За дверью шаги и голоса.

Кирilloвна (*прислушиваясь*).

Никак, царя несет сюда не в пору?

(*Царевичам.*)

Прости мя, господи, хоть батюшка он вам,

А все одно — в кровище весь да в блуде!

Царевич Иван.

Уймись ты, ведьма!

Входят царь Иван и Годунов.

Иван (*Годунову*).

Что мне в том,

Что их тела изорваны железом?

Что жала их я вырвать прикажу

Змеины? Что я глаза им выжгу

И раскаленными щипцами по кускам

Им буду тело рвать? Когда у них на дыбе

Хрустели кости и под ногти им

Я иглы раскаленные вгонял, мне муки

И стоны их души не веселили,

И легче мне не стало! Что мне в том?

Кирилловна (становясь перед Иваном).

В геенне огненной, на противне железном
Гореть тебе в аду!

Иван. Кирилловна, ты здесь?

Ступай отсель! А я молиться стану,
Чтоб дал тебе господь пристанище в раю,
Чтобы, Кирилловна, уж хоть на том-то свете
Не довелось мне встретиться с тобой!

Кирилловна.

Ишь, богохульник!

Иван (запосл посох). Прочь, проклятая старуха!
В грех вводишь?! Мучишь?! Не убью!!!

(Отбрасывает посох.)

Ступай отсель!

Кирилловна. Уйду... уйду... Уйдешь ли
Ты, нечестивец, сам от божьего суда?

(Уходит.)

Иван (оглядывает присутствующих и замечает Василия Шуйского).

И ты, Василий, здесь? Михайло Воротынский
Себя ни в чем повинным не признал.
Другие же созналися. Однако

(Годунову)

Скажи, Борис, сознавшись, на кого
Как на зачинщиков крамолы показали?

Годунов.

На Шуйских.

Иван. Ну, Василий?!

Василий Шуйский. Государь,
Дозволь спросить Бориса Годунова!

Иван.

Спроси.

Василий Шуйский.

На Сицкого никто не показал
Из душегубов?

Показали, точно,

И на него.

Василий Шуйский.

А почему молчишь

Ты про него, боярин?

Годунов.

Князь Василий!

Когда б не с головы я начал, а с хвоста,
То с Сицкого бы начал. Ты зачинщик,
По их словам.

Василий Шуйский.

Великий государь!

Дозволь сказать мне!

Иван.

Сказывай.

Василий Шуйский.

Ужели

Столь трудно умысел крамольников понять?

Кто их изобличил в измене? Шуйский с Сицким?

Кому ж иному захотят отомстить

Они пред смертию? Так трудно ль

Понять изменников, возводят почему

Напраслину на Сицкого и Шуйских?

А кто же, государь, еще верней тебе,

Чем Сицкий, служит? Помнишь ли смутьяна,

Монаха дерзкого, мутившего народ,

Когда в Москву въезжал ты?

Иван.

Как не помнить?

Изловлен Сицким был крамольный инок тот.

Василий Шуйский.

Кому же верить должно? Нам ли с Сицким,

Аль тем крамольникам, что нам по злобе мстят?..

Я ведаю, кто был зачинщик!

Иван.

Кто же?

Василий Шуйский.

Тот, кто себя повинным не признал

Перед тобою вовсе. И другие

Показывают меньше на кого,

Тот есть всему зачинщик!

Иван (Годунову).

Одоевский

Так показал, что непричастен к ним

Михайло Воротынский. Також само

Куракин показал.

Василий Шуйский.

Великий государь!

Зачинщик всей крамолы — Воротынский!

Иван.

Что ж, не без разума догадка у тебя!

(Резко берет шуйского за плечи и смотрит ему в глаза.)

А ты не лжешь? Гляди в глаза, Василий!

Гляди в глаза!

Василий Шуйский.

Любую смерть приму,

Когда солгал тебе или солгать решуся.

Иван.

Так... Верю я. Ступай!

Шуйский уходит.

И ты поди, Борис,
Да Магнуса вели привести в мои палаты:
Повинную он хочет принести...
И також чернеца, что перед всем народом
Корил меня да Сицким схвачен был.

Годунов уходит.

Иван (*царевичу Ивану*).

Тебе, царевич, ведомо ль о том, что
Баторий Полоцк взял и сызнова грозит
Закрыть нам к морю путь?

Царевич Иван.

Неведомо другое.

Мне, государь! Доколе под Москвой
Полку Мстиславского без дела находится?
Ужель нельзя его в Ливонию послать?

Иван.

А Крымский хан Гирей далеко ль за Окою
Стоит с ордой? Небось того и ждет,
Чтоб я в Ливонию Мстиславского отправил,
А он тем временем пришел бы на Москву?
Изменники Руси! Хриstopродавцы! Псы!

(Показывая ладони.)

Еще их кровь на мне... Еще я слышу стоны
И крики их... да что мне в том!
Когда б добыть я мог из их змеиной крови
Для брани ратников, стоятелей честных
За земли наши!.. Поздно!.. Поздно!..
Баторий, словно тигр, ощерился на Русь...
Швед — как шакал... А хан Гирей — как ворон!..
Все собрались!.. Все часа ждут!..

Царевич Иван.

Великий государь! Родитель мой. И вправду
Тебе, знать, тяжело, коли так ослаб
Ты духом ныне, что страшиться начал
Всех врагов своих... А враг наш один:
Стефан Баторий! Коли одолеем
Мы тигра, сам уйдет шакал
А ворон отлетит!..

Иван.

А коль не одолеем?

Что станется с державой?

Царевич Иван (*становится на колени перед царем*).

Государь!

Не медли дня! Пошли меня с Мстиславским,
И чести русской я не посрамлю!

Иван (*глядя голову царевича*).

Иван!.. Мне твой задор напомнил
Остывший ныне пыл моих незрелых лет.
Я також помышлял, но юности горячность
Не служит зрелости на пользу, нет, Иван!

Царевич Иван.

Великий государь, клянуся — без победы
Я не вернусь живым!

Иван.

Кому тогда престол
Оставляю я? Тем уготовишь гибель
Себе ли одному? А коль побит придешь,
Простится ли сие тебе на троне царском?
Нет! Будущим царям игрушкой судьбы
По доброй воле быть не должно!

Царевич Иван.

Поверь мне, государь, — с победою вернусь!

Иван.

А и твои победы мне страшнее,
Чем поражения... Небось превозносить
Все вороги мои тебя с охотой станут...
Нашептывать тебе, что ты уже созрел
Для власти царской... А отец твой
Уж держит скипетр слабеющей рукой...

Царевич Иван.

Ужели, батюшка, ты даже мне не веришь?

Иван.

Тебе?.. Хотелось бы...

(*Со вздохом.*)

Не верю никому!

Не торопись, мой сын... Еще ты млад годами.
А мудрость с юностью не дружат никогда!
Беда идет на нас... Сейчас подумать в пору
Не о Ливонском море, а о том,
Как Русь оборонить? Как оберечь державу...

Г... У...
...смотрит на Феодора, который стоит перед божницей, с цветком в руке.

А ты все молишься, Феодор?

Царевич Феодор.

Все молюсь,

Царь-батюшка.

Иван (*с иронией*).

Видать, грехов немало
В роду у нас, коли послал господь
Нам своего святого... Ты, Феодор,

Молиться должен весь свой век, поди,
Чтоб замолить все то, что совершили
И прадеды твои, и деды, и отцы!
Немало у тебя заботы!..

Царевич Феодор. Коли воля
Твоя, царь-батюшка, я помолюсь за всех.

Иван. Тебе бы в монастырь, Феодор?

Царевич Феодор. Воля ваша.

Иван. Феодор!

Царевич Феодор. Что, царь-батюшка?

Иван. Пора

Женить тебя!

Царевич Феодор (кланяясь).

А и на это воля

Твоя, царь-батюшка!

Иван. Я высватал тебе

Сестру боярина Бориса Годунова —
Ирину.

Царевич Феодор (кланяясь).

Батюшка, спасибо!

Иван. Годунов

Не знатен родом, тем верней, иначе,
Он будет нам служить, когда его к себе
Приблизим столь.

Царевич Феодор. Сам ведаешь ты лучше,

Царь-батюшка, как надо поступить.

Иван (с сердцем).

Дивлюсь я господу: где на такую душу,
Как у тебя, набрал он простоты!

(Уходит, хлопнув дверью.)

Царевич Феодор.

Иванушка! Ты Шуйского не слушай:

Он — хитрый человек!

Царевич Иван (презрительно).

Что ведать можешь ты?!

КАРТИНА ПЯТАЯ

Кремль. Престольная палата. Царь Иван, Василий и Дмитрий Шуйские, Годунов, Бельский, Нагой, Захарьин-Юрьев, Мстиславский, Сицкий и другие бояре. Слева и справа от царя — рынды. У входа — стража. Опустившись на колени перед царем, стоит королевич Магнус. Он в рыцарском одеянии, но без оружия.

Иван.

Что ж, на тебя я гнева не держу!
И коли ты согласен, королевич,
Из оук моих принять ливонский трон
И королевствовать, но под началом нашим,
То ныне я тебе свободу возвращу!

Магнус.

Согласен я. Да будет милость божья
Тебе достойною наградой за твою!

Иван.

Целуй мне крест на том!

Годунов подает Магнусу рыцарский меч с крестообразным эфесом.

Магнус (*целует эфес меча*). На рыцарском кресте
Даю тебе торжественную клятву,
Всея Руси великий государь,
Что никогда я, королевич Магнус,
Ни слову, данному тебе, не изменю,
Ни верности своей отныне не нарушу
Престолу русскому!

Иван.

Так... Верю. Поднимись!

(*Опоясывает Магнуса мечом.*)

Ступай на Псков. Там примешь под начало
Свой прежний полк. На том прощай!

Королевич Магнус кланяется и уходит.

Введи к нам инока своего, боярин Сицкий!

(*Сицкий мнется в нерешительности.*)

Что ж не идешь?

Сицкий.

Великий государь!

Дозволь сказать: еще в нем не смирился
Бесовский дух... Гордыней обуян,
Он и на розыске хулить тебя пытался...
Боюсь я...

Иван.

Делай то, что я тебе сказал!

Сицкий уходит и возвращается с чернецом. Иван пристально смотрит на чернеца, который гордо стоит, не отдавая поклона.

Ты это что ж? Не хочешь и поклона
Мне, государю твоему, отдать?

Чернец (спокойно).

В дни твоего правления над нами
Всея Руси великий государь
Не ты, а плаха! И пред нею вскоре
Я голову, как надо, преклоню!

Пауза. Ропот среди бояр.

Иван.

Так мыслишь ты, что царством правит плаха?

Чернец.

Я мыслю так, как мыслит весь народ.

Иван.

Как? Весь народ? Ужели обвиненье
Народ мой на меня столь тяжкое возвел?
Так сказывай! Так сказывай мне вины
Мои!!!

Чернец.

Сам ведаешь.

Иван.

Не ведаю, прости!

Не знаю сам... Гордыня ль ослепила
Мои глаза?.. Бояре ль от меня
Весь божий мир стеной отгородили?..
Но сей народный глас сюда не проникал!

Чернец.

Не думаешь ли ты, что я перед тобою
Изречь, земной владыка, не решусь
Слова, в уста мои ниспосланные свыше
Владыкою небесным?

Иван.

Говори ж!!!

Чернец.

Как слушаи ты, царь, сделавший из плахи
Себе престол! Ты, царский скипетр свой
Занесший, как топор, над головой народа!
Ты, в царских бармах жалкий скоморох
И осквернитель риз помазанника божья!
Скажи, какой, хоть малой, пользы ради
Несчетное число вернейших слуг твоих
Ты предал смерти? Доблестных мужей,

Чья мысль была в твоей боярской думе
Остра, как меч! Чей меч был быстр, как мысль,
Разя твоих врагов на поле грозной сечи?
Где князь Серебряный? Где Старицкий? Репнин?
Татищев? Князь Горбатый-Шуйский?
Морозов? Пронский? Салтыков?
Князья Ростовские?

Иван (*протягивая синодик*).

Возьми, чернец, синодик:

Всех имена сюда я бережно вписал...

Чернец (*отстраняя синодик*).

И без синодика их имена известны
Вся Русь! И помнит их народ
Не как людей, безвременно принявших
На лобном месте смерть из лютых рук твоих,
Но по делам и доблестям покойных!
Скажи, за что их предал казни?
Какую пользу в том ты для себя сыскал?
Чего хотел достичь, спустив на нашу землю
Своих опричников, как стаю псов цепных?
Твои тиуны предали огню
Сады цветущие, хоромы и угодья.
С какою целию сие совершено?
Но ты и тут, до нашей крови жаден,
Не перестал злодействовать! Когда
Басманов с Вяземским твою свершили волю,
Ты даже им — твоим вернейшим псам,
Своею лютостью звериною служившим
Неосушимой лютости твоей, —
Ты даже им велел срубить на плахе
Их волчьи головы, служившие тебе...
Казнив бояр, лишивши духовенство
Былых богатств, ты и простой народ
Своею злобой лютой не оставил:
Ты поднял христиан с тех мест, где испокон
Они своей землей по малости кормились,
И в дальние места переселил
На глад и мор! Пронди все царство ныне:
Такого места нет и нет избы такой,
Куда бы смерть или другое лихо
Из каменных палат твоих не забрело!
Татар — и тех из царств, тобою взятых,
Ты с мест насиженных на запад перегнал,
А честных христиан пригнал к татарам в степи...
Зло и бессмысленно деяние сие!

А погляди окрест: разор и запустенье...
И бродят беглые да тати по Руси!
Все, что ни делал ты, — безумно! Твой наставник,
Сильвестр покойный, мудростью своей
Увещевал тебя при всем боярском вече
Вести полки на Крым и воевать татар,
Но ты отверг совет его премудрый
И войско обратил на шведов и Литву.
А крымский хан Гирей, пока земли заморской
Ты добывал себе, пришел и сжег Москву...
Бессмысленность, жестокость и злодейство —
Вот три кита правленья твоего!
У прага небесных, на пороге гроба,
Я ложью уст своих не оскверню:
Но будешь проклят ты! Из рода в род потомки
Тебя своим презреньем заклеят.
И матери детей пугать тобою станут!
И будешь ты, казнивший свой народ,
Казним народом в каждом поколении
От дня сего и до скончанья дней!

Иван.

Сколь страшен приговор, столь тяжки обвиненья
Твои, чернец! Но не пристало мне,
Царю московскому, пред иноком безвестным
Ответ держать!

Поди сюда, чернец.

Чернец подходит.

Нет, выше поднимись! Стань на ступени трона!
(Снимает с себя венец, бармы, надевает их на чернеца).

Чернец.

Что, государь, ты делаешь?

Иван.

Молчи!

Я — царь еще... Отвагою своею
И разуменьем светлым ты пленил
Меня, чернец! Садись на трон и царствуй!
Не мученика я даю тебе венец,
Но свой венец — царя и государя
Возьмешь!

Чернец.

Не смейся надо мной!
Вели свести меня назад в мою темницу!

Иван.

Зачем в темницу? Нет! Ты праведно корил
Меня бессмысленным правлением. Под старость
Частенько мы уходим в монастырь

Замаливать грехи... Но перед пострижением
За зло, какое я народу учинил,
Дай совершить мне доброе деянье
И на престол московский посадить
Царя разумного и кроткого. Но дай мне,
Премудрость слов твоих познавшему, узреть
И мудрость дел твоих! Вели писать указы —
Взамен моих — иные!

Чернец.

Государь!

Иван.

Уж я не государь. Ты — государь отныне!
Я здесь затем, чтобы помочь тебе
Принять правление. Лиха беда начало!
Решай же, государь: с чего начнешь? Начни
С Ливонии, пожалуй? Дай немедля
Полкам, что там стоят, указ идти на Крым!
Так тотчас повели хотя бы Годунову —
Дела он ведает — тебе указ о том,
Как должно, сочинить.

(Годунову.)

Слыхал ли ты, боярин,
Что надобно царю?

Годунов.

Сей гибельный указ

Бессмыслен...

Иван.

Почему?

Годунов.

Не тем сильнее крымцев

Мы, государь, что больше нас числом
Аль мужества в нас больше, но сильнее
Своим оружием. Мы от татарских стрел
Несем урон не тот, что от московских пушек
Несут татары. Тем скорей
Мы одолеем их, когда нам вдоволь зелья
И разного оружия сюда
Из Англии купцы заморские доставят.
А как доставишь, коли нет пути
Московского и нем? Когда Варяжским морем
Владеют ляхи, шведы и никто
Из них сюда проходу и проезду
Торговым людям вовсе не дает?
Мне помнится, по оной же причине
Ты и решил, великий государь,
Искать себе не Крыма поначалу,
Но у ливонцев море воевать.
Инако поступить разумно ли?

Иван.

Как смеешь

Царю перечить, дерзостный холоп?
Коль он велит на Крым идти, так, видно,
Ему, царю, торговые пути
Иные ведомы! И не Варяжским морем
Сюда что надобно доставят, а другим!..

Годунов.

Пути какие же?

Иван.

Он ведает, какие,

А я не ведаю! Скажи им, государь,
О тех путях: негодные людишки
Царю не верят на слово! Теперь
Сам посуди: легко ль мне было с ними?

Чернец.

Ты, государь, не смейся надо мной,
Я никаких путей не ведаю торговых.
Но разве, государь, ты столь же второпях
Писал сии важнейшие указы,
Как ныне мне писать велишь?

Иван.

Ты мудро, государь, отвечивал. Невольно
Мы не должны тебя, чтоб тотчас ты на Крым
Послал полки. В Ливонии покамест
Пусть остаются. Надобно тебе
Решение, столь важное, обмыслить.
Но, быв царем и мысля над одним
Указом важным, в ту пору иные
Дела решал я, важные не столь.
Я разумею, ты поступишь так же?
Так отмени безумные мои
Указы прочие! Вели обратно в степи
С границ Ливонии татар переселить,
А христиан из тех степей на земли
Те самые, отколь без всякого ума
Я поднял их. Уж то-то благодарны
Тебе все будут! Годунов, пиши
Царев указ!

Годунов.

И радость принесет кому такой указ,
Руси же принести он может токмо горе.
Когда с Ордою шел Девлет-Гирей
Степями на Москву, кочевники степные
Упередить не токмо нас о том
Не захотели, но Девлет-Гирею
По мере сил еще и помогли!

Тогда-то, помнится, ты, государь, замыслил
Славянами те степи заселить,
Татар же из степей переселить на запад,
Чтоб, ежели опять на нас пойдет Гирей,
Он по пути татар уже не встретил,
Но встретил бы славян с оружием в руках.
А коль опять татар мы супротив поставим
Татар же, вновь Девлет-Гирей
На Русь придет с их помощью, как было.

Иван.

Попшто опять переселишь ты царю
Холоп ничтожный? Ежели желает
Переселенцам долю облегчить
Великий государь, так от татар, как видно,
Другая есть защита у него!

Годунов.

Какая же?

Иван.

Он ведает, какая.

А я не ведаю. Великий государь,
Скажи ты им... Вишь, на слово не верят
Людишки-то опять...

Чернец.

Я государских дел

Не ведаю. Ты — государь, я — инок.
Свое пусть каждый ведает!

Иван.

Ты прав.

Однако ведь не я к тебе явился в келью
Твои дела судить, а ты пошел судить
Перед народом царские деянья!
Ужели на сие решиться ты посмел,
Дел государских не постигнув мыслью?

Чернец.

Я шел сюда, чтоб смерть принять,
А не посмешищем служить твоим боярам!

Иван (оглядываясь).

И впрямь они смеются!.. Вы над кем
Удумали потешиться, бояре?
Нипа перел ним! Он — ваш желанный царь!

Сицкий.

Да что ты, государь!

Василий Шуйский. Да разве мы...

Иван.

Молчите!

Подобный царь вам снится каждый день!

Василий Шуйский.

Да что ты, государь!

Бельский.

Напраслина!

Захарьин-Юрьев.

Клевещешь

На нас, бояр своих!..

Иван.

Да вправду ль клевету?

Ведь ежели бы вам иметь царя такого,
Так вы от радости лишились бы ума!
Он с вами б говорил зело велеречиво,
А вы тем временем вершили бы дела...
Помыслите: была б тогда какая воля
Хотеньям вашим? Ты, Нагой, небось
При этаким царе извел бы Годунова,
Когда б допрежь он не извел тебя!
А ты тем временем, Мстиславский, их обоих
На Бело-озеро сослал бы! Ведь у них
Нет войска своего, ты ж — старший воевода!
Все войско у тебя. А там и ты, глядишь,
Не долго б царствовал: Иван Петрович Шуйский
Из Пскова на Москву свои полки привел...
Вот то-то было б вам раздолье!..
По всей Руси стоял бы дым столбом!
Чего же вы робеете, бояре,
Челом ударить вашему царю?

Бельский.

Великий государь!

Иван.

Молчи! Челом ударьте

Ему, бояре!

Сицкий.

Что ты!

Иван.

Бить челом!!

Вам говорю?

Бояре кланяются чернецу.

Да нешто так? Пониже

Поклон отдайте! Вот ваш царь!
Небось когда он тут погаными словами
Срамил меня пред вами, так у вас
И животы от радости тряслися?
Так бейте хоть за то теперь ему челом!
(Годунову).

А ты что в стороне? Где обьешь челом? Ты что же,
Перечись мне?

(Заносит угрожающе посох.)

Годунов.

Я лучше смерть приму

От государя моего, чем стану
Безумному холопу бить челом!

После ответа Годунова Василий Шуйский, прятаящийся за его спиной,
решительно выпрямляется.

Иван. А ты, князь Шуйский, тоже смеешь
Меня послушаться?

Василий Шуйский. Великий государь!
Велеречивостью господь меня обидел,
Таким словам меня не вразумил,
Какими Годунов ответствовал столь складно.
Но с Годуновым помысел один
И у меня.

Иван (Чернецу). Вишь, до чего спесивы!..
А ты еще вступался тут за них.
Корил меня опричниной! А нешто
Один с боярами управился бы я?
Что ж, государь? Вели назад уделы
Отдать боярам! С плеч своих
Всю власть переложи на плечи их помалу.
Пиши указ!.. А я вот погляжу,
Как меж собой великой кровью тяжбу
За земли да за власть начнут твои князья..
А вороги Руси, их порознь одолевши,
Мечу и гибели державу обрекут!
Аль не было уж так, когда пришли татары?
Когда б так не было, я на своем горбу
Нести единой власти бремя
Не стал бы, как верблюд... Верблюда-то господь,
Вишь, пожалел да сотворил двугорбым,
Меня же за грехи оставил так, как есть!

Чернец.
Великий государь! Уволь меня, довольно!..
Пусти меня... Мне тяжек твой венец!

Иван. Уж тяжек стал? Тогда глаголом, инок,
Мой темный разум просвети.
Уразуметь хочу: что — благо? что — злодейство?
Ответствуй мне: когда б тебя живым
Я выпустил отсель и ложь твоя, на правду
Похожая, на плаху привела б
Не одного тебя, а многих неразумных,—
Злодейство бы я тем иль олагодсть совершил?

Пауза.

Молчишь? А ты не бойся правды..
Скажи!

Пауза.

Тогда... оставь мой трон!
(Срывает с чернеца венец и бармы.)

Просил себе ты смерти? Знаю,
Чего хотел ты, инок! Ты хотел,
Как праведный судья, сойти в могилу с честью
И превратить меня из твоего судьи
Лишь в палача кровавого? Ты мыслил:
Я буду жить, навеки осужден
Твоею правдою, а ты умрешь, оправдан
Пред богом и людьми? Вот почему просил
Ты смертного венца! Но я венец терновый,
Свой царственный венец на голову твою
Надел. Просил ты легкой смерти —
Жизнь тяжкую тебе я предложил взамен!
Смерть может быть лишь раз несправедлива, —
Жизнь может много раз несправедливой быть!
Ты часа на челе венца сдержать не мог!
А я уж тридцать лет держу его, ни разу
Под тяжестью главы не преклонив!
И вот за то достойная награда!..
Ты предрекаешь мне проклятие в веках?..
Ужель ты прав, чернец? Ужели поколения
Забудут все, что мной совершено,
И будут помнить лишь, что не с одной женою
Я вместе спал?.. Тогда и суд веков
Не властен надо мной, как немощный и жалкий!
Но, боже правый! Где же правый суд?
Так смерти просишь ты? Но смерть на лобном месте
Тебя и оправдать перед людьми могла б...
Нет! Ты умрешь не как судья, не с честью...

(Заносит над чернецом свой посох.)

Умри, как трус!! Умри как раб!!!

Хочет вонзить посох в лежащего перед ним без движения чернеца, но Годунов перехватывает посох и отводит удар.

Ты — что?! Ума решился, что ли?!

Ты как осмелился, холоп?!

В а с и л и й Ш у й с к и й (бросаясь к чернецу)

Грости мя, господи! Да совершится воля

Твоя, всея Руси великий государь!

(Заносит над чернецом нож и вонзает ему в грудь.)

Г о д у н о в.

Великий государь! Ты правдою своею

Его уже убил! А острый посох твой

И гнев слепой — дают в веках бессмертье

И иноку сему и сказанному им!

Не муж, а отрок неразумный
Явился пред тобой! Нужна ли жизнь тебе
Птенца бескрылого? Ведь он к тебе подослан!
А кем — бог ведает. Безгласен он теперь...
Я посох твой отвел — зато боярин Шуйский
Заботливо успел закрыть ему уста,
Чтоб глупый умного нечаянно не выдал!..
Хоть светел разум твой — темна твоя душа!
Великий государь! Зачем свою же правду
Сам топчешь ты в кровище и в грязи?

(Подает Ивану посох.)

Возьми свой посох и в награду
За все, что я сказал тебе, — рази!!!

(Открывает свою грудь для удара.)

Иван заносит посох и медленно опускает его.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Покои царицы. Жена царя Ивана Мария Нагая и мамка царевичей
Кирилловна шьют детские распашонки.

Кирилловна.

Уж ты не гневайся, красавица царица,
За то, что правду-истину скажу!
Не на тебя ль, голубушка, и глядя,
Я глазыньки повыплакала все?
Ведь люди злые-то тебя не пожалели
Да лебедь белую, голубушку мою,
И отдали, как есть, на растерзанье
Ко злому коршуну...

Мария. Да что ты надо мной,
Как над покойницей, все время причитаешь?

Кирилловна.

А ты за то напрасно не гневись!
Тебя жалеючи, красавица царица!

Мария.

Ты загодя меня без нужды не жалея!

Кирилловна.

Как же жаль, что ворона над тобою,
Как черный вран, кружится?

Мария.

Ну и пусть!..
Не черный ворон людям докучает,
Вороны карканьем покоя не дают!

Кирилловна.

Ишь, норовиста как! Вороной величаешь?
Хоть и царица ты, да помоложе чуть

Меня, старухи-то!.. А я уже седьмую
Царицу вижу в этом терему!

Мария. А знать о том мне выгода какая?

Кирилловна.

А кто чужую ведает судьбу,
Тот боле ведает и о своей, царица!

Мария.

Да ежели мне ждать себе судьбы такой,
Так пуще надо радоваться!

Кирилловна.

Что ты

Такое говоришь?

Мария.

Да коли все равно

Не миновать беды, так пуще веселиться

Мне надобно, покуда горя нет!

Кирилловна (после паузы).

Гостила я вчера в одном хорошем доме;

Уж таково просил отдать тебе поклон

Мил человек один...

Мария.

А кто же?

Кирилловна.

Аль не помнишь?

Мария.

Кого мне помнить?

Кирилловна.

А уж он тебя

Как помнит!

Мария.

Кто?

Кирилловна.

У Шаховских на свадьбе,

Когда еще ты в девушках была,

Тот человек тебе маленько приглянулся....

Мария.

Да кто он есть, Кирилловна?

Кирилловна.

И то

Уж будто бы не помнишь?

Мария.

Где ж упомянуть?

Была на свадьбах я раз десять, и всегда

Мне кто-нибудь приглядывался. Нешто

Не ведаешь сама, что лишь на свадьбы нас

из теремов родные выпускают?

Зато как на люди, бывало, попадешь,

Так успевай приглядываться токмо!

Где ж всех упомянуть-то?

Входит сенная девушка.

Девушка (кланяясь).

Родитель твой, царица! (Уходит.)

Входит Нагой.

Нагой (кланяясь).

Здравствуй,

Царица!

Мария.

Здравья и тебе

Желаю, батюшка! Как маменька моя?

Здорова ли?

Нагой.

Все здравствуют, спасибо.

Кирилловна, а ты бы шла отсель!

Мария.

И то, Кирилловна, ступай! А коли встретишь

Где Шуйского Димитрия, скажи.

Чтоб вдругорядь ко мне не засылал поклона!

Кирилловна уходит.

Нагой.

Ты не чинила б, Марья, второпях

Того, над чем размыслить не мешало б!

Мария.

Ты, батюшка, о чем?

Нагой.

Коль засылал поклон

Тебе Димитрий Шуйский, ты б сказала

Кирилловне еще, чтоб грамотку заслал

Тебе, хоть малую.

Мария.

Да, батюшка, зачем же?

Нагой.

Я ведаю, зачем. Ты, Марьюшка, должна

Опорой быть для нашего семейства.

А с этой грамоткою малою в руках

Уж я из рук не выпустил бы Шуйских!

Я — царский тесть. Так ноне мне

Ни Шуйского, ни Годунова ниже

Невместно быть! Ну, Шуйский погодит,

А Годунов уж больно лезет в гору...

Нам ныне, Марьюшка, он самый первый враг;

Скажи о нем дурное слово к месту.

Мария.

Ах, батюшка, что ты говоришь!

С одним управисься, глядишь — тебе в охоту

Уже другое...

Нагой.

Марья, не перечь

Тому, что говорю! Я, чаю, поразумней

Тебя родитель твой. Не первая жена

Ты у царя Ивана, а седьмая!

А вот последняя ль — бог весть!..

Так пользу нам свою грех упускать, покамест

Царица ты. А там уж опосля,
Чай, поздно будет. Ась?

М а р и я (раздраженно). Седьмая да седьмая!
А там уже какая ни на есть,
А я — царица!

Н а г о й. Эка! Ну и что же,
Что ты царица?

М а р и я. А вот я отсель
Тебя прошу-ка, батюшка боярин,
Вон выйти!

Н а г о й (оросев). Ты рехнулась, что ль?

М а р и я (горячо).
Как говоришь со мной? Аль не твоя царица
Перед тобою?

Н а г о й. Господи, спаси!
Ты ль это, Марьюшка?

М а р и я (величественно). Тебе не токмо дочка
Я, батюшка, но и царю жена!

Н а г о й.
Да не серчай ты, Марьюшка, я токмо
О Годунове... Пригляди за ним:
Боюсь я, чтоб тебе не учинил он худа...
Хитер татарин...

Входит сенная девушка.

Д е в у ш к а. Царь идет.

Н а г о й (торопливо).
Я, Марьюшка, пойду. Не сказывай царю-то,
Что был я тут, а сделай, как сказал.

(Быстро уходит.)

Входит царь Иван.

И в а н (обнимая Марию).
Что, Марьюшка, ты будто неспокойна?
Уж не был ли тут кто?

М а р и я. Нет, государь, не было.

И в а н. Опять
Просил чего-нибудь?

М а р и я. Нет... ничего.

И в а н. Неправду
Мне сказываешь: коль родитель твой

Был у тебя, так, верно уж недаром.

М а р и я.
Ах, государь Иван Васильич, мне

Все надоели. Все с доукой
Ко мне приходят, окромя тебя.

Иван.

А ты бы, Марьюшка, пускать их не велела.

Мария.

Как не велишь?

Иван.

Царица ты аль нет?

Мария.

Царица-то царица, да седьмая

Царица то!

Иван.

Тебе родитель твой

Тем досаждают, что ли?

Мария.

Да не токмо

Мой батюшка, а и другие тож...

Еще страшат, будто бы разлюбил

Меня ты вскорости... Что горе надо мной,

Как черный вран, кружится....

Иван.

Ты не слушай

Кирилловну-то! Ты ее гони!

Я с этой, Марьюшка, проклятою старухой

Уж тридцать лет воюю, а греха

Брать на душу из-за нее, чертовки,

Вишь, не хочу!

(Обнимает ее.)

Мария.

Да токмо ты один

И ласков-то со мною и приветлив!

Иван.

Ты не печалься, Марьюшка. Скажи:

Что надобно тебе, чего ты хочешь?

Мария

(в раздумье, мечтательно). Я-то?..

Я в летний полдень по полю хочу

За бабочками бегать! Эх и крылья

У них, Иван Васильич, таковы

Красивые!.. Как золотом и чернью

Расписаны... Вот ежели б из них,

Из крыльев тех, сделать сарафанов,

Глаз не нарадовался б! А потом хочу

В тени на травке полежать под дубом

Да на небо глядеть сквозь листья... Ты глядел

Сквозь листья на небо?

Иван.

Не помню.

Должно, глядел.

Мария.

Нет, не глядел, а то

Уж, верно, помнил бы! А до чего ж красиво!

И небо кажется столь близко, будто ртом
Его достанешь!.. А сквозь листья
Приладишься глядеть — и все сине... сине...
А коли солнце высоко, так в дырки
Меж листьями натыкаются вдруг
Лучи, как свежая солома,
И колются, то в щеки, то в глаза...
А ты лежишь да шуришься... А встанешь —
В глазах темно, хоть жмурки заводи!
Да, вот еще! Я понграла б в жмурки!

Иван (*любясь ею*).

Чего удумала? Что это за игра?

Мария.

А ты не игрывал?

Иван.

Досель не приходилось.

Мария.

Ну, я тебя, коль хочешь, поучу.

(*Быстро завязывает ему глаза.*)

Иван.

Ты что же делаешь?

Мария.

А вот сейчас увидишь.

Иван.

Как я увижу, коли ты глаза
Мне завязала? Эка ведь какую
Себе удумала забаву, стрекоза!

Мария.

А ты теперь лови, Иван Васильич,
Меня в светелке. Только не срывай
Повязки с глаз!

(*Убегает от него в сторону.*)

Иван (*встает*).

Да как же?

Мария.

А на голос!

Я буду сказывать, куда тебе нельзя,
Чтоб ты не повалил стола али скамейки,
А ты меня по голосу лови!

(*Отбегает.*)

Иван пытается поймать ее.

Сюда нельзя! Сюда нельзя! Ты хитрый:
Ты носом шевелишь, а этак у тебя
Повязка едет... Ой, нельзя! Ой, тише!
Сюда нельзя! А и сюда нельзя!

Иван останавливается и снимает повязку с глаз.

Ты это что ж?

Иван. Уж я играл однажды

В игру сию!..

Мария. Играл? Давно?

Иван.

Лет двадцать уж.

Мария. А с кем?

Иван.

С Сильвестром,

Моим наставником. Бывало, он твердил

Мне в уши этак же: «Сюда нельзя!» Опять же
«Туда нельзя!» и «Никуда нельзя!..»

На то-то, Марьюшка, я думаю, не быстро
Ухватишь то, что надобно тебе!

(Обнимает ее.)

А этак-то, гляди, куда сподручней будто!..

Мария (опасливо).

Ой, тише, государь!

Иван.

Садись да отдохни.

Я знаю, Марьюшка, тебе уж бегать вскоре

И вовсе надо будет перестать.

А мне и паче для забав не время:

Стефан Баторий осаждает Псков,

И шведы, вишь, выходят на Копорье,

А я с тобой играю в жмурки тут...

Мария.

Иван Васильич, отдохнул бы малость,

Заботы не уйдут!..

Иван.

Заботы и не ждут.

Заботы день-деньской за нами следом ходят.

Оглянешься — уж тут...

Входит сенная девушка.

Девушка (низко кланяясь). Великий государь!

Иван.

Чего тебе?

Девушка. Мне кравчий твой да лекарь

Так сказывают: будто повелел

Им явиться тотчас!

Иван (со вздохом).

Что ж...пусти их!

Сенная девушка уходит. Входят Годунов и лекарь.

Годунов (кланяясь).

Великий государь!

Иван.

Что аглицкий посол?

Берется ль нам помочь, как мы хотим?

Г о д у н о в. Одначе

Царице, государь, дозволю не докучать
Беседой нашей.

И в а н. Марьюшка, поди-ка
В светелку рядом. Погодя зайдешь.

М а р и я выходит.

Ну, рассказывай, Борис!

Г о д у н о в. Посол Елисаветы
Так мыслит, государь, что Англия помочь
Нашему супротив Батория и шведов
Оружеством может, токмо знать об том
Никто не должен. Договор же гласный,
Какого хочешь ты, по-ихнему — союз,
Меж Англией и нами невозможно,
Как мы желаем, вскоре учинить.

И в а н.
Да мне тогда не надобно оружья,
Коль будет договор. Он устрасит скорей
Батория и шведов, чем пищаши
И пушки аглицкие... Ты сказал о том?

Г о д у н о в.
Сказал, великий государь, одначе
Мне аглицкий посол иное предложил,
Чтоб ляхам показать, что коли не в союзе
Мы с Англией, то около того.

И в а н.
А что же нам он предлагает?

Г о д у н о в. Руку
Принцессы Хастинской. Племянницей она
Доводится Елисавете.

И в а н. Нешто
Посол не ведает, что я уже успел
Женить царевичей?

Г о д у н о в. Посол не предлагает
Им руку Хастинской принцессы.

И в а н. А кому?

Г о д у н о в.
Тебе, великий государь.

И в а н. Ах вот как?..

Так я не вдов. Сказал ли ты?

Г о д у н о в. Сказал.

Он говорит на то, что, ежели согласье
Елисавета даст на брак
Своей племянницы с тобою, может статься.

Иван. Что стал, как пень? Ты ж лекарь царский?
Так помоги царице чем-нибудь!

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Горница в доме Шуйских. Василий и Дмитрий Шуйские.

Дмитрий Шуйский.

Так с чем же прибыл, коль не с миром,
Посол Батория?

Василий Шуйский. Не больно нужен мир
Баторию с царем Иваном ноне!

Дмитрий Шуйский.

Псков королем обложен, да не взят!..
А воеводой там Иван Петрович Шуйский —
Наш дядюшка! Ума не приложу:
То ль честности, то ль дурости в нем больше?
Не знаю, справится ль еще Баторий с ним!

Василий Шуйский.

Так, мыслишь ты, посол приехал с миром?

Дмитрий Шуйский.

Как разуметь инако?

Василий Шуйский. Царь Иван

Тож мыслит так?

Дмитрий Шуйский. И царь и с ним бояре

Так разумеют.

Василий Шуйский. Славно, коли так.

Дмитрий Шуйский.

Царь, сказывают, завтра же и примет
Того посла.

Василий Шуйский. Коль правда, а не слух,

Что завтра примет, то и вовсе славно!

Дмитрий Шуйский.

Не разумею радости твоей!

Василий Шуйский.

Посол Баториев сюда приехал, Митя,
Не с миром вовсе... Замысел иной
Таится тут.

(Смотрит в окно.)

Монах идет не в пору!..

Входит Акакий.

Акакий.

Лет многих вам, бояре.

В а с и л и й Ш у й с к и й. С чем пришел,
Отец Акакий?

А к а к и й. С красной вестью,
Василь Иваныч! Да уж так бежал,
Что, вишь, запыхался. Испить бы
Чего-нибудь мне надобно!..

В а с и л и й Ш у й с к и й. Испей
Водицы вот.

А к а к и й. Да я ведь с вестью красной
К тебе пришел, а у водицы цвет
Не тот, боярин... Гейского бы надо
Мне поднести за такую весть!

В а с и л и й Ш у й с к и й (наполняя ковш).
Подохнешь, аки пес, ты от вина, Акакий!
Мальвазию мою уж выпил всю... А нам
Что с Митенькою пить?

А к а к и й.
Бургонское... (Пьет.)
Во здравие твое!

Холоп боярина Бориса Годунова
Мне сказывал, что будто бы царю
Его боярин объявился хворым...

Д м и т р и й Ш у й с к и й.
Да он уж хворый пятый день!

А к а к и й.
Не хворый он, боярин... От лукавства
Вся хворость у него. Здоров он, аки бык.
А хворым почему перед царем сказался,
Бог ведает. Но мыслю, что господь,
Про то признаша, умудрит нас, грешных,
Смирненных слуг своих, и в руке нам предаст
Сего послушника царева и лукавца
На казнь заслуженну и лютую.
(Пьет.)

Аминь!

Дмитрий Шуйский поднимается и берет шапку.

В а с и л и й Ш у й с к и й.
Куда ты, Митенька?

Д м и т р и й Ш у й с к и й. Я мыслю, с этой вестью
К царю сейчас явиться след.

В а с и л и й Ш у й с к и й.
Спешить ни с чем не след... Присядь-ка,
Брат Митенька. Уж больно ты горяч,
А ты, Акакий, знаешь ли Нагого?

Акакий.

Феодора?

Василий Шуйский.

Феодора. Так вот:

Поди-ка ты к нему и все, что нам поведал,
Ему поведай, да еще добавь,
Что Годунов-де объявился хворым
По той причине, мол, что собирает царь
Своих бояр да дьяков думных
Решать, как дале быть. С Баторием искать
Лудого мира или насмерть биться?
Так-де хитрец боярин Годунов,
Подать свой голос в думе убоявшись
За то иль за другое, порешил
Сказаться хворым, сам же из лукавства
В постелю слег и здрав и невредим.
Так понял ли, Акакий?

Акакий.

Вразумился,

Василь Иваныч!

Василий Шуйский. С богом и ступай!

Акакий.

На угощении вам кланяюсь, бояре!
Храни вас в добром здравии господь!

(Уходит.)

Дмитрий Шуйский.

А почему царю мы не доносим сами
На Годунова? Для чего сию
Преуступаем честь Феодору Нагому?

Василий Шуйский.

Задору для тебя не пожалел господь,
А вот на разум-то маленько поскупился!..
Кто Годунов нам? Недруг или друг?

Дмитрий Шуйский.

Какой же друг?

Василий Шуйский. Ну, а Нагой нам друг ли?

Дмитрий Шуйский.

А и Нагой нам враг!

Василий Шуйский.

А коли так, пускай

Два наших недруга промеж себя дерутся!
Кто ни осилит, недругом одним
У нас останется помене, слава богу!
А вдруг как вправду хворый Годунов?
Тогда что, ась? За сей извет Нагому
В опале быть, хоть он и царский тесть!

А кто с умом, тот, Митенька, в сторонке:
Хоть так, хоть этак, как ни повернись!

Дмитрий Шуйский (после паузы).

Так сказывай: когда не с миром прибыл
Посол Баториев, чего же хочет он?

Василий Шуйский.

А хочет он, чтобы с остатним войском
Мстиславского навстречу царь Иван
Баторию бы вышел. А коль выйдет,
То тут и царствию его придет конец!
Царя Ивана одолев, Баторий
Не токмо Псков — это царство заверет!

Дмитрий Шуйский.

А как царя посол заставит выйти
Баторию навстречу?

Василий Шуйский. Царь горяч.

Когда начнет пред всей боярской думой
Царя срамить Баториев посол,
Как мыслишь, царь Иван то стерпит?
А ежели б стерпел, бояре не дадут
Ему стерпеть! Да и царевич також
Не тише норовом родителя своего!
Он первый, мысля, не потерпит сраму...

Дмитрий Шуйский.

Так вот зачем посол!..

Василий Шуйский. Уже который год

На зверя красного я, Митенька, охочусь!
Со всех сторон обложен царь Иван...
Как волк затравленный, налитым кровью оком
Косит по сторонам... Боится дня и тьмы...
Сынам родным своим и то не верит даже...
Где — лаз, не знает, где — капкан!
Где — пень? Где — друг? И где — охотник?
На всех кидается! Вот до чего дошел!..
А завтра должно нам с тобой вступаться пуше,
Чем прочим всем, за попорченную честь
Царя Ивана, чтоб поднять немедля
Баторию навстречу всех честных
Стоятелей Руси за честь их государя!
Не вороги царя, но те, кто боле всех
Служить ему готовы, будут с нами!
Так худших врагов найдет себе Иван
В друзьях своих! В тех, коим смерть желанна
За то, чтоб недругов его перебороть!..

Конец подходит царствию Ивана!
Да будет к нам всемилостив господь!

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Богато убранная коврами опочивальня в доме Годунова. Возле лежащего Бориса Годунова сидит его сестра Ирина.

Годунов.

Иринушка, спасибо, что зашла

Меня проведать.

Ирина.

Ты и впрямь недужен,

Борис Феодорыч?

Годунов.

Чудно ты говоришь!

Пошто здоровому ложиться мне в постелю?

Аль сказывают, будто я здоров?

Ирина.

Да, бают разное...

Годунов.

Ты от кого слыхала?

Ирина.

Борис Феодорыч! Приедет государь

К тебе сегодня. Я, об том прознавши,

Тебя пришла предупредить.

Годунов.

Сестра,

Кто сказывал тебе об этом?

Ирина.

Верно, знаю,

Коль говорю.

Годунов.

Мне надо ведать, кто

Тебе сказал: царевич ли Феодор,

Аль кто другой?

Ирина.

Феодор.

Годунов.

Он сказал

Затем, чтоб ты меня опередила,

Аль невзначай?

Ирина.

Кто знает?.. Невзначай.

Годунов.

Иринушка, как же ты могла опередить

Феодор-то и верно аль хитер?

Какие по сердцу дела ему?

Ирина.

Какие ж

Есть у него дела? Поест, потом поспит,

Походит по саду, на птичек божьих взглянет —

Да вот и все!.. Нет, есть еще одно:

Глядеть за братом, за Иваном.

Уж ходит он за ним, как мамка!

Годунов.

Любит, что ль,

Ирина. Так брата своего Феодор?

Верно, любит...

(Встает.)

Ну, я, Борис Феодорыч, пойду.

Коль царь сюда, не ровен час, нагрянет,

Меня ему не след сустретить у тебя.

Годунов.

А все ж Феодора ты попытай, Ирина!

Ирина.

Придешь к слову, так спрошу.

(Идет к двери.)

Входит Василий Шуйский.

Василий Шуйский.

Желаю здравствовать, царевна! Что ж, наведать

Решила братца хвораго? Аль так

Зашла к нему, по-родственному просто?

Ирина (сухо).

По хворости его проведала. Будь здоров!

(Уходит.)

Василий Шуйский (вслед).

Что ж этак-то торопишься, царевна?

(Годунову.)

Будь здоров. Борис Феодорыч!

Годунов.

И ты

Будь здоров, Василь Иванович!

Василий Шуйский.

Что ж, хвораешь?

Годунов.

Хвораю, видишь...

Василий Шуйский. Экая беда!

Вот, о твоей-то хворости прослыша,

Пришел тебя проведать. Хоть у нас

И говорят, что гость незванный хуже

Татарина, да сам ты из татар...

А я с гордился этаким-то гостем,

Когда бы ты пожаловал ко мне!

Годунов (иронически).

Твоя любовь мне ведома, боярин!

Василий Шуйский.

Борис Феодорыч! И не дивлюсь тому,

Что ведома: я отродясь не скрытен,

Чуть что на ум взбредет — уж, глядь, на языке!

Годунов.

Так на язык гляди: от простоты душевной
Ты типуна себе не наживи!

Шум и цокот копыт под окном.

Василий Шуйский (*быстро поднимается и заглядывает в окно*).

Великий государь к твоим крыльцам подъехал,
Борис Феодорыч!

Годунов (*спокойно*). Невжто?

Василий Шуйский. Вместе с ним
Нагой Феодор!

Годунов (*с иронией*). Что ж... А мы-то и не ждали,
Не чаяли таких гостей с тобой,
Василь Иванович!

Василий Шуйский. Этакой-то чести
Как ждать да чаять?

Годунов (*с иронией*). Ежели друзья
Найдутся у тебя такие ж, князь Василий,
Как у меня, то, мысля, и к тебе
Великий государь пожалует с охотой!

Входят царь Иван, Нагой и лекарь.

Годунов и Шуйский.

Великий государь, будь здоров!

Иван. Да я не хвор.

А ты чем хвор, Борис?

Годунов. Опять открылась рана,
Что мне досталась от польского меча,
Плеча пониже чуть... Не ведаю, с чего бы..
С простуды, что ль?

Иван. Я лекаря своего

Тебе привез. А сам вот выпью чару,
Борис Феодорыч, во здравие твое,
Да и пойду.

Годунов. За память да за ласку
Спасибо, государь! Да что же ты стоишь?
Садися, государь! Не ждал, не чаял чести,
Что ты ко мне пожалуешь... Прости:
Опешил вовсе...

Иван (*сядась*). Ты о том слыхал ли,
Что прибыл с миром к нам Баториев посол?

Г о д у н о в.

Что прибыл — слышал, а о том, что с миром,
Того не слышал.

И в а н.

Ну, а больше с чем
Прибыть он может, ежели не с миром,
Когда война и так?

Г о д у н о в.

Не знаю, государь.

И в а н.

Послу я наказал ко мне явиться завтра.

Г о д у н о в.

Коль так решил на то уже твою
И воля царская. А и разведать точно
Допрежь того, зачем заслал посла
Баторий к нам, не помешало б! Нешто
Окольно было бы узнать о том нельзя?

(Шуйскому.)

Ты, случаем, не знаешь, князь Василий,
Что надобно послу?

В а с и л и й Ш у й с к и й. Отколь же мне о том

Быть может ведомо?

Г о д у н о в.

А коль среди монахов
Есть люди у тебя свои, так и в миру,
Я чаю, тож, не ровен час, найдутся...

Входит боярыня Годунова; у нее в руках поднос с золотыми чарами.

Б о я р ы н я Г о д у н о в а (низко кланяясь царю).

Здрав буди много лет, великий государь!
А такожде и вы, бояре! Не побрезгуй,
Царь-батюшка, пригубь! А такожде и вы,
Бояре, не побрезгуйте!

И в а н (беря чару).

Спасибо,
Боярыня! Во здравие твое,
А такожде во здравье Годунова,
Столь не ко времени болящего.

(Чокается с Годуновым и расплескивает вино из чары на его

руку.)

Прости!..

Медведь неловкий! Пролил-то, кажися,
На рану самую?

(Лекарю.)

А ну, перевяжи!

Г о д у н о в.

Успеет, государь, и опосля: не к спеху!

Иван.

Пусть перевяжет. Мы повременим
Пить без тебя, а ты другую чару
Мне поднеси, боярыня!

Лекарь снимает повязку с плеча Годунова. Низко кланяясь, боярыня Годунова подносит царю другую чару. Иван поднимает чару, смотрит на рану Годунова и подводит Нагого к постели. Пауза.

Гляди!

Что это? Ась? Ответствуй!!!

Нагой.

Гана...

Иван.

А от чего та рана? Что молчишь?
Как мыслишь, от чего та рана? От лукавства
Аль от железа?

Нагой.

От железа...

Иван.

Так...

(Поднимает чару и чокается с Годуновым.)

Во здравие твое! А врагам и злым
Твоим, Борис, как нынешний мой тесть
Аль кто еще найдется, — на погибель!
Бояре, пейте!

(Пьет вино.)

Василий Шуйский (Нагому).

Что же ты до дна

Не пьешь, Феодор? Допивай, боярин!

Иван (Нагому).

Отныне же тебе, Феодор, за извет
На кравчего мого Бориса Годунова
В опале быть! А ты будь здрав, Борис!

Резко поворачивается и уходит. За ним — Нагой и лекарь. Боярыня Годунова выходит, провожая царя.

Василий Шуйский.

Да как же это разуметь, боярин?

Видно, царский тесть тебя обманул.

Перед царем? Что будто ты не хворый...

Годунов (насмешливо).

И как ты сразу догадался, князь?

Василий Шуйский.

Дела-то, господи! Дивлюся я: как терпит
Господь наш милостивый этаких людей?

Входит Акакий.

Акакий.

И то, боярин... Аки звери люди!
С бесовской хитростью!..

Василий Шуйский (вскакивая).

Акакий! Ты чего...

Чего тут делаешь?

Акакий.

В прискорбии дивлюся
Грехам людским! Аз, грешный, во хмелю
Сподобился святому покаянью
И к доброму боярину сему
Препровожден был дланию господней
и им же во гресех отпущен и прощен,
И такожде и ты пред ним покаяйся, княже,
Бо по бесовской хитрости своей
Ты подослал меня к Феодору Нагому...
(Допивает оставшуюся чару.)

Василий Шуйский.

Да ты, монах, и верно во хмелю?
Чего городишь, разумеешь сам ли?

Годунов.

Мне правда ведома. Не запирайся, князь!

Василий Шуйский.

Извет, Борис Феодорыч! Помилуй!

Акакий допивает вторую чару.

Годунов.

И про извет мне ведомо про твой
На Воротынского Михайлу. Только поздно:
Уж заплатил покойный головой
За твой извет.

Василий Шуйский. Не погуби, боярин!

Напраслина! Клеветают на меня...

Видя, что Акакий допивает оставшееся в чарах вино, Шуйский снимает с пальца перстень и высыпает из-под камня яд в одну из недопитых чар.

Годунов.

Чего ты, старинный монах, клеветуешь?
Чай, оправдаешься перед царем...

Василий Шуйский.

Страшусь,

Борис Феодорыч, извета пуще правды!

Годунов (приподнимаясь на постели).

Так правду сказывай тогда, как на духу:
Зачем заслал своего посла Баторий
К царю Ивану?

Василий Шуйский. Да отколь сие
Мне ведомо?

Годунов. Не лги!

Василий Шуйский. Не ведаю, клянуся
В том богом я! Боярин, не губи!
Не верь Акакию: мздоимец он и бражник!

Акакий.
Погряз... погряз... попутан во грехе
Диаволом был, княже, и тобою!

(Допиная, он не даром, а верно, Шуйский сыпал яд.)

Василий Шуйский.
Подохнешь, аки пес, Акакий, от вина!

Акакий.
Несть в мире смерти, еще не от бога!
Подохну, может, но допрежь
Перед очами царскими покаюсь,
Кем был подослан и научен был
Чернец, тобою убиенный
В палатах Грозного царя!..
Кем оговорен был Михайла Воротынский!
Я от вина подохну, аки пес,
А ты не удавись, боярин, как Иуда!

Василий Шуйский.
Борис Феодорыч! Не зачинай вражды!
Кому поверит государь? Тебе ли
Да этому растриге? Или мне —
Потомку Рюрика? По крови с государем
В родстве стоящему? Того не можем знать!..

Годунов.
Сейчас не можем, а потом узнаем!
Чего ж боишься, князь? Пускай покажет он —
(жест в сторону Акакия)

Свидетель дел больших, а малых — совершитель!

Акакий *(хватаясь за сердце)*.

(Постой, боярин... Только неси...)

Прости мя, господи... Аз грешен пред тобою...
(Падает.)

Годунов.
Что с ним?

Василий Шуйский *(склоняясь над Акакием)*.
Не ведаю... Преставился, кажись...

Годунов хлопает в ладоши. Входят слуги.

Г о д у н о в.

Эй, лекаря скорей!

В а с и л и й Ш у й с к и й. Уж поздно... Знать, от хмеля

И впрямь преставился... Десница холодна...

(Поднимаясь.)

Хороший был монах, хотя и бражник велий...

(С торжеством.)

Я ж говорил ему — подохнешь от вина!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Кремль. Престольная палата. Царь Иван сидит на троне, по обеим сторонам его — царевичи Иван и Феодор. Слева и справа от царя — Василий и Дмитрий Шуйские, Сицкий, Мстиславский, Бельский, Захарьин-Юрьев, бояре, рынды, стража.

Иван.

Допрежь всего гонец из Пскова
Пусть явится, с чем прислан. А потом
Посла Баториева мы принять согласны.

Входит гонец.

Гонец.

Здрав буди много лет, великий государь!
(*Передает грамоту царю.*)
Шлет грамоту тебе Иван Петрович Шуйский,
Твой воевода.

Иван (*читая грамоту, радостно*).

Не оставил бог
Еще нас, грешных! Первый приступ
Батория отбили псковичи!
(*Читает дальше, хмурится, комкает грамоту.*)
Бояре, ведайте, по приказу моему
С полком своим к Баторию ушел
И вместе с ним ходил на приступ Пскова.
Давно ли нам он крест на верность целовал?
Да сбудется все то, что сей Иуда кликал
Себе на голову, когда изменит мне!
Ступай, гонец! Теперь посла мы примем.

Гонец уходит. Входит польский посол в сопровождении немногочисленной свиты.

Посол (надменно кивая головой).

Здрав буди много лет, великий государь!

Иван (встает).

И ты будь здрав, посол. А також

Пусть будет здрав король твой! Приступи!

(Садится.)

Посол (надменно).

Король великий Польши, князь Ливонский,

Великий князь и государь Литвы,

Ясновельможный гетман Украины,

Князь Семигалийский Ланцутский курфюрст,

Князь Новгородский, Псковский и Смоленский,

Его величество Стефан Баторий...

Бояре.

Что?!!

— Что он говорит?

— Князь Смоленский?!!

— Князь Новгородский?

— Псковский?

— Ты в уме?

— Что брешешь ты, собака?

Иван (сдерживаясь, боярам). Тише!

(Послу.)

Одначе же Смоленск, и Новгород, и Псков —

Все эти грады русские покуда!

Посол (нагло).

А вскоре ж будут польскими, пан царь!

Бельский.

Еще на стол не подано хмельное,

А бражник под столом лежит уж во хмелю!

Посол.

Вели тому, пан царь, немедля удалиться,

Кто это мувил!

Иван (Бельскому). Бельский! Выйди вон!

Бельский.

Великий государь! Да слыхано ли дело,

Чтоб этак говорить с царем всяя Руси?!

Иван

Вон выйди!

Бельский выходит.

(Послу.)

Продолжай!

Посол.

Король великой Польши,

Ливонский князь, великий князь Литвы...

Иван.

Уж это слышал я. На чем остановился,
Вот с самого того и продолжай!

Посол.

...Князь Новгородский, Псковский и Смоленский...

Мстиславский.

Да он смеется сызнова?

Иван (Мстиславскому). Молчи!

(Послу.)

Так продолжай!

Посол.

...Князь Псковский, князь Смоленский.

Его величество Стефан Баторий шлет
Тебе привет свой, государь Московский,
А также грамоту...

Мстиславский.

Да это что ж опять?

Царя всея Руси Московским государем
Он величает?..

Сицкий.

Экий срам!

Иван (Сицкому).

Молчи!

(Послу.)

И впрямь, посол, не токмо царь Московский,
Но государь и царь всея Руси
Перед тобой, да и еще не малых
Царств государь. Видать, не велика
У короля великой Польши память!..

Посол.

Да и у каждого, коль велико одно,
Другое велико не бардзо!
Коль у его величества мала,
Как говоришь ты, память, то отвага
Зато, быть может, велика, пан царь!
А что за толк, коль память велика,
Да нет отваги, чтоб напомнить зăраз,
Как надо, о себе?

Сицкий.

Не верю я ушам:

Царя всея Руси он русом обзывает?

Мстиславский.

Да нам при том невместно быть!

Сицкий.

Как царь Иван срам этот терпит?

Иван (боярам).

Читай, посол, что в грамоте своей
Мне пишет брат король!

Иван (*сдерживая себя*).

Так... Все ли?

Посол (*нагло, как прежде*). Все пан царь!

Иван.

Не чаял

Такие речи слышать от тебя!

Сознаться не стыжусь: я мыслил поначалу,

Что мирные условия привез

Ты от Батория.

Захарьин-Юрьев. Ужель еще о мире

Он может говорить?

Василий Шуйский. И это русский царь?

Бояре! Это что ж?

Посол.

Коль ты отдашь без боя

Его величеству Псков, Новгород, Смоленск,

Тогда, пан царь, мы и на мир согласны!

Иван (*сдерживая себя*).

Ступай, посол!

Посол.

А что же передать

Его величеству? Ты принимаешь вызов

Аль мир? Покамест я не вем

Того, пан царь!

Иван.

Скажи, что я не ратник,

А царь всея Руси! И мне играть копьем

На поединке чести не пристало,

Бо честь моя — во благе государства,

А не в моем копье или мече.

Пока я, царь, вершу дела во благо

Моей отчизны, честь моя при мне!

Но ежели без нужды государственной

Меч обнажу за самого себя,

То, честь свою с мечом в руке спасая,

Тем государя чести не спасу!

А что касается до Новгорода, Пскова,

А також и Смоленска, передай,

Что города сии еще издревле наши,

А також быть им нашими и впредь!

На том ступай посол!

Посол уходит. Мстиславский и Бельский возвращаются.

Захарьин-Юрьев. О государы! Доселе

Такого срама на святей Руси

Мои глаза не видели. Когда бы

Я ведал, что моим очам,

За долгий век столь много повидавшим,

Сей горький срам твой доведется зреть,
То лучше бы я выжег их железом!

Д м и т р и й Ш у й с к и й.

Великий государь! Дозволь нам взять мечи!
Дозволь, как ратникам, за честь твою вступиться!
Дозволь за Русь свой положить живот,
Бо мертвые не имут сраму!

В а с и л и й Ш у й с к и й.

Дай, государь, нам с честью умереть!

И в а н *(еле сдерживая себя)*.

Вы... что? Вы... как?! Как смеете?! Бояре!..

Молчите! Все молчите!!! Все!!!

Я, царь, не убоялся сраму,

Приняв бесчестие за то, чтоб уберечь

Святую Русь от гибели и горя!..

А вы корить бесчестие мое

Своею честью вздумали, холопы?!

С и ц к и й.

Да, государь... ведь мы...

И в а н.

Молчи!!!

Уж тридцать лет все помыслы и силы

На то я отдавал, чтоб морем овладеть,

Открыв Руси великий путь торговый...

А ныне, став нетвердою ногой

На берег моря, отступаюсь первым

От замысла сего... Истощена войной...

Междоусобицей... Изменами да смутой

Боярскими... Набегами татар...

Не сможет ноне Русь Батория осилить!

Или ослепли вы?! Искать чужих земель

Тогда начнем, когда свою державу,

Воздвигнутую нами, защитим

От многих недругов... Доколе не окрепла

Держава наша, за нее терпеть

Нам должно все... всеобщее глумление...

Побой... срам... бесчестие... все, все!!!

Д м и т р и й Ш у й с к и й

Великий государь! Но совместно ли нам?

И в а н.

Вместно!!!

В а с и л и й Ш у й с к и й *(царевичу Ивану)*.

Царевич-батюшка!..

Ц а р е в и ч И в а н.

Дозволь, родитель мой...

И в а н. Молчи!!!

Царевич Иван.

Нет! Я не стану боле
Молчать! За что срамишь бояр?
За то ль, что за тебя, за нашу честь и землю
Мечи поднимают? Устыдись!

Иван.

Молчи!!!

Царевич Иван.

Родитель мой! Ты стар для брани:
Не по руке тебе стал тяжкий меч войны...
Пусти меня на подвиг ратный!
Я кликну клич по всей Руси
Я веси подниму и грады,
Когда ты, государь, дозволишь мне!..

Иван (еле сдерживая себя).

Молчи!!!

Слепой щенок!

Царевич Иван (становится на колени).

Благослови!

Василий Шуйский.

Он правду

Тебе речет, великий государь!

Сицкий.

Пусти его в Ливонию!

Царевич Иван.

Послушай

Их, батюшка! Доверь мне честь свою

И честь Руси!

Иван.

Молчи!!!

Царевич Иван (встает с колен).

Не стану

Молчать!

Иван (в исступлении). Не станешь?! Станешь!.. Врешь!!!

(Бросает в него посох.)

Царевич Иван (падая).

А!..

Василий Шуйский.

Он убил его!

Захарьин-Юрьев (поднимая царевича).

Иван.

Царевич!!!

Что?.. Кто убил?.. Иван! Иван!!!

(Бросается к сыну.)

Пауза. Все окружают царевича Ивана; только ошеломленный царевич
Феодор опускается на пол и ползет прочь от трона.

Царевич Феодор.

А!.. Он убил его?.. Так кто же...

Теперь наследник?.. Трон отца —

Мне?! Мне? Не надо! Боже!.. Боже!
Спаси меня от царского венца!!!

Иван.

О сын мой!!! Мой Иван!!! Нет... мертв... Уже остыл...
А мертвые... они... не восстают из праха...

(Протягивает боярам скипетр и шапку.)

Вот скипетр мой... Вот шапка Мономаха...

Не царь я больше... В монастырь!..

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Александровская слобода. Сад. Множество цветов. Недалеко от аллеи
гуляют царевич Феодор и Ирина.

Царевич Феодор.

Гляди, Аринушка, сколь хитростям-то люди
И ни обучены, сколь тканые ковры
Персидские ни хороши, а божьи
Ковры, что на лугах, куда как красивей!
Аринушка, взгляни на этот цветик!

Ирина.

А ты сорви его!

Царевич Феодор. Жаль рвать-то... Пусть растет.

Все божия травинка!

Ирина.

Не травинка,

А кротость божья, Федя, у тебя.
Что мне на ум пришло: когда Борис был хворым,
Ты, помнишь, сказывал, что государь к нему
Сбирается наехать? Так не знала
Я в те поры, затем ли ты сказал,
Чтоб я о том уредила брата
И ждал он батюшку твоего, аль невзначай
Обмолвился?

Царевич Феодор (настороженно).

А ныне как, Арина,

Ты разумеешь?

Ирина.

Мысли по своей

По кротости и доброте сердечной
Хотел ты шурина своего упередить,
Что едет царь к нему.

Царевич Феодор (улыбаясь). О чем еще мой шурина
Тебя просил пытаться?

Ирина (растерянно). О чем?

Да, нешто это он просил меня?

Царевич Феодор.

А кто же?

Ирина.

Да мне сейчас самой на ум взбрело...

Царевич Фёдор.

А ложь, Аринушка, есть тяжкий грех!..

Ирина (смущенно).

Да что ты!..

Я нешто лгу?..

Царевич Фёдор. Коль скажешь, что не лжешь,

Так вдругорядь солжешь. На что свинья плодлива,

А ложь плодливей и свиньи!

Аринушка, перед тобой таиться

Невместно мне. Ты — мужняя жена

И правду всю должна об муже ведать,

Чтоб не судить о простоте моей

С людьми сторонними. По совести, страшуся

Меж ними я разумником прослыть,

А с простоты-то меньше спросу....

А коли спросу нет, тогда душе покой.

Вст потому-то я молве и не перечу,

Что правды для людей не больно-то ищу...

Железом ищут правду-то людскую,

И беспокойства много от того,

Спасибо же от человецей мало...

Пусть правду каждый ищет для себя:

Нет в мире правды той, что стоит беспокойства!

Да, знать, господь покоя моего

Не восхотел: как ни берег я брата

Для царского венца, ан, видишь, не сберег!

А коли так, сидеть на царстве мне придется!

Добро бы опосля, когда родитель мой

Преставится... Ан нет! Он, видишь ты, удумал

От государских дел сокрыться в монастырь...

Грех замолить свой хочет перед богом,

Чтоб кровь сыновнюю господь ему простил...

А коли так, тогда мне ноне

Отцовский трон уже грозит...

Ты передай Борису Голунову

Аринушка, что ежели меня

Посадит батюшка и впрямь сейчас на царство —

То государские дела

Пусть он вершит при мне... Зане он с ними свычен.

Ирина.

Да что ты, Феденька! Ведь, коли что не так

Содеет шурин твой, возвеселится в келье

Великий государь, что без него Борис

Не мог управиться как надобно с делами...

Воссядет вновь на трон, а братца моего —
Коль не казнит — сошлет куда подале...

Царевич Феодор (*улыбаясь*).

Мне это ведомо. Так пусть Борис вершит
Дела как надобно!

Ирина. Тогда ему и вовсе

Несдобровать! Озлится государь,
Что шури́н твой ведет дела как надо
И без него... Нагрянет второпях
И тем скорей еще его пошлет на плаху!

Царевич Феодор (*смеясь*).

А мне и это ведомо.

Ирина. Так что ж...

Ты, стало, умысел имеешь против брата?

Царевич Феодор.

Знать, умысел.

Ирина. Так шури́н твой не глуп,

И государских дел он от тебя не примет.

Царевич Феодор.

И пусть, Ари́нушка, не примет. Я тогда
Над всеми Шуйского Василия поставлю!

Ирина.

Как Шуйского? Да он... он шурина твоего
На Бело-озеро отправит в одночасье,
Да по пути еще велит его убить!..

Царевич Феодор.

А мне и это ведомо.

Ирина. За что же

Ты на Бориса этак осерчал?

Царевич Феодор.

Да ты, Ари́нушка, напрасно не печалься,
Твой братец мудр зело... Обережет себя!

Ирина.

Как оберечь, когда ты и лазейки
Не оставляешь никакой ему?

Царевич Феодор.

А братцу твоему лазейки и не надо,
Коль путь прямой ему открыт,
На коем от беды он сам обережется,
А заодно меня обережет!

Ирина.

Какой же?

Царевич Феодор.

Путь один: просить немедля должен
Он батюшку моего опять принять венец!

Ирина.

Так он же от него отказывался трижды?

Царевич Феодор.

Попросит пусть в четвертый раз!

А не сумеет упросить — тем хуже...

Не надо мной, над ним висит топор!

Вот братцу своему Борису Годунову

Так и скажи...

Пауза. Ирина в глубоком изумлении смотрит на Феодора.

Что смотришь так?

Ирина.

Дивлюсь

Я хитрости твоей... Так вот какой ты?

Царевич Феодор.

Хитрый?

Ирина.

Да, не простой...

Царевич Феодор. А уж такой, как есть.

Гляди, Аринушка, сама теперь: Борису

То надобно ли ведать обо мне,

Что ведомо тебе? Как будет нам спокойней?

Ведь жить тебе со мною, а не с ним!..

Из глубины сада по аллее идет Годунов.

Вот шурин мой идет. Скажи ему, Ариша,

Что я велел, а я пойду отсель...

(Идет и по дороге срывает цветок, привлекая его внимание.)

А цветик этот я сорву, чтоб не гордился

Промеж других пригожестью своей!

(Уходит.)

Годунов.

Ну что, сестра?

Ирина.

Беда, Борис... Феодор

Все государские дела

Тебе передает...

Годунов.

А ты ему сказала,

Что ноне сделать то, что хочет он, нельзя?

И надо обещать. Что государских дел

Я не приму? Сказала ты?

Ирина.

Сказала.

Годунов.

Ну, а Феодор что?

Ирина.

Сказал, что передаст

Василью Шуйскому тогда дела правленья!

Годунов.

Что ж, он и вправду слабоумен столь?

Ирина.

Не знаю. Сам гляди...

Годунов.

Опять пришли бояре

Просить меня, чтоб я уговорил

Царя Ивана сесть на царство...

Да, вижу, мне и головы своей

Не оберечь, коль он не согласится...

(Смотрит в глубину аллеи.)

Царица жалуется... Ты нас оставь, сестра.

Ирина уходит. Появляется Мария.

Годунов.

Зачем ты от меня хоронишься, царица?

Мария.

Ступай, боярин! Говорить с тобой

Охоты нет.

Годунов.

Так все еще серчаешь

Ты на меня за сватовство царя

К принцессе Хастинской? Ужели

Злой умысел имел я супротив тебя?

Мария.

А мне и злой твой умысел не страшен,

И доброта твоя мне не нужна!

Ступай себе!

Годунов.

А мне твоя, царица,

Понадобилась помощь.

Мария.

Поищи

Себе ее у Хастинской принцессы!

Годунов.

В той помощи, что у тебя ищут,

Тебе самой, царица, будет польза.

Мария.

Прилипчив ты! Я говорю — ступай!

Где польза для тебя, там для меня потеря.

Годунов.

Ан нет, царица! Или ты не мать

Своему наследнику, что да предвидишь?

Его не хочешь видеть?

Мария.

Ты на трон

Его подсадишь, что ль?

Годунов.

Я — с помощью твоею.

С тех пор, царица, как великий государь

В мраченье разума по убиенном сыне

Сложил с себя свой царственный венец.

Он от него отказывался трижды,

Но, ежели царя другого изберем,
Не быть твоему царевичу на царстве!

Мария.

Что этак стал добросердечен вдруг
Ты к моему царевичу, боярин,
Да и ко мне?

Годунов.

Невольную вину
Мою перед тобой я искупить желаю.
В последний раз пришел я от бояр
Просить царя принять венец и бармы.

Мария.

Когда бы с тем не ты явился, а другой,
Я пособить ему была бы рада!

Годунов.

Строптивя ты горазд! Но хочешь или нет,
Мне будешь ныне говорить на пользу,
Ища престола сыну своему!

Мария.

Как смеешь этак говорить со мною,
Татарское отродье?

Годунов.

Царь идет.

Входит царь Иван в монашеском одеянии.

(Кланаясь.)

Великий государь!

Иван.

Не величай, боярин,
Меня ты титулом этим. Не смущай
Покою моего. Постом и покаяньем
Грехи мои я мыслю искупить
Пред милосердным господом. И ныне
Земной тщеты я больше не ищу,
Но приобщения к монашескому сану.

Годунов.

Баториева рать шла приступом на Псков...

Иван (горячо).

Ну?!
(Сидит в кресле.)

Ну зачем, когда просил я
Не сказывать мне о делах мирских,
Ты мне, боярин, ими докучаешь?

Годунов.

Великий государь! За тяжкие грехи
Нам тяжкие господь готовит испытанья,
Чтоб очищение мы находили в них
И души тем спасали. Как же ныне,

Своей душе спасения ища,
От испытания, столь тяжкого, уходишь
Ты, государь? Когда наслал господь
На неокрепшую еще твою державу
Три иноземных рати? Не постом,
Не покаянием свою спасешь ты душу,
Но царский свой венец из наших рук приняв
В столь тяжкий час, чтобы спасти отчизну!
В том — божий перст!

Иван. Ужели в том
Перст божий? Помоги, царица,
Понять не разумом, но сердцем: кто послал
Его ко мне? Дьявол-искуситель?
Иль в испытанье мне послал его господь?

Мария (после паузы, со вздохом).
Царь-батюшка! Кто шлет нам испытанья,
Как не господь?..

Иван (Годунову). Ступай, зови бояр!

Годунов быстро уходит.

А ты мне, Марьюшка, теперь про Годунова
Не говори худого, коль сама
С ним заодно стоишь. Или не правда?

Мария.
Хоть и мудра змея, но у своей груди
Я б, государь, держать ее не стала!

Входят Василий и Дмитрий Шуйские, Мстиславский,
Сицкий, Захарьин-Юрьев, Бельский и другие бояре.

Иван.
Мой кравчий Годунов мне сказывал, бояре,
Что просите меня на царство. Так ли?

Захарьин-Юрьев. Так,
Великий государь.

Бельский. Прими венец и бармы,
Сарматский меч на Гуса царя!

Иван.
В моем несчастье не сей венец, бояре,
Приличествует мне, а схима и клобук!
Не с вас бы спрашивать, но вечным покаяньем
Мне милосердия у господина искать!
И хвор я стал... Злой недуг грудь мне точит...
И в сердце колотье... И длань моя дрожит...
Однаже в дни великих бед народных,

Когда решается — быть иль не быть Руси,
Я тяжкий ваш венец приемлю,
Но прекословья впредь не потерплю!
В дни тяжких бед единой воле
Держава русская покорствовать должна!
Брал приступом Баторий Псков? Отбит ли
Тот приступ псковскою дружиною?

Захарьин-Юрьев. Отбит,
Великий государь, с немалою потерей
Для войска польского.

Иван. Стоит ли хан Гирей
В степях у нас, или увел обратно
Свою орду?

Мстиславский. По-прежнему в степях,
Великий государь, стоит Гирей.

Иван. А шведы?

Мстиславский. Копорье все еще воюют, государь.

Иван (после раздумья, Мстиславскому).
В поход собирайся, князь Мстиславский!

Василий Шуйский.
Вот этак и давно Баториеву рать
Нам в чистом поле встретить подобает!

Иван (не слушая его).
Не на Батория, однако, поведешь
Ты ратников своих, а супротив Гирея!
Коль сможешь, прогони подале от Москвы
Орду Гирееву, но в Крым не устремляйся,
А вскорости же возвращайся вспять!
Коль лоб разбил себе Баторий
Об стены псковские — сегодня в Ям-Запольск
Отъедут пусть Связев и Алферьев,
Чтоб учинить с ним мир... Баторий-то небось
Теперь сговорчивее станет...
Пусть чинят мир на том, на чем у нас война
С ним началась... Нам остается — наше,
Им — ихнее... От моря до поры
Придется нам, бояре, отступиться...
А там опять начнем... Без моря нам не быть!
Теперь во храм последуем господень,
Всевышнему молитву вознесем,
Чтоб по великой милости, а паче
По милосердию великому своему

Нам за грехи бы даровал прощенье
И нашим замыслам свершенье ниспослал.

Царь и бояре уходят. Из боковой аллеи выходит Ирина. Годунов задерживает ее.

Годунов.

Помедли чуть, Аринушка... Скажи-ка —
Сомненье в голову запало мне одно, —
Ужель так слаб умом и вправду твой Феодор?
И этак сердцем прост? А не хитрит ли он?

Ирина (не без лукавства).

Ты сам его спроси!

Годунов.

Нет, лучше, если спросит

Его жена об том.

Ирина.

А надобен ли спрос?

Невдалеке показывается царевич Феодор. Он приближается, медленно идя по аллее. На его голове венок из цветов.

Вот погляди: идет с веночком на волосьях!
Уж таково-то свят... Уж таково-то прост...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Царские покои. Слева — небольшая светлица, справа, отделенная от нее стеной, — горница, где сидят: царевич Феодор, митрополит. Василий и Дмитрий Шуйские, Захарьин-Юрьев, Нагой. Мстиславский, Бельский и другие бояре. Они молчат, лица их серьезны и сосредоточены. Изредка они перешептываются друг с другом. В светлице на постели под образами лежит царь Иван. Рядом с ним стоит Годунов.

Иван.

Слабею я, Борис...

Годунов.

Великий государь,

Еще поправишься.

Иван.

Не верю.

Теснит дыхание...

Годунов.

От радостных вестей

Болезнь скорей проходит, чем от зелий

И трав лекарственных.

Иван.

Нет нужды утешать

Меня вестями добрыми... Не больно

Они и радостны.

Годунов.

Одначе в Ям-Запольске

Мно вчинен с Батонием такой.

Какого ты хотел?

Иван.

Не больно-то хотел.

Как моря не было, так нет его и ныне...

Годунов.

Но наше нам осталось.

Иван.

Экой клад!

Он Пскова не искал, а мы искали моря,

Когда войну с ним зачали!

Годунов.

Пусть так.

Но ведь могло и хуже быть?.. Мстиславский
Прогнал Гирея... Нешто эта вестъ
Не добрая?

Иван.

Вот если б в те поры,
Когда в Ливонии на берег моря выйдя,
Просил я смерти,—смерть пришла ко мне,
Вовремени бы трон оставил я... А ныне —
Что мной совершено? В сей тяжкий час кому
После себя оставляю царство?..
Феодору носить достанется венец,
А царствовать кто будет? Таю — шурин
Феодора? Доволен я и тем,
Что ты, Борис, как надо быть, обучен
Правленью государскому, в делах
Зело стоятелен, с другими в обхожденье
Хитер и ловок. Родом невысок,
Но сам зато разумник и умелец.

Годунов.

Великий государь, твоя мне похвала,
Хотя и радостна, но надобность в ней есть ли?
Ведь коли, государь, не приведи господь,
С тобою что худое приключится,—
Стоять на том, на чем стоишь ты сам,
Мне тяжело будет... Ежели посмею
Я длань свою поднять на знатные роды,
На те, что ныне в прахе пред тобою
Лежат, покорствуя, мне не простят того,
Безродному! Хотя бы тот же Шуйский —
Исконный враг замыслов твоих,
Престола твоего завистник и изменник,
Он родом — Рюрикович! Как
Я без тебя с ним справиться сумею?

Иван.

Так Шуйский враг мне? А чем докажешь ты,
Что он мне враг?

Годунов.

Воротынский

Был по извету Шуйского казнен.
Великий государь, сам Шуйский был душою
В том заговоре супротив тебя
И государства твоего... А инок,
Что укорял тебя в безумии,—он был
Подослан Шуйским и зарезан им же
В палате у тебя, чтоб показать не мог,
Кем он подослан... И царевич також,

Твой сын Иван, подучен Шуйским был
Свой голос супротив твоей отцовской воли
Поднять...

Иван (*приподнимаясь*). А кто же подтвердит,
Что это правда?!. Ведомо откуда
Тебе сие?..

Годунов. Поведал мне о том
Один монах... Он был подкуплен Шуйским.
Дознался я о том... и, уличенный мной,
Он выдал Шуйского...

Иван. А где же он?

Годунов. Отравлен
Был тем же Шуйским на моих глазах.

Иван (*с иронией*).

Отравлен, говоришь? А может быть, не в пору
Замыслил ты своего соперника убить
С моею помощью? Ты чаешь, я и верно
Помру столь скоро, что уже себе
Ты впрок готовишь место пусто
При будущем царе Феодоре? Постой...
(*Хлопает в ладоши.*)

Входит слуга.

Эй, Шуйского ко мне!

Слуга (*вбегая из царской светлицы в горницу, где сидят бояре*).

Тебя, боярин Шуйский,
К себе зовет великий государь!

Василий Шуйский суетливо вскакивает, крестится и идет к царю.

Василий Шуйский (*входя и кланяясь*).

Великий государь, будь здоров!

Иван. И сам хотел бы...

Да видишь...

Василий Шуйский. Вижу... Плох совсем...

Иван (*вскакивая с постели*).

Ты... как?.. Ты что сказал мне?!

Василий Шуйский.

Иван.

Как ты осмелился?!

Василий Шуйский. Пошто бояться мне?

За мой недолгий век не видел я доселе,

Чтобы за правду ты кого-нибудь казнил...

Мне все одно!.. Пускай я буду — первый!

Мне без тебя не жить... Зане ведь смерть твоя,

Как ни страшна тебе, а мне еще страшнее...
Ты хвор, а я здоров. Ты стар, а я не стар...
Но все одно трех ден мне не прожить на свете
Со дня, когда в могилу ты сойдешь!
Великий государь, сам ведаешь, что шурин
Царевича Феодора, когда
Царем тот станет, не помедлит часу,
Чтоб извести меня... Скажи, коли не так?

Иван.

А что, Борис? Не врет он! Ведь тому, что
Ты говорил здесь, на слово тебе
Я верить должен... А вот то, что Шуйский
Сказал сейчас, ты сам еще допрежь,
Чем он сказал, мне подтвердил с избытком!
Ступайте оба! Ждите там...
Ко мне же пусть сейчас войдет владыка
И примет исповедь последнюю мою...

Годунов и Василий Шуйский уходят. Пройдя в горницу, Годунов садится,
а Шуйский тихо передает митрополиту повеление царя. Митрополит встает
и идет к государю.

А кто-то из двоих и впрямь изменник! Кто же?
Василий Шуйский или Годунов?
Кто из двоих? Не ведаю...

Митрополит (*входя и осеняя царя Ивана крестным знаменем*).

Во имя

Отца и сына и святого духа —
Благословляю днесь тя, государь... Аминь.

Иван.

Что ж, приступи.

Митрополит. Так сказывай: в чем грешен?

Иван.

В чем грешен? Лучше бы спросил —
В чем я не грешен? Был бы сказ короче.
Грешил и каялся... И страсотерпцем был,
И сластолюбцем тож... И заповедей божьих
Не исполнял... Такого на Руси
и человека нет, пред коим не повинен
Я во грехах моих... Казнил и убивал...

Митрополит.

А средь виновных не казил безвинных?

Иван.

Казнил.

Митрополит. А многих ли?

Иван.

Без счету... Грех на мне.

Митрополит.

По неразумию аль с умыслом?

Иван.

Бывало

И так и так... Но с умыслом казнил

Я чаще, нежели без умысла...

Митрополит.

Безвинных?!

Иван.

Святой отец... Но, коли из двоих,

А может, и троих или числом поболее —

Один виновен был, но я не ведал — кто?

Всех, отче, мне казнить ему казалось,

Чтоб виноватый головы не спас!

Митрополит.

Грех тяжкий на тебе!

Иван.

Но, отче, как иначе

Измену выведешь? Какие б ни свершал

Злодейства я — их совершал во благо

Всяя Руси... Как жадный муравей

Все, что ни видит, тащит в муравейник —

И хвою павшую, и хлебное зерно, —

Свой собирая дом помалу до велика,

Вот так и я за тридцать лет

Из малых царств и неприметных княжеств

Державу русскую воздвиг!..

Ее мечом и хитростью умножил,

Мечом и хитростью от гибели сберег...

Как поле новое старательный оратель

Корчует, начисто выдергивая пни,

Всю землю русскую я перебрал железом,

Кровавым потом окропил!..

Всех тех, кто мог своею волей

Препятствовать или грозить моей, —

Казнил без жалости. Едины вес и мера,

А также и вера на Руси!

Митрополит.

Так ты всего достиг, чего хотел, — железом?

Иван.

Нет... не всего. Великое число

Побито христиан в Ливонии... А моря

Не добыл я их кровью... Грех на мне.

И всей измены на Руси не вывел....

Митрополит *(благословляя Ивана и протягивая ему причастие)*.

Столь тяжкие твои деянья и грехи

Днесь, царь Иван, тебе я отпускаю,

Что длань моя с причастием дрожит...

Но милосерд господь...

Иван (*отстраняя причастие*). Не все сказал я, отче...

Ты отпусти мне грех еще один...

Митрополит.

Какой же?

Иван. Двух бояр, приближенных особо,

Казнил я ныне... Одного

За тяжкую вину... Другого же — безвинно...

Митрополит.

Кого же ныне ты еще казнить успел?

Иван.

Василья Шуйского с Борисом Годуновым...

Митрополит (*в ужасе*).

Опомнись, государь! Мутится разум твой!

Они сидят там живы и здоровы...

(*Кивает в сторону горницы.*)

Иван (*с усмешкой*).

Сидят покамест... Правду ты сказал.

Но завтра на заре их ожидает плаха.

Митрополит.

Как верить мне сему? Ты сам сказал: из них

Имеет лишь один вину перед тобою?

Какая и на ком лежит из них вина?

Иван. На ком из них вина? Не ведаю, владыка...

Когда бы ведал — одного казнил!

Но ведомо зато доподлинно, что кто-то

Из них двоих — исконный враг мне

И государства моего изменник!..

Митрополит.

Нет! Такого

Греха я, государь, тебе не отпущу!

Помысли, государь: хоть и казнил ты многих

За вины тяжкие, а також и без вин

В течение долгих лет... однако сам к чему же

В свой смертный час ты, государь, пришел?

У ложа твоего стоят опять же двое —

Один безвинный, а другой — злодей!

А сам не видишь, что измены

Одним железом вывести нельзя?

Что слово кроткое железа не иступит?

И что терпенье — мудрости сестра?

Иван (*в раздражении*).

В последний раз прошу тебя, владыка,

Несовершенный грех мне отпустить,

Чтоб перед господом очищенным предстал я!

Митрополит (с твердостью).

Нет, государь. Примера нет тому,
Чтоб отпускался грех еще не совершенный!

Иван.

Ты что? С ума сошел? Помазанник я божий
Аль не помазанник?

Митрополит. Помазанник... Но я

Греха не отпущу такого...

Иван.

Не отпустишь?!!

(Встает с постели. Всклопоченный, бесой, в белой рубахе, хватая посох и падает на митрополита.)

Митрополит (отступая к двери).

Нет... государь...

Иван.

Владыка, отпусти!!!

Митрополит (отступая в горницу, где сидят бояре).

Нет... государь...

Иван (шатаясь, идет за ним и, страшный в гневе своем, предстает перед боярами).

Бояре вскакивают с мест.

Так что ж? Без покаянья

Мне перед господом, по-твоему, предстать?!

Митрополит.

Не знаю, государь...

Иван.

Не знаешь?!!

Митрополит.

Не содеян

Твой этот грех... Не волен я вперед

Грех отпустить твой...

Иван.

Не отпустишь?!!

Так я тебя!.. А!!!

(Собирается с последними силами, заносит посох и вдруг падает мертвым, широко раскинув руки.)

Митрополит.

Государь!..

Годунов.

Скорее лекаря!

Ивана.

Дмитрий Шуйский. Что? Помер, что ли?

Нагой.

Помер?

Лекарь.

Скончался...

Царевич Феодор (припадая на грудь отца).

Батюшка!!

Дмитрий Шуйский. Глядите, отошел
Без покаянья! А грехов немало!..
Нагой (*опускаясь на колени перед телом Ивана*)
Великий государь! Да на кого же нас,
Сирот своих, покинул?.. Как же будем
Без разumenья светлого твоего
Жить на Руси? Когда еще Дмитрий,
Сынок твой царский, подрастет?
Захарьин - Юрьев. Гляди,
Еще Феодор жив, а он внучонка хочет
На трон отцовский посадить!
Бельский. Хитер!
Нагой (*продолжая причитать*).
Погибнет без тебя как есть твоя держава!..
Дмитрий Шуйский.
И после смерти, вишь, раскинулся-то как?
Опять боярам поместиться негде!
Нагой (*припадая к ногам мертвого Ивана*).
Дай ножки, государь, твои облобызать!
Годунов (*отстраняя бояр и подходя к телу Ивана*).
Прочь отступите от него! Владыка —
Закрой царю покойному глаза!

Митрополит склоняется над телом царя Ивана.

Высоко он вознес свою державу
И много тяжких бед обрушил на нее!
Ни славы дел его никто отнять не сможет,
Ни оправдать его не сможет пред людьми!
И правды дел своих оставил он немало...
И кривды дел его — очам не обозреть...
Но, как держава русская стояла,
Так и стоять державе русской впредь!

Занавес

1943—1955 г.

ФЕЛДМАРШАЛ
КУТУЗОВ

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА В ПЯТИ АКТАХ.
ДЕСЯТИ КАРТИНАХ**

НАДПИСЬ
НА МОГИЛЕ СЕРДЦА М. И. КУТУЗОВА В БУНЦЛАУ

Среди чужих равнин, ведя на подвиг правый
Суровый строй полков своих,
Ты этот памятник бессмертной русской славы
На сердце собственном воздвиг...
Но не умолкло сердце полководца,
И в грозный час оно зовет на бой,
Оно живет и мужественно бьется
В сынах отечества, спасенного тобой!
И ныне, проходя по боевому следу
Твоих знамен, пронесшихся в дыму,
Знамена собственной победы
Мы клоним к сердцу твоему.

28 апреля 1945 года
Бунцлау
В день 132-й годовщины
со дня смерти М. И. Кутузова

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Князь Кутузов Михаил Илларионович — фельд-маршал русских войск.

Александр I — император российский.

Барклай-де-Толли Михаил Богданович — командующий 1-й армией.

Князь Багратион Петр Иванович — командующий 2-й армией.

Беннигсен Леонтий Леонтьевич — генерал-от-кавалерии.

Ермолов Алексей Петрович — генерал, начальник штаба 1-й армии.

Балашев — министр полиции.

Расвский
Коновницын } генералы русской армии.

Толь — полковник, генерал-квартирмейстер.

Князь Волконский — полковник.

Доктор

Казак.

Сэр Роберт Вильсон — английский комиссар.

Давыдов Денис Васильевич — начальник партизанского отряда, подполковник Ахтырского гусарского полка.

Бекетов Андрей } офицеры партизанского отряда.

Бедряга

Фома
Степан } крестьяне-партизаны.

Егор

Подросток Ваня.

Настя — крестьянка.

Василий — ее муж.

Помещик.

Помещица.

Наполеон I — император французский.

Граф Дарю — его секретарь.

Граф Лористон — бывший французский посол в России.

Мюрат — король Неаполитанский, маршал.

Ней — князь Эльхингенский, маршал.

Бессьер — герцог Истрийский, маршал.

Рембо
Генрих } гренадеры старой наполеоновской гвардии.

Интендант — французской армии.

Ляховский — польский капитан.

Самборский — польский полковник.

Дежурные офицеры, адъютанты, гусары, казаки, русские солдаты, русские офицеры, крестьяне, крестьянки, гонцы, французские солдаты и гвардейцы, польские жолнеры.

АКТ ПЕРВЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Дворец в Вильно. Большой зал, в глубине которого за широкими стеклянными дверями балкон, выходящий на главную улицу Вильно. У входа на карауле Рембо и Генрих — два гренадера старой наполеоновской гвардии. За стеклом, отделяющим балкон от зала, видна фигура Императора французов, окруженного немногочисленной свитой, среди которой маршалы Ней, Бессьер, Мюрат, граф Лористон, граф Дарю и другие. По улице, под балконом, маршируют солдаты. Идущих не видно, но штыки, качающиеся на уровне балкона, черные султаны высоких киверов, равномерный шаг колонны великой армии, боевая музыка гимна в честь Наполеона, приветственные крики со стороны балкона свидетельствуют о мощном движении войск.

Песня за сценой:

Когда в поход сирийский
Ушел Дюнуа молодой,
Пред девою пречистой
Склонился он с мольбой:
«О дай, молю со слезами,
На будущей войне
Любовь прекрасной Дамы
И славу в битве мне!»

Коики за сценой:

«Да здравствует великий император!»
«Виват! Виват! Наполеон!!!»

Польские офицеры оживленно беседуют на авансцене.

Первый офицер.

Война, панове, выглядит парадом,

А русских — нет как нет!

Второй офицер.

Я тоже удивлен.

Мимо группы польских офицеров проходит седой поляк с рубцом через все лицо. Он в штатском платье.

Ляховский.

Пан Сигизмунд Самборский!

Самборский останавливается.

Прóшу пана

Простить великодушно мне,

Но странно...

Самборский. Что вам пане странно?

Ляховский.

Что пана я узнал по седине

Да по рубцу от сабли на лице.

Но почему вы, пане, безоружны?

Самборский.

Я, пан Ляховский, польский офицер,

Я не наймит французской службы.

Первый офицер.

Что хочет пан сказать?

Ляховский. Так пан полковник больше

Не хочет помогать восстановлению Польши?

Иль императору он верить перестал?

Самборский.

Я для доверчивости стар.

Ляховский.

Когда б не ведал я, как некогда вперед

С Костюшкой пан ходил под русские картечи,

По содержанию этой речи

Я думал бы, что пан — неважный патриот!

Самборский.

Кто патриот, кто нет, — я думаю, едва ли,

Панове, спор уместен тут.

Французы в прошлом нас нередко предавали

И в будущем, случится, предадут!

Доколе верить будете словам

Того, кто тешит вас восстановлением Польши?

А где не раз он ими прикрывал

Разбой средь бела дня, чтоб удержать подольше

Поляков при себе. И снова за собой

Он обещаньями уводит вас под пушки,

Свое насилье, свой разбой

Прикрывши именем Костюшки!

Нет. Этот манифест со смыслом обратным

Мне за шесть лет достаточно знаком!

Уж лучше быть неважным патриотом,
Нежели важным дураком!

Польские офицеры обнажают сабли и кидаются на Самборского.

Первый офицер.

Холера! Пся крев!

Второй офицер. Кончить без суда!

Ляховский.

На императора залаял, пес ничтожный!

Во время этой сцены Наполеон I со своими маршалами сходит
с балкона

СЦЕНА 2

Те же, Наполеон I, Бессьер, Мюрат, Ней, Лористон,
генералы, офицеры.

Наполеон I (*Мюрату, указывая на поляков*).

Велите прекратить!

Мюрат. Спокойней, господа!

Здесь вам не польский сейм. Вложите сабли в ножны.

Наполеон I.

Что здесь произошло?

Ляховский. Вот этот старый пес

Вас оскорбил.

Первый офицер. Он смел...

Второй офицер. Он произнес...

Наполеон I.

Что произнес?

Ляховский. Что вы свободу Польше

Как раньше не дали, так не дадите позже...

Наполеон I (*Самборскому*).

Кто вы? Как вас зовут?

Самборский. Самборский.

Наполеон I (*припоминая*).

Под Веной орден получили?

Самборский. Да.

Наполеон I.

Не носите?

Самборский. Ношу, но не всегда.

Ляховский.

Нам стыдно за него, что он полковник польский!

Наполеон I (*Ляховскому*).

Я вас не спрашивал.

(*Самборскому*.)

Под Фридландом?..

Аустерлицем.

Так.

Отсутствует в моих рядах.

Стыдитесь, господа! На собственную славу

Своею кровью заплатил за право

He reports the same facts.

Ступайте!

Самборский уходит.

М ю р а т (польским офицерам).

Рыцарский закон —

На безоружного не поднимать оружия.

Ляховский (офицерам).

Вот, пане, истинный пример великодушья!

О ф и ц е р ы.

— Виват! — Виват!! — Виват Наполеон!!!

Уходят.

Наполеон I.

Вы, граф Дарю, напишете приказ

О высылке Самборского из Вильно.

Я полагаю, здесь мы задержались сильно.

Я продиктую вам сейчас

Письмо к Даву...

(Диктует.)

«Любезный маршал!

Прошу вас выступить чуть свет

За армией Багратиона вслед.

Догнать его и параллельным маршем

С ним рядом следовать, все время не давая

Соединиться с армией Барклая

Его войскам. Старайтесь обойти

Коллектив авторов благодарит за помощь в подготовке рукописи проф. В. В. Козлова.

Желаю вам счастливого пути».

(Подписывает.)

Лористон (со вздохом).

Мир мог быть заключен до этого момента!

Наполеон I (стоящему в карауле Рембо).

Ну как, Рембо? Хороший город Вильно?

Как ты его находишь?

Рембо.

Пыльно,

Ваше величество.

Входит дежурный офицер.

Дежурный офицер. Посол от Александра!

Мюрат.

Клянусь, он мир предложит нам.

Бессьер.

Но, черт возьми! Без боя по домам

Не разъезжаться же?

Ней.

Да было бы досадно

Наполеон I (к Дарю).

Распорядитесь, граф, чтоб тотчас пригласили

Посла монарха русского сюда.

Лористон.

А знаете ли вы, кто прислан от России

К нам в качестве посла? Представьте, господа, —

Министр полиции!

Бессьер.

Кто?

Лористон.

Балашев.

Мюрат.

Как видно,

Нас с полицейской помощью из Вильно

Хотят препроводить? Занятно! А?

Входит Балашев.

СЦЕНА 3

Те же и Балашев.

Наполеон I.

Я рад

Вас видеть у себя. Как государь, мой брат?

Балашев.

Ваше величество! Примите заверенья

В моей особенной почтительности к вам.

Я должен был бы несколько скорее

Вам передать письмо... Но где война — мы там

От множества служебностей задержаны

Касающихся и высоких писем.

Я был задержан вашими войсками:

В течение двух дней меня не пропускали.

Его величество российский император

Был в добром здравии, когда в последний раз

Его я видел здесь, где ныне вижу вас.

Я в Ковно послан был, но мне путем обратным

Пришлось последовать. Мне, прямо вам замечу,

Поспешность ваша стоила труда,—
Пока отсюда я к вам выезжал навстречу,
Вы сами прибыли сюда!
Так очутился я у этих же дверей,
Из коих должен был свой поиск предпринять я.

Наполеон I (*читая письмо*).

Вы убедились в том, что армии быстрее
Шагают, нежели шагает дипломатия?

Балашев.

Но дипломатия идет путем окружным,
Не больно быстро двигаясь вперед
И ежели ее задерживать оружием,
Она и вовсе с места не сойдет!

Наполеон I.

Мир предлагает мне российский государь!
Но вряд ли мыслим он... Поймите:
Я с Александром рад поговорить, как встарь
Мы говорили с ним в Эрфурте и в Тильзите.
Но есть ли в этом смысл? Поверьте, что недаром
Мои намеренья достаточно тверды.
Вы обещали мне английские товары
Не допускать в российские порты.
Их ввозят к вам не под английским флагом,
А под другим? Но это — все равно.
(*Кладет руку на шпагу.*)

С кем не встречалась эта шпага, —
В Египте ли, в Европе, — но
Везде против нее стояли англичане,
Хотя другие жизнью отвечали.
Вот нашей распри нынешней истоки!
Нетрудно бы войну надолго отдалить:
Ваш император — на востоке,
А я — на западе. Нам нечего делить.
Сколь наши земли меж собой не близки,
Столь и война была бы далека,
Когда бы острие российского штыка
Не стало остием политики английской!

Балашев.

Ваше величество! Я полагаю, дело
Не в Англии одной. Из-за того ль война?..
Но разве не всегда Россия с кем хотела,
С тем торговала? Разве не вольна
Она и впредь так поступать? Не в силе
Никто ей запретить политику свою, —
В том независимость России!

Наполеон I.

Вот этот спор мы и решим в бою.
Друг друга не понять нам, видимо, хотя
Ваш государь — союзник наш вчерашний.
И не хочу зависеть я
От независимости вашей!

Балашев.

Ваше величество! Однако не секрет,
Коль мне не изменяет память:
В союзе с вами вы хотели нас заставить
Идти на Индию?

Наполеон I.

А почему бы нет?

Балашев.

Сей мир немислим, значит?

Наполеон I.

И сейчас

Ваш император, граф, любим, как прежде, мною.
Но не симпатией одною
Вершат политику. Я жду к обеду вас.
Князь Эльхингенский с герцогом Истрийским
Разделят наш обед.

Балашев кланяется, готовясь выйти, но Наполеон останавливает его.

Не скажете ли вы

Мне вот что, генерал: отсюда до Москвы
Путь полагаете какой вы самым близким,
Чтоб можно было нам, по чести и по праву,
Мир заключить в наикратчайший срок?

Балашев.

В сию Москву есть множество дорог.
Вот Карл Двенадцатый — тот шел через Полтаву!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Солнечный летний день. Окраины села. Развилка дороги. Вдали холмы и голубой горизонт. Справа, на холме, шатер. Слева выстроены русские войска.

СЦЕНА I

Проходят Кутузов, Багратион, Барклай-де-Толли, Беннигсен, Ермолов, Толь, Коновницын, Волконский, позади — Давыдов и Бекетов.

Кутузов (войскам).

На вашу я гляжу воинственную рать.
Приученную к подвигам героическим.

И думаю: как с этим-то войском
Все отступать да отступать?
Нехорошо!

(Качает головой.)

Голоса солдат.

— Урра!

— Кутузов!!

— Пришел Кутузов бить французов!!!

Кутузов и с ним другие генералы проходят по фронту выстроенных войск и удаляются. На сцене остаются Денис Давыдов и Бекетов.
Во время их разговора солдаты уходят.

СЦЕНА 2

Давыдов, Бекетов.

Бекетов.

Что хмуришься, Денис? День целый, пригорюнясь,
То у костра сидишь, то ходишь в лес один.

Давыдов.

Так... Глупости... Невольно вспомнил юность...
Я тут родился, детство проводил...
Усадьба наша здесь. Сейчас в ней тишь... безлюдье...
А там, где бьют сейчас французские орудья,
Соседа нашего село...
Вот на душе и стало тяжело,
Все перепуталось... Все завертелось роем —
Воспоминанья... мысли и тоска...
Где раньше крепости я строил из песка,
Редут взаправдашний построен.

Бекетов.

Эх!.. Не горюй, гусар!

Давыдов.

Я доказал не раз,
Что взять меня нельзя ни лаской, ни слезами...
А посмотрю вокруг — и слезы как-то сами
Невольно на глаза набегают...
Не знал я, что придет такое время злое,
Что будет мой бивак здесь некогда разбит.
О родина! Как много в этом слове
И мужества, и счастья, и обид!

Входит Багратион. Давыдов и Бекетов встают.

Багратион, Давыдов, Бекетов.

Багратион.

Что мрачен ты, Денис?

Давыдов.

Мне скучно, ваша светлость!

Багратион.

Как — скучно?

Давыдов.

Так... Прошу меня простить.

Ни пистолет испробовать на меткость

Ни саблю с саблею скрестить!..

И, в адъютантах будучи у вас,

Бывало, по пути, когда везешь приказ,

Нет-нет да вынешь саблю для удара!..

А это разве жизнь для старого гусара?

Багратион.

Не я тому виной.

Давыдов.

Я, ваша светлость, знаю!

Но, проходя не по чужому краю,

А по своей родимой стороне,

Я думаю: эх, если б дали мне

Отряд гусар, казаков пару сотен,

Пошел бы я гулять по вражеским тылам!..

Быть может, мой нивесть какой великий план

Кутузову не будет неугоден?

Крестьяне, слышал я, скрываются лесами,

Куда за ними не пробраться вслед.

Они помогут мне. Они, где могут, сами

Врагу немалый причиняют вред.

А ежели б отряд — я по большой дороге

Пошел бы брать обозы и гонцов!

Багратион.

Не малый риск, но замысел широкий!

Давыдов.

А как без риска быть? Война, в конце концов!

Там захвачу обоз, там пленных отобью —

И есть где погулять и разойтись пошире.

И помереть — так лучше уж в бою,

Чем от тоски при штаб-квартире!

Багратион.

А будешь, главное, ты сам себе начальник!

Давыдов.

По справедливости — и в этом правда есть!

И далее от образов печальных,

Мундирных шаркунов, которым только честь,

Когда фельдмаршал вдруг их позовет к обеду,
Чин выпросить за сладким. А по мне,
Коль в чине я кого-нибудь объеду,
То уж, по крайности, на боевом коне.

Гром орудий.

Багратион.

Что ж, хорошо. С фельдмаршалом об этом
Я нынче вечером, Денис, поговорю.
Мне просьба по сердцу твоя.

Давыдов.

Благодарю

Багратион.

Поздней, сегодня же, заглянешь за ответом.

Входит Беннигсен. Давыдов и Бекетов козыряют и уходят.

СЦЕНА 4

Багратион, Беннигсен.

Беннигсен.

Я вижу, князь, что рады вы чрезмерно
Кутузову? Я слышал, вы царю
Писали, будто бы Барклай изменник? Верно?

Багратион.

Ну что ж, писал.

Беннигсен.

И я вас не корю

За это, князь. И я Барклаю.

Сказать по совести, не очень доверяю...

Но и Кутузов, князь!..

Багратион (запальчиво). Что значит это «но»?

Прошу вас, Беннигсен: начав — договорите.

Беннигсен.

А значит то, что я не жду особой прити

И от Кутузова. Для дела все равно:

Кутузов ли, Барклай... Хоть первый и в почете

Средь войска нашего, но утверждать рискну:

Как слаа один Смоленск так сласт другой Москву.

Багратион.

Довольно, Беннигсен. Вы лжете!

Беннигсен (хватается за эфес, но овладевает собой).

Я, князь, прощаю вам горячность,

Но думаю, что тем сильнее

Вы пожалеете о ней.

Я с мнением моим, как видите, не прячусь.

Входят Кутузов, Барклай-де-Толли и другие

Между стратегией Барклая
И между тактикой труса!
Или другие трусы разве
Бегут не так, как мы бежим?

Барклай-де-Толли (*услышав издали*).

Я сдал командование князю

И отвечаю перед ним.

Багратион (*Барклаю*).

Я думал, вы бы показали

Как полководец большой блеск,

Когда б командование слали

Чуть раньше, нежели Смоленск!

Беннигсен.

Князь дело говорит. Не знаю, почему

Отсюда на Смоленск не повернуть колоннам,

Дать бой, желаемый давно Наполеоном.

Кутузов.

Ну, раз желаемый, зная, выгодный ему!

Я думаю, скрестить успеем с ним оружие,

Коль будет надобность — и головы сложить.

А то, что к выгоде Наполеону служит,

Не может к нашей выгоде служить.

Ермолов.

Из-за позиций... много ль недостатку,

Но если будем так мы отступать и впредь?

Кутузов.

Вам не фельдмаршал нужен, а медведь,

Который лезет прямо на рогатку!!

Пауза.

Внук мой меня спросил намерения: «Неужели

Ты, дедушка, на самом деле

Наполеона вдруг решил побить в бою?»

(Пять лет ему еще, вот этаким гвардеец!)

Побить-то, говорю, быть может, не побью,

Но обмануть, я говорю, надеюсь!

(Отпускает жестом генералов и задерживает Багратиона.)

СЦЕНА 6

Кутузов, Багратион.

Кутузов.

Князь Петр Иванович! Задержись со мной.

Я друг твой, князь! Прошу тебя по чести:

Негоже с Беннигсеном вместе

Тебе идти. Ты — человек иной.
Ты рвешься в бой по храбрости, желая
Встречать врагов отечества лицом.
У Беннигсена ж, думаю, другая
Стратегия. Недаром и Вильсон
Ему ближайший друг. Об нем ты не слыхал?
А Беннигсен в моем занесен в списке
Как русской службы генерал,
С немецким именем, но человек — английский.
Раз Беннигсен желает наступать,
Так сэр Роберт Вильсон, знаешь, требует того же.
Что русских им жалеть? Они хотят опять
Сражаться нашими штыками. Да негоже
На хитрость оную нам запросто попасться!

Багратион.

Кто этот сэр Роберт?

Кутузов. Английский комиссар,
А попросту — шпион. И то еще опасно:
Один от двух дворов... каких, чай, знаешь сам.

Багратион.

Один английский двор. А чей еще второй?

Кутузов.

Отыщется второй. Узнал я в разговоре,
Что этот сэр Роберт сюда прибудет вскоре.
А ты хоть, Петр Иванович, герой,
Но человек, бываешь, и горячий!
По войску нашему такой ты не один,
Тебя тут любят все. Все за тобой поскачут.
Ну, я тебя, как друг, предупредил.

Багратион.

Какой же двор второй? Я думал, все забылось.
Ужель, избрав в столь тяжкий час
Главкомандующим вас,
Его величество не оказал вам милость?!

Кутузов.

Доверчив ты. Навряд ли мне простится
Его величеством за мной высланный сам.
Когда-нибудь позор Аустерлица!

Багратион.

Но эту битву проиграл он сам!
Не вы, а он был виноватым,
Что доказали вы по мере ваших сил.

Кутузов.

Его величество российский император
Вот этого-то мне как раз и не простил.

Хоть ты и храбр, князь Петр, но прост
И ныне властью своею
Мне государь затем дал свой высокий пост,
Чтобы на нем сломил я шею!

Багратион.

Нет, вы не правы, князь, скажу вам откровенно —
Ведь за доверье к вам и царь несет ответ.

Кутузов.

По виду — так, на деле — нет...
Его величество назначить Беннигсена
На это место помышляла вперед
Но тут с петицией явилось духовенство:
Просил царя в петициях народ
Кутузову доверить это место...
И что же царь сказал, когда он их прочел?
«Я уступаю мнению народа!»

Багратион.

Ну что же? Это благородно!

Кутузов.

И сам он будто ни при чем!
Петиций-то осталось — груда...
Лежат небось недалеко.
Случится что — мне оправдаться трудно,
Ан государю-то легко!
Смоленск-то сдан уже как будто,
А как я без него Москву оберегу?
Мне тяжкий крест народ в подобную минуту
Вручил как другу, царь же — как врагу!..
Ну вот и все, князь Петр. Как видишь, не скрываю..
Я от тебя того, чего не говорю
Нигде и никому. Сходил бы ты к Барклаю
Да помирился с ним.

Багратион.

Но я писал царю,

Что он изменник!

Кутузов.

Ну, погорячился малость!

Был помоложе я — со мною то ж случалось.
Сходил бы и я к нему, поговорил по-свойски...
Все в злобе на него: и войско и друзья.
И дело, — скажет он, — мне поддержать нельзя.
Не осрамившись перед войском.
Чем дальше вглубь зайдет Наполеон,
Тем меньше войска приведет он следом:
Там надо по пути оставить гарнизон,
Там обеспечить тыл... А тыл ему неведом.

Слыхал ли ты? Крестьяне, говорят,
Шалят у них в тылу?

Багратион.

Просил себе отряд

Давыдов нынче, князь. Мысль у него имелась

Пойти к французам в тыл.

Кутузов.

Достойнейшая смелость.

Жаль только, дело не известно.

Ну что же, пусть возьмет он пятьдесят гусар

Да эскадрон казаков. А на место

Когда придет, глядишь, и сам

Людей найдет.

Багратион.

Не много... для начала.

Кутузов.

Людей мне жаль, а риску тут немало!

Ну, князь, прощай! Найдешь меня при гвардии.

В коляску сяду я, в седле уж тяжело.

Войска веди на Гжатск и очищай село...

А Неверовского оставь в арьергарде!

Кутузов уходит в одну сторону, Багратион — в другую. Некоторое время никого нет. Раздается заунывная песня отступающих русских солдат. Солдаты небольшими группами появляются и уходят по дороге «на Гжатск». Один из солдат снимает с палатки русский флаг. Появляется группа крестьян.

СЦЕНА 7

Степан, Фома, Настя, Ваня, Василий, помещик, помещица. Степан одет, как и все остальные крестьяне, но носит солдатскую фуражку, оставшуюся у него еще от суворовских походов. Хроает.

Фома.

Хранцузы близко!

Ваня.

Близко? Где?

Фома.

Верста или побольше малость.

Проходят помещик и помещица.

Помещик.

Французы близко...

Помещица.

O mon Dieu!

Что делать, mon ami?

Помещик.

А ты б, ma chère, собралась!

Помещица. Certainement.

Уходят.

Василий. Чего же это будет?

А ты, Степан, видал ханцузов?

Степан. Да.

Фома.

А каковы?

Степан. Ну, в аккурат, как люди,
И говорят, как наши господа.

Фома.

Тогда бежать бы...

Василий.

Нам дорога

Поямая — в лес. Там же всех покой.

Фома.

Тут барин хошь один, а ежели их много —
Не будет жизни никакой!

Близкие выстрелы.

Ваня.

Какой ханцуз? С рогами али без?

Степан.

Да что, ханцуз-то нешто бес?

Первый крестьянин.

Остаться аль бежать?

Второй крестьянин. Ну, а куда нам деться?

Как думаешь, Фома?

Первый крестьянин.

Бечь надо господам!

Фома.

Нет, лучше из лесу к ханцузам приглядеться:
Коль ничего — мы тут, а коли плохо — там!

Первый крестьянин.

А то попробуй поднеси

Им хлеб да соль, Степан. Поди-ка, на Руси

В достатке хлебушка! Небось смирится враг?

Степан.

Пушай уж кто другой...

Второй крестьянин.

У нас же старший чин.

Степан.

Покойной памяти фельдмаршал князь Суворов
Таких гостей встречать не этак нас учил.

Настя.

Вы что ж, лядащие, надумали? Охота

Под нехристями быть? Аль нет у вас стыда?

(Берет топор и вилы.)

Василий.

Да ты, скаженная, куда?

Фома.

Василий, придержи. Гляди, твоя пехота.
Ты это что ж? Никак в штыки?

Настя.

Да ежели окрест такие мужики,
Что хоть ханцуз, хоть кто — им каша в щах
была бы, —

С команды этакой не наберешь солдат!

Пушай хоть воевать поучатся у оаов!

Василий!

Василий. Что?

Настя.

В избе возьмешь ухват
Щи вытащишь да приберешь. Гляди,
Тут без меня ребят не народи!
Тьфу, господи...

Степан.

Ай баба! Удалец!

Первый крестьянин.

Эй, Настя, стой! Грудь выпать, а не пузо!

Фома.

Вот ежели б таких да сватать за ханцузов,
Аполиону тут бы и конец!

Со стороны поля появляется старик Егор. Он медленно идет к собравшимся.

Егор.

Мир! Кланяюсь тебе!

Фома.

Ответно и тебе
Мир бьет челом! Будь здрав, Егорий!
Что надобно тебе?

Егор.

Миряне! Горе!.. Горе!..
Иноплеменники сидят в моей избе!

Все крестятся. Пауза.

Василий.

Уже пришли?

Фома.

Уж тут?

Крестьянка (в голос).

Ой, горюшко-злосчастье!..

Первый крестьянин.

Что делают они, пусть скажет наперед.

Егор.

Что хочет кто, то и берет!..
Меньшую дочь мою... твою сестру, Настасья...

Настя.

Что, батюшка?!

Егор.

Молчи!

Настя.

Ужели же?

Егор.

Миряне!

До многих дожил я годин...

Шестью меня господь обидел дочерями,

А сыном ни одним меня не наградил.

Настя.

Да полно, батюшка! Что говоришь такое?..

Мне, дочери твоей, и слушать то нечего!

Коль сына нет, пошто поносишь дочь?

Благослови на дело на мужское!

(Становится на колени перед отцом.)

Егор обнимает дочь и осеняет ее крестом. Близко слышатся ружейные выстрелы.

Степан.

Скот в лес гоните весь!

Фома.

И прочего добра нам

Здесь оставлять нельзя. Все бить и жечь сполна!

Чтобы ни живности, ни хлеба, ни зерна

Не доставалось басурманам!

Входят Давыдов и Бекетов. В небе вспыхивает зарево.

Давыдов.

Пойдешь, Бекетов, партизанить?

Бекетов.

С тобой, Денис, на все готов!

Но только слово дай заранее,

Что ты не будешь мне читать своих стихов!

Я не люблю стихов!

Давыдов.

Не буду.

Бекетов.

Тогда я за тобой всегда, везде и всюду!

Давыдов *(крестьянам)*.

Что ж, воевать в леса пойдете
или останетесь?

Василий.

Да мы безо всего...

Давыдов.

Кто воевать пойдет, вооружим того.

Верхом вы ездите?

Василий.

Что ж, можем... не в пехоте,

Мы конюхи...

Давыдов.

Тогда со мной идем!

(Уходит.)

За ним следом идут Бекетов, Василий и другие крестьяне.

Настя (Егору).

Сбирайся, батюшка!

Егор.

Вы без меня идите.

Мне по лесам ходить уж неостанет прйти.

Настя.

Нет, батюшка!

Егор.

Иди, иди своим путем!

Настя.

Да что ты?.. Батюшка родимый!..

Егор.

С народом-то ступай подале от греха!

Мне, доченька, уж все едино!

В Егорьев день помянешь старика...

Настя.

Не брошу я тебя!

Егор.

Ступай себе, ступай...

Сюда ханцузы будут скоро.

Благословляя тебя на дело на мужское,

Так ты по-мужески теперь и поступай!

Все уходят. Из-за изгороди вылезает Ваня.

А ты что ж не ушел?

Ваня.

Мне посмотреть охота,

Какой ханцуз: с рогами али без?

Егор.

Сурьезный у тебя, я вижу, интерес.

Да только ты у них под шапками рогов-то

Не разглядишь...

Входит Ляховский и с ним трое солдат.

Ляховский.

Эй ты, мужик!

Какой дед... тикас... русско... война?

Егор (показывая вправо).

Вот этой!.. Этою ступайте напрямик!

Ляховский и солдаты уходят. Входят Генрих и Рембо.

Ваня.

Нет, наши, дедушка, пошли от перекрестка

На Гжатск!

Егор. Молчи!.. Не в меру боек!..
Пусть поплутают... не беда.

Ляховский и солдаты возвращаются, их ведет помещик.

Помещик.

Нет, нет, они пошли туда!

(Показывает дорогу на Гжатск.)

Ляховский (в раздумье).

Холера! Кто-то врет!

(Солдатам.)

Возьмите их обоих!

Солдаты берут под конвой Егора и помещика.

Кто правду мувил, тому — воля!

А того, цо солгал, застрелим без суда!

Куда жолнеры шли?

Егор.

Оглох, лядаший, что ли?

Я ж сказывал — туда!

(Показывает вправо.)

Помещик (показывает на Гжатск).

Да нет же, нет! Сюда!

Солдаты ведут Егора и помещика.

Ваня.

Отдайте дедушку!.. Егор!..

Конвоир (замахиваясь прикладом). Va-t-en, gamin!

Рембо (защищая мальчика).

Оставь его! Не тронь мальчонку!

Конвоиры уводят Егора и помещика.

СЦЕНА 8

Ваня, Рембо, Генрих.

Рембо.

Дождались мы с тобой великих перемен.

Одни брешут, а несутся нам вдогонку.

Ваня.

Отдайте дедушку!.. Чего вам сделал он?

Что зенки пялите?.. Нет на проклятых смерти!..

Отдайте дедушку!

Рембо (глядя его по голове).

O malheureux garçon!

Va-t-en, mon pauvre!

Ваня (вырываясь). Зачем пришли-то?.. Черти!..

Входят офицер, Наполеон I, Дарю, Бессьер, Ней и интендант.

Офицер. Его величество! Встать смирно!

Рембо, Генрих отходят, становятся навтыяжку.

Наполеон I. Вновь с позиций

Они ушли. А мы уж под Москвой.

Бессьер

Кутузов прибыл к ним.

Наполеон I. А... старая лисица

Из северных лесов!.. Когда ж он примет бой?

(Вытаскивает табакерку и подходит к Рембо.)

Ну, как живешь, Рембо? Ты не устал в походах
За эти двадцать лет? Твое здоровье как?

Рембо.

Не жалуясь еще.

Наполеон I. Ты нюхаешь табак?

Рембо.

Ваше величество! Предпочитаю порох!

Наполеон I (смеясь, подносит ему понюшку табаку).

Кто может устоять против таких солдат?

Бессьер.

Однако русские сраженья не хотят, —

Их отступление и странно и зловеще.

Наполеон I.

Зловеще? Почему?

Бессьер.

Порой бывают вещи

Необъяснимые...

Наполеон I.

Ну, что за срунда?

Необъяснимые?

Бессьер.

Вернее, мы не знаем

Им объяснения. Бывает иногда,

но объяснение приходит с опозданием

Наполеон I.

Все это глупости! Поменьше верьте слухам!

А где, Дарю, наш интендант?

Дарю.

Он должен был явиться.

Интендант.

Виноват,

Ваше величество, давно готов к услугам!

Н ей.

Не помню я, чтоб отступали раньше
Так долго русские... Нет, в этом что-то есть...

Входит М ю р а т. Он запылен. Рука его перевязана. Увидев императора,
он опускается перед ним на одно колено.

М ю р а т.

Ваше величество! Нет! Не ходите дальше!
Ваше величество! Остановитесь здесь!

Н а п о л е о н I.

Что за истерика некстати?
Мюрат, что с вами? Маршал, встаньте!

М ю р а т поднимается.

И не теряйте головы.
В походе на Москву я не предвижу риска.
Остановиться здесь? Так близко от Москвы?

Д а р ю.

Ваше величество! Но из Москвы не близко...

Н а п о л е о н I.

Что с вами, господа? Здесь будет точно так.
Как до сих пор в других местах.
Я вас введу в Москву недели через две.
Чего нам ждать здесь сверх обыкновенья?
Был мир с австрийцами подписан нами в Вене,
В Берлине — с немцами, а с русскими в Москве
Мы заключим его. Из-за чего обратно
Должны мы повернуть? Быть может, у Мюрата
Споткнулся конь вчера? А говорит молва,
Что это знак плохой перед сраженьем.

(Мюрату.)

Вы храбрый человек, но ваша голова
Вам служит чисто внешним украшеньем!

(Делает жест в сторону интенданта и уходит вместе с ним
в палатку.)

Н ей.

А все же и меня сомнение берет
Принимаясь, господа: нет на душе покоя.
Мы двадцать лет идем вперед,
И в первый раз я чувствую такое.

Б е с с ь е р (к Дарю).

Что думает Дарю? Он человек с умом.
Сам Талейран к нему заходит за советом.
Ну, что вы скажете об этом?

Дарю.

Я думал, господа, сознаться, о другом.

Ней.

О чем, Дарю?

Дарю.

Мне непонятно:

Зачем последние два дня

Его величество искал все интенданта,

А раньше говорил он с ним через меня?

Из палатки выходит интендант.

Интендант. *(приложив палец к губам).*

Есть новость, господа! Но под большим секретом...

В Смоленске... на зиму... мне император наш

Готовить приказал хлеб, мясо и фураж

На триста тысяч войск!.. Но никому об этом!..

(Уходит.)

Мюрат *(с радостью).*

Вот это поворот, решительный и резкий!

Бессьер.

Мы не пойдем отсюда никуда?

Ней.

Мы будем зимовать в Смоленске!

Наполеон I *(выходя из палатки).*

Вы все свободны, господа.

Мюрат, Бессьер, Ней кланяются и уходят.

Дарю.

Ваше величество! Мне очень неприятно

Присутствием своим надоедать вам так,

Но я просил бы вас уволить интенданта:

Во-первых, он болтун, а во-вторых — дурак.

Наполеон I.

Он что-то выболтал?

Дарю.

Да. Ваше приказанье

Готовить на зиму в Смоленске провиант.

Наполеон I.

(Император указал.)

Когда им сообщил об этом интендант?

Дарю.

Что это можно лишь понять,

Как то, что на Москву мы не пойдем, пожалуй.

Наполеон I *(зевая).*

Да... интендант болтливый малый...

Но стоит ли его за это увольнять?

И вы так поняли, Дарю?

Дарю.

Нет, я о маршалах вам только говорю.

Наполеон I (с опаской).

А вы?.. Как поняли?

Дарю.

Я понял так, что вы

Весьма уверены в успехе наступления,
Что вы надеетесь на взятие Москвы,
Но если мир, к большому сожалению,
Мы не подпишем там... то должен быть запас
В Смоленске на зиму для войск сосредоточен...

Наполеон I.

Ваш интендант болтун! Болтун опасный очень!
Сегодня же о нем я подпишу приказ!
Но вы-то не болтун?

Дарю.

Случается порою.

Ваше величество, но в обществе ином.
Когда угодно вам беседовать со мною,
И я бываю болтуном!

Наполеон I и Дарю уходят. На авансцену выходит группа гвардейцев, среди них Рембо и Генрих. Темнеет. Над селом занимается зарево.

СЦЕНА 9

Рембо, Генрих, гвардейцы.

Генрих.

Ты что-то стал, Рембо, печален.
О чем грустишь, Рембо?

Рембо.

О чем?

Да я и сам не знал вначале,
Да и не знать бы предпочел.

Генрих.

Что? Вспомнил родину? Гасконь?

Рембо.

Я с детских лет в Гаскони не был.

(Показывает на небо.)

Смотри-ка! Зарево... огонь
на каждом дне одно. Как под испанским небом.
Ты помнишь наш поход на Рим?
Мы об Италии теперь не говорим,
Как будто б там и не бывали
Назад тому пятнадцать лет.

Генрих.

Ты о Кончите вспомнил?

Рембо.
Генрих.

Нет.

О карнавале?
Рембо. Не о карнавале.

Цветы я помню... день июльский...
И сотни голосов на разных языках:
«Виват республике французской,
Несущей счастье на штыках!»
Я вспомнил смуглых итальянцев,
Хватавшихся за мой мундир...
Мы им несли в походных ранцах
Свободу... равенство... и мир!..
Нигде нам не было кордонов,
Никто и никогда нас задержать не мог!
(Молодому гренадеру.)

Смотри, юнец! С моих сапог
Еще не счищен прах последних фараонов!..
С тех пор прошли мы целый свет,
А вот таких походов нет!
Везде встречают нас, как тут.
На небе зарево... Бегут...
Куда бегут?

Генрих. От нас подале.

А! Все пустяк, Рембо!

Рембо. Нет, Генрих, не пустяк.
Я загрустил сегодня об Италии,
Как об ушедшей юности грустят.

Входят Ляховский, трое солдат ведут под конвоем Егора.
Сбоку Ваня и помещик. Один из солдат завязывает Егору глаза.

Ляховский.

Встать смирно! Ружья на прицел!

Солдаты целятся в Егора. Ляховский поднимает саблю.

Рембо.

Кто это?

Генрих. Польский офицер.

Егор.

Ты, Ваня, к дочке в лес отселева беги..
Скажи, я схоронил у ейного порога
Рубль серебром... да сапоги..
Еще сгодятся... ношены не много...

Первый солдат (замахиваясь на Ваню).

Ну, геть до лесу!

Рембо. Мальчика не тронь!

Ваня.

За что вы дедушку?

Ляховский (опуская саблю).

Огонь!

Залп. Егор падает.

Ваня (кидаясь к Егору).

За что вы дедушку?! За что ж?!.

Помещик.

За то, что он солгал.

Егор.

Не верь... ему, нуде.

Помещик. Нет, нуде человек... сам не пойдет... за ложь...

Идут за правду... на смерть... люди!..

(Умирает.)

Занавес

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Левый фланг русской армии. Семеновские флеши. Ночь. В глубине редут. Темные силуэты орудий и длинные тени часовых. Впереди нижняя часть редута. Лицом к солдатам, рядом с Багратионом, освещенный лучом стоит Кутузов.

СЦЕНА 1

Кутузов, Багратион, Волконский, адъютант, офицеры и солдаты.

Кутузов (солдатам).

Ну, братцы, нынче бой! Не обратимся вспять!

Здесь думаем врагу поставить мы преграду.

За землю русскую! За веру и за правду

Придется грудью постоять!

Земля российская прославлена не тем ли,

Что нет ни у кого защитников сильней?

Так пусть же каждый брат, не жалея ни души

Навеки остается в ней!

Багратион.

Здесь, князь, мы выполним свой долг!

Кутузов.

Я верю!.. Верю... С нами бог!

(Крестится. Обнимает Багратиона и уходит.)

Светает. Раздается пушечный выстрел.

Те же без Кутузова. У орудий трое солдат.

Первый солдат.

Ну, началось, гляди!

Второй солдат.

Наш это первый выстрел.

Третий солдат (первому).

Коль грешен в чем перед тобой, прости!

Волконский.

Сегодня поглядим: и впрямь перевелись ли

Богатыри бывшие на Руси!

Офицер (на батарее).

Артиллеристы! Встать к орудьям!

Багратион (адъютанту).

Пушай готовится к атаке Воронцов!

Мы встретим их по первости свинцом.

А провожать штыками будем!

Адъютант уходит.

Волконский (смотрит в трубу).

Они идут в атаку...

Офицер (на батарее).

Смирно!

Наступает тишина.

Багратион (глядя из-под руки в сторону приближающихся французов, одному из офицеров на батарее).

Скомандуй фитили зажечь!

Офицер (на батарее).

Готовься к залпу, канониры!

Второй офицер.

Так точно, к залпу!

Багратион (делая знак рукой).

Ну!

Офицер (на батарее).

Картечь!

Залп.

Багратион (Волконскому).

Они бегут?

Волконский.

Не видно, дым...

Стрелять ли?

Багратион.

Нет. Немного погодим,

Пока рассеется.

Столб огня. Багратион падает.

Волконский (подбегая).

Вы... живы?

Багратион (с трудом поднимаясь).

Пустяки...

Так... воздухом ударило немного...

Пусть... Воронцов теперь идет в штыки...

Волконский.

Но вы не ранены?

(Смотрит на него с недоверием.)

Багратион.

Напрасная тревога!

Полки... Они идут со штыками наперевес. Их ведет офицер с обнаженной саблей. Дробь барабана. Солдаты переходят через редут. Багратион обнажает оружие и отдает им честь. Волконский провожает солдат. На несколько секунд Багратион остается один. Волконский возвращается.

Солдаты.

Ура! Ура!!!

Волконский (показывая Багратиону на его ложины).

Откуда эта кровь?

Багратион.

Чужая, видимо... Не бойся... я... здоров...

(Старается отвлечь внимание Волконского.)

Кто этот генерал?

Волконский (глядя в трубу).

На левом фланге?

Багратион.

Правом,

Где ядра рвутся. Вон, перо его заметь:

Оно чернеет, словно траур...

Иль смерти ищет он, иль презирает смерть!

Волконский.

Вот этот генерал из армии Барклая?

Багратион.

Но я его при нем не замечал.

Держу пари, что сам Барклай не знает,

Кто этот храбрый генерал!

Волконский (смотрит в трубу).

Да это сам Барклай!

Багратион (выхватывает у него трубу).

Ты что-то перепутал!

Адъютант (вбегая).

Они пустили конницу вперед!

Багратион (не выпуская трубы).

Пусть Воронцов с пехотою к редутам,

Не принимая боя, отойдет!

А вы скачите к Дуке! Быстро!

Скажите, я его просил
Навстречу их кавалеристам
Немедля выслать кирасир.

Адъютант уходит.

Ну, князь, теперь в атаку ты иди!
Атака будет прежней посильнее...
Мне кажется... не маршала ли Нея
Средь атакующих я вижу впереди?
За этим маршалом идет большая слава.
Он зря оружием доселе не брядал.
Огонь!

За сценой команда:

Огонь!

Залп.

Багратион (*Волконскому*).

Смотрите! Браво!!
(*Аплодирует.*)

Волконский.

Кому? Французам?

Багратион.

Храбрецам!

О, как они прошли под нашею картечью!..
Чтобы достойно встретить храбрецов,
Волконский, к ним поторопись навстречу, —
Едва ли их один задержит Воронцов!

Волконский уходит. Ослабев от потери крови, Багратион медленно опускается на землю и лежит некоторое время один. Приближается барабанная дробь. Солдаты медленно отступают. Вновь появляются Волконский и адъютант. Солдаты заполняют сцену.

Адъютант.

Князь?

Волконский. Ваша светлость!

Адъютант.

Лекаря скорее!

Хотят унести Багратиона.

Багратион.

Где! Положите здесь меня... на батарее...
Перед солдатами моими на виду...
Нет! В час атаки я отсюда не уйду...
Я видывал солдат, бросающих редут,
Но ни один при мне не покидал знамена...
Поверьте, труп Багратиона
Они врагу не отдадут!

Адъютант.

Но кровью он исходит весь!..

Волконский.

Вас перевяжут, князь!

Адъютант.

Вам сразу станет легче...

Багратион.

Уйдите прочь! Пока я здесь,

Еще живут Семеновские флеш!

Синие мундиры французов появились на батарее. Французы закалывают канониров на орудиях. Несколько русских солдат бегут, но, видя спокойное поведение на батарее Багратиона, молча возвращаются и гибнут в яростной битве с французами.

Адъютант (*Багратиону*).

Они взошли на вал и батарею взяли.

Бессмысленно теряете вы кровь!

Багратион.

Уйдите, адъютант! Расстанемся друзьями.

(*Волконскому*.)

Волконский! Скидывай их в ров!

СЦЕНА 3

Те же, французский офицер.

Французский офицер (*на батарее*).

A bas les armes!

Волконский.

За мной, ребята!

Берите их в штыки!

Солдаты (*кидаются на французов*).

Ур-ра!..

Багратион.

Волконский! Так и умирать приятно...

Французов сбрасывают в ров.

Волконский (*Багратиону*).

Мы сбросили их в ров!

Багратион.

Видал. Давно пора.

Спасибо, князь... Спасибо, милый!.. Ну,

Не кончилась война, но кончил я войну...

(*Слабым голосом*.)

Несите в госпиталь... Нет! Стойте! Там на поле,

С пером на шляпе... генерал...

(*Волконскому*.)

Мы, помнишь, видели? Я сразу не узнал,
Что это был Барклай-де-Толли...
Я перед ним не прав... Я думал, он изменник...
Я так царю писал о нем...
Но видел я его сегодня под огнем...
Он храбр и честен... И никто не смеет
Так называть его! Не прав я перед ним...
Казался мне необъясним
Весь замысел такого отступления...
Изменником его назвал я потому...
Пусть адъютант мой передаст ему,
Что просят у него Багратиона прощенья...
Ах, жаль, Волконский. В Грузии ты не был...
Нет края солнечней... и родины милей...
О, если б мне еще хоть раз увидеть небо
Прекрасной родины моей!

Солдаты поднимают Багратиона на носилках, сложенных из ружей.

(Обводит глазами стоящих вокруг него солдат.)

Солдаты! Мы сражались вместе...

Мы сотни верст прошли в пороховом дыму...

Отдайте жизнь! Но родины и чести

Не отдавайте никому!

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Фили. Изба, в которой происходит совет русских генералов.

СЦЕНА 1

Кутузов, Барклай-де-Толли, Коновницын, Толь, Ермолов, Раевский, Волконский.

Ермолов (Кутузову).

Слышал я, что Москву мы отдаем без боя?

Кутузов.

Дай пульс пощупать. Что с тобою?

(Обращаясь к Барклаю-де-Толли.)

Как, Михаил Богданович, не знаю,

Вы полагаете, прошу мне дать ответ:

Сражение под Москвой проиграно ли нами

Наполеону или нет?

Барклай-де-Толли.

Что значит выигрыш сраженья?

Движение армии вперед!

А если следствием бывает отступление,
То надобно тогда считать наоборот.

Ку т у з о в.

Судьба сражения решается на поле,
А отступать ли, нет — решить нам должно здесь!
В том, что сказали вы, конечно, правда есть,
Но правда книжная, не боле.
Ну, господа, по малости начнем?
Уж больше часа ждем мы Беннигсена.

Е р м о л о в.

Он непременно, непременно, придет непременно.

Ку т у з о в.

Начнется без него, продолжится при нем.
Ты, Михаил Богданович, начини!

Барклай-де-Толли.

Я остаюсь при старом мнении,
Хоть мнение мое никто еще почти
Не разделил. Но твердо тем не менее
Я мыслю и сейчас, как мыслил до сих пор.
Нам надо отступать! У Воробьевых гор
Позиция для боя непригодна
Ввиду возможности обхода.
Я знаю сам, что древняя столица
Для сердца русского особенно близка.
Но я военный человек. Москва
Прежде всего есть для меня позиция.
Позиция неважная, увы!

Входит Беннигсен.

Я думаю, нам не спасти Москвы.
Без боя сдать столицу предлагаю
И на Калужскую дорогу отступить.

Ко нов ни цы н.

Москву отдав на поруганье,
Бежать?.. Нет, этому не быть!

Е р м о л о в.

Позвольте, господа! Как скажем, не годна
Сия позиция и вправду для защиты,
То почему не вспомнить нам тогда
Те наступленья, кои позабыты?..
Враг близко от Москвы? Ну что же! Я тем боле
Для духа наших войск поддержку в том признал.
Иль доблесть русская на Бородинском поле
Иссякла вся? Иль изменила нам?
Как не предвидеть нам последствия всего,

Коль отстоять столицы не удастся?
Не будет ли паденьем государства
Падение Москвы? Иль слабости его
Наглядно не покажет черни?
Что либералы скажут по прочтенье
Сей новости? Мир всколыхнется весь,
Прослышавши такую весть!
Как новость она в Европе отразится?
(Барклаю-де-Толли.)

Ты, Михаил Богданович, прости,
Хотя для нас Москва не больше, чем позиция,
Но для Европы — крепость всей Руси.
Вот в чем вопрос. У Воробьевых гор
Бой предлагаю дать, а нам — заняться планом..

Беннигсен.

Отдать Москву или нет? Я полагаю спор
Несвоевременным. И почитаю главным
Немедля план сраженья приготовить,
Чтоб отстоять Москву по мере наших сил.
Прекрасно Алексей Петрович
Здесь перед нами говорил.
Наполеон в обход отправил Богарнэ,
Оставшись с половиной войска.
Я думаю, всего верней
Припомнить нам блистательные свойства
Суворовских атак. По дальним местностям
Идет к нам в тыл французская колонна,
И сможем мы разбить французов по частям,
Коль атакуем центр Наполеона.
Вот план мой, господа.

Барклай-де-Толли. Для этого маневра
Нет офицеров.

Коновницын. Есть!

Барклай-де-Толли. Но много ли?

Беннигсен. На pewno!

В чем спор у нас? Их тысяч пятьдесят.

Их перевес за нами.

Барклай-де-Толли.

Боюсь, что десять тысяч не решат.

Ермолов.

Но мы зато деремся под стенами
Своей Москвы! А если это взвесить,
То будет перевес уже не тысяч в десять,
А в пятьдесят.

Жо нов ни цы н. Вот верные слова!

И то сказать: когда за русского спиною
Находится сама Москва,
Тут с арифметикой подходим мы иною!

То ль.

Но ежели Москву оставить суждено,
Нам поражением сочтут Бородино!

Барклай-де-Толли.

А сразу, ежели мы не закончим бой,
Поинц нам ударит в тыл? И нам поидется биться.
В тылу имея войско принца,
А Бонапарта — пред собой?

Беннигсен.

Успеем!

Раевский. Да, тому, кто сдаст Москву без боя,
Наверно, мужества понадобится вдвое
В сравнение с тем, кто проиграет бой:
Последний менее рискует головой.

Барклай-де-Толли.

Нам надо отступить!

Беннигсен.

А вы все вспять да вспять!

Навряд ли государь вам будет благодарен.

Кутузов.

Я властью, данной государем.
Приказываю — отступить!
Всей армией мы рисковать не в силе.
Россия — не одна Москва.
С потерей армии — погибла и Россия,
С потерей Москвы — она еще жива.
Последствия сего поступка
Приемлю на себя. Но вражеский поток,
Стремительно бегущий на восток,
Москва должна впитать, как губка,
И гибель учинить расстроенным войскам.
Когда б себе я выгоды искал.
Сказал бы, что Москва была еще в Смоленске
Для нас потеряна.

Барклай-де-Толли. Приводите не раз

Вы этот довод.

Кутузов.

Довод веский.

Мы на него не закрываем глаз.
Пройдя Москву, отступим на дорогу...
Рязанскую...

Барклай-де-Толли.

Но почему туда?

Калужская удобней много
Рязанской!

Кутузов. Вы свободны, господа!

Беннигсен.

Где ж остановимся?

Кутузов. Мое уж это дело.

Ермолов.

Не спрашивать могли бы смело:

С его ответов толку мало.

Князь даже спит на рукаве,

Чтобы подушка не узнала,

Что у него творится в голове.

Коновницын.

Но будет знать рукав.

Ермолов. Он это понимает

И сюртука в походе не снимает!

Барклай-де-Толли и генералы уходят. Следом идут Беннигсен и Ермолов, но задерживаются в дверях. Толь, Раевский и Кутузов склоняются над картой.

Беннигсен (Ермолову).

Никак не думал я, что старая лисица

Рискнет с Барклаем согласиться!

Для полководца не умно

С Барклаем действовать сегодня заодно.

Нет худа без добра,— терпенье сохраним.

Кто сдаст Москву, послушавшись Барклая,

Хотя его судьбы себе и не желая,

Ее разделит вместе с ним.

И надобно теперь для пользы дела вящей

Нам делать так, сдастся мне,

Чтобы они видалися почаше

Не тайно, но наедине.

Уходят.

СЦЕНА 2

Кутузов, Толь, Раевский, Волконский.

Толь.

Вы, ваша светлость, знаете ли точно,

Что на пути калужском весь

Фураж находится? Позвольте перевезти?

Ку ту з о в.

Полковник Толь! Запомни вот что:
Коль будет надобность, я сам
Тебе распоряжение дам.

Т о л ь.

Но будет поздно. Из Калуги
Легко ли весь фураж перевезти в Рязань?

Ку ту з о в.

Уж вот не в пору мне услуги!
Не делай ты того, что я не приказал!

Толь, Раевский уходит. Входит Беннигсен.

СЦЕНА 3

Ку ту з о в, Беннигсен, Волконский.

Ку ту з о в.

Зачем пришли?

Беннигсен.

Просил Барклай-де-Толли

Его принять.

Ку ту з о в.

Нет адъютантов, что ли,

Что вас прислал? Как при таких талантах

Быть у Барклая в адъютантах?

Совет сегодня был. Стар становлюсь я, стар...

Скажите, не могу принять его... устал.

Беннигсен.

Там офицеров много у крыльца,

Где ждет Барклай. От вашего лица

Удобно ль передать отказ ему при всех?

Ку ту з о в.

Что сделаешь? Устал. Стар стал я... Экой грех!

Вам где понять? Вы люди помоложе...

Я в ваши годы мог не спать по многу дней.

Скажите уж при всех, что не могу. Негоже

Скрывать мне старости моей.

Беннигсен уходит.

(Волконскому.)

Ты, князь, себе поставь на вид:

Что, кто бы ни пришел, хоть завтра, хоть сегодня,

Всем отвечать — фельдмаршал спит.

Волконский (почтительно).

Как долго будет сон?

Ку ту з о в.

На то уж власть господня!

Волконский уходит.

Кутузов.

Победа иль Москва? Пред родиной моей
 Мне должно быть теперь в ответе
 За то, что я Москвой пожертвовал победе...
 А есть ли жертва тяжелей?
 Того, что совершил, и сам не обниму.
 Простит ли войско мне? Или в такую пору,
 В нем потеряв последнюю опору,
 Досталось быть мне одному?
 Как покажусь войскам, безмолвие и грусть
 Встречая в их рядах? Как прежде иль с опаской?
 Не рано ли для ненависти царской
 Я обнажил слабеющую грудь?
 Поверят ли войска, узнавши о потере,
 Падение Москвы увидев наяву,
 Что именно затем и отдал я Москву,
 Что обмануть народного доверья
 Не захотел? Поверят или нет?
 Как поведу полки, их помыслов не зная?
 Ужель мои войска готовят мне в ответ
 Судьбу несчастного Барклая?..
 И где ж им знать, что в злобе исступленной,
 Радея о моем конце,
 Соединились царские шпионы
 С английскими в одном лице?
 Сдружить хотят меня с Барклаем...
 Легко дознаться, для чего!
 Чтоб камень, пущенный в него,
 Еще в меня попал бы краем!
 Не гнул я головы пред пулею прямою,
 Направленной в лицо... Когда ж со всех сторон
 И недруг за спиной и враг передо мною!
 Багратион!.. Багратион!..
 Зачем, как юноша, впервые ног в стоемя
 Ослепивший, ты искал в сражении огня?
 Как справлюсь я один со всеми,
 Когда врагов — как мыслей у меня?!

Занавес

АКТ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Москва. Кремль. Покой царей московских. В окнах стрельчатые башни Кремля. Обгорелые ветки деревьев склоняются к рамам. На полу отблески далекого зарева. Бледные лучи августовского солнца освещают мрачную, обугленную башню, повисшую над окном.

СЦЕНА 1

Наполеон I, Дарю.

Дарю.

Ваше величество, в приемной ждут актеры
Французского театра.

Наполеон I.

Хорошо.

Дарю.

Что передать им?

Наполеон I.

Ничего. Я скоро

К ним выйду. Что произошло

За эту ночь, Дарю?

Дарю.

Пожаров не унять,

В двенадцать часов утра крайне строго

Двенадцать русских за поджоги

Вчера расстреляны опять.

Наполеон I.

Что с продовольствием?

Дарю.

Нужда большая в войске.

Сегодня был торговый день,

Однако ни одной повозки

На рынке не было из ближних деревень.

Наполеон I.

Чем объясняете вы эту неудачу?

Дарю.

Боязнью грабежей.

Наполеон I.

К нам должен был прийти
Хлеб из Смоленска?

Дарю.

Да. Но наш обоз захвачен

Два дня тому назад в пути.

Наполеон I.

В тылу есть русские?

Дарю.

Отряд

Какого-то Давыдова Дениса.

Наполеон I.

Кто он?

Дарю.

Не знаю. Говорят,

Гусар или казак... Приказ уже подписан,

Что мы даем за голову его

Пять тысяч.

Наполеон I.

Мало. Дайте десять.

Сейчас для нас важней всего

Спокойный тыл. Поймаете — повесить!

Где русские?

Дарю.

В Тарутине.

Наполеон I.

Не очень

Я верю этому. От Воробьевых гор

Кутузов двинулся к Рязани, между прочим,

Но, ожиданьям всем наперекор,

Он очутился около Калуги...

Не только сведения об этом — даже слухи

К нам не дошли. Когда же вдруг

Москву он обошел вокруг,

Мы русских на три дня из виду потеряли...

Дарю.

Я сведения имел от одного лица,

Что даже русские не знали генералы

Об этом маюше

Наполеон I.

Старая лиса!

Его по всем окрестностям искали

Вокруг Москвы в течение трех дней.

Недоставало мне найти его с войсками

В тылу у армии моей!

Еще что нового?

Дарю.

Вчера убил баварца

Один гвардеец наш. Происходил грабеж...

Наполеон I.

Гвардеец! Кто?

Дарю.

Рембо.

Наполеон I.

Ага, Рембо!.. И что ж?

Он схвачен?

Дарю.

Да. Но трудно разобраться,
Кто прав... Был у меня немецкий генерал,
И для Рембо он требовал расстрела.

Наполеон I.

Ах вот как?

Дарю.

Да. Но то, что я слышал,
Значительно меняет дело.
Ваше величество, когда сменилась рота,
В которой был Рембо, на улице вчера
Увидел он, что грабили кого-то
Возле какого-то двора.
Вокруг грабителей толпа собралась вскоре,
Рембо остановить пытался их, но в споре
Одним баварцем был он оскорблен
В своей национальной чести.
Рембо убил его, за что охраной он
И был задержан с грабившими вместе.
При этом он сказал: «Баварцам и полякам
Здесь нечего терять». Что весь грабеж возник
По их почину в городе, однако
Позор ложится не на них,
А на французов. Если б с грабежами
Боролись мы, крестьяне б не бежали
Тогда от нас. И, думается мне,
Здесь даже зимовать могли бы мы вполне.

Наполеон I.

Итак, Дарю, есть два решения:
Одно из них — раскрепостить крестьян
По нами занятым в России областям
И этим прекратить народное движение
По нашим флангам и тылам,
Столь угрожающее нам.
Когда народ окажется со мною,
Мы будем угрожать народною войною!
Рембо пожаловать капралом,
В приказе написав, что мы считаем правым
Его за то, что он, противясь грабежам,
С оружием в руках баварцев удержал,

И вывесить приказ на русском языке
От мест, где грабили они, не遠деке.

Д а р ю.

Вот этот замысел чудесен!

Н а п о л е о н I.

Не торопитесь. Прежде взвесим.

Д а р ю.

Так действовали вы в Италии когда-то.

Н а п о л е о н I.

С тех пор, Дарю, я старше стал.

И может ли себе позволить император
Все то, что мог себе позволить генерал?

Д а р ю.

Но вас любил народ!

Н а п о л е о н I.

Любовь народа — нечто
Переходящее... Уйдет... вернется вновь...
Его любовь недолговечна,
Почти как всякая любовь.

Д а р ю.

Но лучше же любовь, чем злоба?

Н а п о л е о н I.

Страх перед сильным умирят злость.
А если короля народ считает добрым,
То царствование плохо удалось!
Освобождать народ, искать любой ценою
Его любви себе я позволял...
Но позже действовал политикой инойю.
Народ — плохой союзник королям!
Он — словно глупый зверь! Случалось видеть мне,
Как он монархов рвет на части,
А в это время по его спине
Другие короли приходят к той же власти.
Недолго может быть вакантным это место!

Д а р ю.

Ваше величество, я верить вам готов
Тем более что вам на опыте известна
Вся справедливость ваших слов.

Н а п о л е о н I.

Порой мне кажется, Дарю:
Я много воли вам даю!
И есть решение другое:
Приняв его, — наоборот,
Чтоб в состояние покоя
Немедля привести народ,
Не лаской действовать, но страхом.

Карая каждого за каждую вину,
Ведя как следует войну
Монарху одному вести с другим монархом!
Рембо приговорить к расстрелу,
Чтоб по незначающему делу
Не раздувать в союзниках вражду,
Поскольку мы имеем в них нужду.

Д а р ю.

Но если правит страх людьми, как вы сказали,
То, расстреляв Рембо, едва ли
Мы этим немцев устроим.
Скорее перед лицом события
Мы нашу слабость обнаружим им...

Н а п о л е о н I.

Но я не все сказал...

Д а р ю.

Простите.

Н а п о л е о н I.

Чтоб в городе унять разбой,
Насилья, столкновенья, кражи,
Я полагал, само собой,
Мы расстреляем немцев также!

Входит Лористон. Он крайне возбужден.

Л о р и с т о н.

Ваше величество!.. Простите...

Н а п о л е о н I.

Что случилось?

Л о р и с т о н.

О, вещи странные творятся на земле!
В Париже генерал Мале
Устроил заговор!

Н а п о л е о н I.

Вам это не приснилось?

Л о р и с т о н.

Я слишком мало сплю, чтоб мне могло присниться.

(Передает Наполеону письмо.)

Н а п о л е о н I *(читает)*.

Но генерал Мале?!

Л о р и с т о н.

Он захватил Париж

На сутки целые, как видите... и лишь

Наутро схвачен был и заключен в темницу.

Н а п о л е о н I *(овладев собой и пытаясь улыбнуться)*.

Так он в тюрьме! Тогда, мой друг,

Идите выпитесь. А это все пустое...

Лористон уходит. Наполеон медленно опускается в кресло.

Дарю.

Ваше величество! Какое же из двух
Решенье примете?

Наполеон I. Второе.

Нам нужен мир. Поймите сами,
Что зимовать нам здесь нельзя.
На западе мои «друзья»
Лишь часа ждут, чтоб стать врагами.
Не до крестьян российских нам сейчас:
Пусть как-нибудь обходятся без нас.

Дарю.

Мне жаль Рембо.

Наполеон (поднимаясь).

Рембо? Мне тоже,

Но мир и Франция дороже.

(Уходит.)

Дарю садится за стол, пишет. Входят Бессьер, Мюрат, Ней.

СЦЕНА 2

Дарю, Бессьер, Мюрат, Ней.

Бессьер.

Где император, граф?

Дарю.

К актерам вышел.

Бессьер.

Что же,

Они сыграют нам комедию?

Дарю.

Похоже.

Я к ней пишу пролог.

Бессьер (заглядывая через плечо Дарю).

Что это? Приговор!

Всех поджигателей, как видно, до сих пор

Не расстреляли?

Дарю.

Нет. Послушайте, Бессьер!

Гвардейца вашего приговорили к смерти.

Бессьер.

Кого?

Дарю.

Рембо.

Бессьер.

Да полно, граф, не смейте

Смеяться надо мной! Мой лучший гренадер..

Что сделал он?

Дарю.

Убил баварца.

Мюрат.

Я благодарность бы ему

За это объявил.

Ней. Союзников бояться
Его величество изволит.

Бессьер. Что ж, в тюрьму
Рембо посажен?

Дарю. Да.

Ней. Отдайте мне его.

Мюрат. Постойте, Ней! Мы земляки с Бессьером.
Он мне отдаст гвардейца своего.

Ней. Я с этой просьбой обратился первым.

Мюрат. Зато я на себя согласен взять весь риск
Пред императором. А вы его возьмете?

Ней. Но если бы он был кавалерист,
Он был бы нужен вам. Но ведь Рембо в пехоте!

Мюрат. Э, бросьте спорить, Ней! Француз, убивший немца.
Уж этим самым — на коне!
(Бессьеру.)
Отдайте мне его!

Ней. Бессьер, отдайте мне!

Дарю. Позвольте, господа, но спорить неуместно:
Рембо сегодня ждет расстрел.

Ней. Ну, мало ли что ждет!.. Ведь он пока что цел?

Дарю. Его величество настроен очень твердо.

Бессьер. Ну, обойдется как-нибудь.
Гасконцы, дорогой, обманывали черта,
А императора сумеют обмануть!

Мюрат. Поверьте, граф, когда нас трое
И с нами заодно еще каналья Ней,
То императора надуть нам не трудно.
Чем выпить за его здоровье!

Бессьер (кричит в двери).
Эй! Привести Рембо!

Маршалы шутливо выталкивают Дарю.

Мюрат. Вы мне его дадите?
Не правда ли, Бессьер?

Бессьер. По чести, был бы рад,
Но первым Ней просил, а вы мне друг, Мюрат.
Чтоб на меня вы не были в обиде,
Пусть выберет Рембо. Да вот и сам он, впрочем.

Дежурный офицер вводит Рембо и сразу же уходит.

(Рембо.)

Тобою недоволен очень
Его величество. Мой друг,
Ты просто разучился драться:
Убил ты одного баварца,
А мог убить с успехом двух!
За это он тебя приговорил к расстрелу.

Рембо.

Мой маршал... Нет...

Бессьер. Ты мне не веришь? Как?

Рембо.

Пока на приговор свой сам не посмотрел я,
Не верю, нет.

Бессьер (передавая ему приговор).

Он у тебя в руках.

Рембо (читает, после паузы).

Мой маршал!.. Как он смог? Я двадцать лет к победам
Шел вместе с ним. В Каир... Неаполь... Рим...
Мой маршал!.. Двадцать лет я как слепой шел следом
За императором моим...
Мой маршал... Это вы?.. Мой маршал!.. Не во сне я?
Когда б оружие вернули мне назад,
За императора оно бы покраснело
И ржавчиной покрылось на глазах
У вас, мой маршал... Верить я не смею...
Еще когда он был всего лишь генерал,
Я отдал жизнь ему... Но думал ли я, знал,
Чтоб смог он так воспользоваться ею?

Мюрат.

Не плачь, Рембо, и сердцем не болей:
Мы выручим тебя.

Мюрат.

Ты должен бы сдержаться

На женщин и на королей
Не принято, мой мальчик, обижаться!

Бессьер (кричит в дверь).

Пускай сюда войдет дежурный офицер!
(Маршалам.)

За дело, господа! Довольно разговоров!

Входит дежурный офицер.

В тюрьме есть несколько баварцев-мародеров
Введите одного.

Дежурный офицер уходит.

Мюрат. Зачем тебе, Бессьер?

Бессьер.

Так... для одной веселой шутки.

(К Рембо.)

Гасконец никогда не плачет от обид
И в жизнь не верит только через сутки
После того, как он убит.

Мюрат.

Вот верные слова!

Бессьер (к Рембо). А ты по крайней мере
Лет сорок проживешь. Ведь ты еще не стар.

Рембо.

Мой маршал!.. В жизнь я, может быть, и верю,
Но императору я верить перестал.

Дежурный офицер вводит баварца и уходит. Бессьер выталки-
вает Рембо в соседнюю комнату.

Бессьер.

Баварец?

Баварец. Да...

Бессьер. Ты очень храбрый парень!

Заботясь о твоей судьбе,

Решил я в гвардию к себе

Тебя устроить.

Баварец. Очень благодарен.

Бессьер.

А как тебя зовут?

Баварец. Карл-Отто-Эрих Шпак.

Бессьер.

Н-да!.. Длинно несколько... У нас бывает так:

Вступая в гвардию, вступающий обычно

Меняет имя, чтобы нам

Вас было легче звать по именам.

А имена даю я лично.

Вот, например... «Рембо». Не правда ли, красиво?

Баварец.

О!.. Очень хорошо!

Бессьер. Согласен?

Баварец. Да, спасибо.

Бессьер (зовет).

Дежурный офицер!

Мюрат (Нсю). И в юности так точно
Бессьер любил шутить. Недаром мы друзья.

Входит дежурный офицер.

Бессьер (дежурному офицеру).

Возьмите-ка Рембо и выполните то, что
Здесь сказано.

(Передает ему приговор.)

Дежурный офицер (читая приговор, ищет глазами Рембо).

Рембо!

Баварец.

Дежурный офицер.

Рембо? О, это я!

Как, это ты — Рембо?

Баварец.

Да, это я!

Дежурный офицер.

Занятно!..

Как? Этот мародер — и вдруг такой герой?

Бессьер (смеясь).

Награбленное все он возвратил обратно!

Дежурный офицер (с понимающей улыбкой).

Ну, если так, пойдем!

(Уводит Баварца.)

Мюрат (Бессьеру).

И до чего порой

Везет же перед смертью людям!

Хоть случай нынешний обсудим:

Ведь мародером был, а ныне он гвардеец!

В рай попадет еще, боюсь...

Всю жизнь, бедняга, жил как немец,

Но умирает как француз!

Ней.

А наш дежурный офицер:

Мне кажется смысленным малым.

Когда останется он цел,

Я думаю, он станет генералом!

Бессьер (вводит Рембо).

Ну, дорогой Рембо! К Мюрату или к Неоу

Иди в войска. Здесь быть тебе нельзя.

Ты можешь так легко попасть на глаза

Его величеству. Я рисковать не смею

Подобным образом.

Рембо.

Я понимаю, маршал.

Но, тронутый поступком вашим,

Еще о большем вас молю:

Позвольте мне идти во Францию мою.

За эти пять минут я много передумал...

И хоть рука моя еще и не слаба,
Для императора я — умер...
И мне служить ему уж больше не судьба.
Верните шпагу мне, гвардейский мой мундир...
Прошу вас мне его оставить:
Я с императором ходил
В нем двадцать лет. Я сохраню на память
Его себе.

Бессьер. Останься, мой совет.
Сам передумаешь ты.

Рембо. Нет.

Бессьер.
Ну, если так, ступай!

Рембо делает шаг к Бессьеру, чтобы поблагодарить его, но в этот момент
входит Дарю.

Дарю. Сейчас войдет сюда
Его величество.

Бессьер (*подталкивает к двери Рембо*).
Успеем, не беда...

Бессьер, Мюрат, Ней и Рембо уходят. Остается один Дарю.
Входит Наполеон I.

СЦЕНА 3

Наполеон I, Дарю.

Дарю. Ваше величество желаете один
Остаться здесь? Я вам не нужен больше?

Наполеон I.
Идите, граф, к себе. Я позову вас позже,
Скажите, чтоб ко мне никто не заходил.

Дарю кланяется и уходит.

(*Берет книгу, но почти сразу же отбрасывает ее.*)

Не будет мира, нет! Мир превратился в призрак!

Нельзя действовать! Но как?

Тот, кто бездействует, находится в руках

У обстоятельств, глупых и капризных.

Просить у русских мира? Но пока

Я им не проиграл ни одного сраженья...

Нелепость! Глупость! Чепуха!

Какое дикое, смешное положение!..

Занять Москву, ждать просьб о мире,

А торжествует, наконец,
Кто? — Александр. Ничтожество! Глупец!
Гризетка! Барышня в мундире!
А именно сейчас, быть может, вместе с войском
В Европе быть необходимо мне.
В проклятом пламени московском —
Свою империю в огне.
Казалось, видел я... Игра воображенья?
Или сомненья старости уже,
Найдя приют в моей душе,
Хотят, чтоб я нашел в победе поражение?
Мир нужен скорый! Как тосканы
Бездействия томительные дни!..
Но русские?.. О азиаты, скифы!..
Как сжечь Москву осмелились они,
Священный город, где покоятся их деды?..
Однако мира нет. На мир надежда — миф.
Но как уйти отсюда, сохранив
Хотя бы видимость победы?..
Мир нужен мне!

(Бьет в ладоши.)

Эй, кто-нибудь! Войдите!

Входит Д а р ю.

Пусть Лористон придет. Я буду у себя.

Д а р ю уходит.

(Садится, пишет.)

О мире просит победитель
В столице, взятой им!.. Насмешлива судьба...

Входит Лористон.

Лористон.

Ваше величество, простите...

Наполеон I.

Вот что, граф.

Я вас позвал, послом своим избрав

К Кутузову. Старик весьма хитер

лю тем или иным путем

Вы сделаете так, чтоб русский император

Мое письмо скорее получил.

(Пишет письмо.)

Лористон.

Я поручение подобное приятным

Боюсь назвать.

Наполеон I. Не вижу я причин
Вам думать так. Мне нужен мир.

(Дает ему письмо.)

И если русские не знают наших правил, —
Что мира просит тот, столицу кто оставил
Войскам противника, — придется нам самим
Напомнить, что давно пора
Заслать ко мне послов от русского двора.
Когда начнете разговор о мире,
Не бойтесь уступать. Во всем идите шире
Навстречу русским. Армия устала,
В походе ей пришлось немало перенести.
Мир... Мир во что бы то ни стало!
Отдайте все, спасайте только честь!!

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Тарутинский лагерь. Горница богатой избы. Полдень. Кутузов в рас-
стегнутом сюртуке.

СЦЕНА I

Кутузов, Беннигсен.

Беннигсен.

Я, ваша светлость, изготавил план
Ночной атаки на Мюрата.
Весьма победа вероятна,
Коль авангард французский пополам
Удастся нам рассечь иль окружить кольцом.
В том трудность, думаю я, будет небольшая...

Входит сэр Роберт Вильсон.

Вильсон.

Простите, я не помешал?

Кутузов.

Как вы знаете, сэр Роберт Вильсон!

Французов Беннигсен сейчас

Мне предложил атаковать.

Вильсон.

Прекрасно.

Кутузов.

Дивлюсь я, сэр Роберт, сколь часто
Согласны мнения у вас.
Назад тому два дня уж вы атаковали
Мюрата, помнится... Он обратился вспять

И укрепился вновь. Я думаю, едва ли
Атаковать его имеет смысл опять.

Беннигсен.

Не ожидал я, князь, чтоб думали вы так!

Кутузов.

Не думал я о сем. Дел прочих целый ворох...
(Уходит.)

Беннигсен. (Вильсону).

Я думаю, что время для атак,
Фельдмаршал думает, что для переговоров.

Вильсон.

Их допускать нельзя. Я, генерал, встревожен:
Французского посла он принимать не должен.

Беннигсен.

Им помешать теперь мы опоздали, но
Есть, сэр, зато у нас прекраснейшая новость!
Кутузов так во всем с Барклаем заодно.
Что штаб кутузовский приведен мной в готовность
Ко взрыву, сэр! Столь ненависть к Барклаю
Тут велика, что считанные дни
Ему осталось, сэр, здесь быть. Предполагаю,
Что не удержатся с Кутузовым они.
Боюсь лишь одного: к Барклаю отношение
Столь нетерпимое и так на всех он зол,
Что как бы вдруг он в отпуск не ушел
И тем Кутузову не спас бы положение.
Вдвоем с Барклаем им в вину зачтут пустяк,
А одному Кутузову — простят!

Входит Кутузов. Сюртук на нем застегнут. Он, видимо, готов кого-то
принять.

(Кутузову.)

К нам должен быть сегодня Лористон?

Кутузов.

Жду вскорости его сюда я.

Беннигсен.

Приехал ли его визит для государя?

Я, ваша светлость, сомневаюсь в том.

Кутузов.

Мне, царскому слуге, всегда возможно разве
Угодное царю знать точно наперед?

О сем его я извещу с оказьей,

А государь ответит в свой черед.

Беннигсен.

Затишье долгое внушает беспокойство.

Вильсон.

Красива местность здесь. Я часто по утрам
Прогулки делаю. Вы мне сказали, войска
У вас ста тысяч нет. Но, судя по кострам,
Есть двести тысяч тут.

Кутузов (смеясь).

Дежурный офицер

Хороший у меня.

Вильсон.

Простите, ваша светлость!..

Кутузов.

Простите вы меня. Запомню, сэр,
Об этих кострах поставить вас в известность
Уж ежели чего другого нет у нас-то,
Но в досталь хвороста, соломы да травы...
Коль двести тысяч войск здесь увидали вы,
Так уж не менее чем тысяч полтораста
Увидит Лористон. А мы зажгли костры
Для Лористона, сэр. Сколь хитрости просты,
Но, вижу, действуют. Простите, ваш слуга,
Я вас опередить забыл сегодня утром,
Хотел попутать-то врага,
Ан, глядь, союзника попутал.

Вильсон.

О!.. Остроумно!..

Беннигсен.

Значит, Лористона

Вы нынче примете?

Кутузов.

Не вижу в том я зла:

Вниманья вашего достойно

Услышать речь французского посла.

Беннигсен.

Атаку вы отложите, однако?

Кутузов.

Коль будет надобность, то будет и атака.

Тем более что вами дан

Еще в подробностях не совершенный план.

Беннигсен.

В нем все размечено — и действия и местность!

Входит дежурный офицер

Дежурный офицер.

Граф Лористон к вам, ваша светлость!

Вильсон и Беннигсен садятся, готовясь присутствовать при свидании Кутузова с Лористоном.

Кутузов (Вильсону).

Прошу я, сэр, простить великодушно мне:

На сем свидании вам быть вполне пристойно,

Но от поспешности я графа Лористона
Пообещал принять наедине.

Беннигсен и Вильсон, недовольные, уходят. Входит Лористон.

СЦЕНА 2

Кутузов, Лористон.

Лористон.

О ваша светлость, видеть вас
Рад в добром здравии! Скажу вам без прикрас:
Страдно налюбоваться столь юношеский дух
В столь почитаемые лета.
Так редко видишь сочетание двух
Подобных качеств. Не примите это
За комплимент. Но, правды не тая,
Я искренним исполнен восхищеньем.

Кутузов.

Садитесь, граф. Чему обязан я
Столь незаслуженно приятным посещеньем?

Лористон.

Поверьте, князь, что даже в час войны
Мы самой искренней симпатией полны
К народу русскому.

Кутузов.

Весьма то слышать рад.

Лористон.

К чему же спор тогда нам продолжать оружием?

Кутузов.

Однако я скорблю, что граф не обнаружил
Такой симпатии три месяца назад.

Лористон.

Но, ваша светлость, император мой
Ведет войну по-рыцарски, считая,
Что может генеральный бой
Решить кампанию. Но ведь для вас не тайна —
Неистовство крестьян и зверства разной черни!
Нам не всегда возможно их унять.
Его величество просил вам передать,
Что было б вам и нам большое облегченье,
Когда бы свой народ смирить бы вы смогли.

Кутузов.

Не властен, граф, я усмирять стихии.
Давно уж на полях своей родной земли
Не видывал народ России
Войск неприятельских. Не кровью пропитал
Со времени нашествия татар,

Но потом пахаря народ родную землю!
И я упреку, граф, подобному не внемлю.
Надеюсь я, войска относятся к врагу,
Как должно им. Но сердце патриота
Я из груди у вас исторгнуть не могу, —
Смогу ли усмирить я ненависть народа,
В домах своих узревшего врага,
На той земле, что сердцу дорога?

Пауза.

Лористон

Его величество французский император
Письмо российскому монарху написал.
С великим счастьем его вручил бы сам,
Но полагаю я не менее приятным
Прибегнуть к вашей помощи.

(Передает письмо.)

Кутузов.

Его

Я нынче отошлю.

Лористон.

Я думаю: всего

Оно б скорей дошло до места,
Когда бы не было объезда.
Но на пути лежит Москва.
Согласны пропустить французские войска
Гонца с письмом. Однакож до ответа —
Дней за десять его возможно получить —
Мы перемирие согласны заключить.

Кутузов.

Я, к сожалению, на это
Не полномочен, граф. Касательно ж письма,
То и с объездом вскорости весьма
Мой адъютант свезет его.

Лористон.

Однако

Фельдъегерь, думаю, доставил бы скорей?

Кутузов.

С бумагами, столь важными, к монархам
Не посылают, граф, фельдъегерей.

Лористон.

Прощайте, ваша светлость. С вами,
Возможно ль выразить словами,
Сколь встрече был я рад?

Кутузов.

Вполне взаимно, граф!

Его величество мне сделал честь, прислав
Посла столь тонкого, что я такое мнение
Перед лицом его напрасно бы скрывал.

Лористон.

Примите, ваша светлость, заверенья
В моей почтительности к вам.
(Уходит.)

Входит дежурный офицер. Темнеет.

СЦЕНА 3

Кутузов, дежурный офицер.

Кутузов.

Граф Смаровский здесь да граф Орлов?

Дежурный офицер.

Так точно.

Кутузов.

Поди и передай им вот что:
Пускай возьмут по два полка
Да, обойдя Москву издалека,
Зайдут французам в тыл. Да коль найдут крестьян
У них в тылу, по разным местностям,
К войне охочих, пусть помогут им
Оружьем или чем другим.
Сражений затевать и прочих громких дел,
Скажи им, настрого Кутузов не велел.
А, мол, обозы брать крестьянам подсобите, —
Французам в том погибель вся.
Уж коли Лористон так на крестьян в обиде,
Нам, думаю, на них в обиде быть нельзя!
Волконскому велишь зайти ко мне сюда,
А прочих не пускай. Им скажешь, как всегда:
Фельдмаршал спит.

Дежурный офицер зажигает свечи и уходит.

(Склоняется над картой.)

Французский тыл далеко...

Не знаю в точности, что там произошло,
Но то, что для французам плохо,
Для нас — отменно хорошо.

Входит Волконский.

Волконский.

Вы звали, князь, меня?

Кутузов.

Да. Вот что, князь Волконский:
Как лошадь у тебя, скажи-ка? Хороша ль?

Волконский.

Нет, ваша светлость, лучшей в войске.
Седлать ли?

Ку т у з о в. Нет, такую лошадь жаль!

Сие письмо царю свезешь.

(Передает письмо Ларистона.)

Да и мое возьмешь к тому же.

А ежели твой конь так, говоришь, хорош,

Так из обоза выберешь похуже.

Да время не жалея, а лошадь пощади:

Еще сгодится впереди.

Понятно ли тебе, чего хочу?

В о л к о н с к и й

Понятно.

А гнать ли лошадь, едучи обратно?

К у т у з о в.

От императора, скажу тебе по чести,

Я для себя хорошей вести

Не ожидаю, князь. А что ж дурную весть

Особо торопиться везть?

Ну, князь, ступай! Счастливый путь!

Да об коне заботу не забудь!

Волконский уходит. Кутузов срывает с календаря лист с цифрой «1 сентября». Свет гаснет. Через минуту луч рассвета падает на календарь, освещая новое число — «2 сентября».

СЦЕНА 4

Беннигсен, Барклай-де-Толли.

Беннигсен.

Как, Михаил Богданович, такое

Решение понять? Сейчас, в разгар войны,

Когда все планы ваши, коих

Создатель вы один, в дела претворены,

Вдруг удалиться вам?

Б а р к л а й - д е - Т о л л и.

Пора мне на покой.

Беннигсен.

Не вижу смысла я в решимости такой.

Безмысленно ль выразить словами,

Сколь тяжело быть вам в стороне?

Вы это поле засевали,

А жать пришел другой...

Б а р к л а й - д е - Т о л л и.

Все надоело мне —

Усмешки скрытые, интриги, подозренья...

Бежать ото всего хотелось бы скорее!

Что там, то здесь. Старик лукавый

Сумел меня и здесь от дела отдалить.

Он и моей, как видно, славы
Ни с кем не хочет разделить.

Беннигсен.

Зашли б ко мне. Забыли старика.
Моя изба отсель недалеко.
А у меня в беседах откровенных
Решение свое переменял бы вмиг.

Барклай-де-Толли.

Не знаю, создан ли для подвигов военных
Я, Беннигсен, но знаю, для интриг
Не создан я. Сокроюсь в тень, пока
Окончит он один, что начали мы вместе.
Моя обида глубока,
Но в ней не потоплю я чести.
Все изменяется — и жизнь и поколения...
Что мы сегодня втаптываем в грязь,
То завтра пробуждает в нас
Любовь к себе и слезы сожаленья.

Входит Кутузов. Беннигсен уходит.

СЦЕНА 5

Кутузов, Барклай-де-Толли.

Кутузов (*читая поданную ему Барклаем бумагу*).

Ты просишь отпуска? Изволь.
Что так решил?

Барклай-де-Толли. Болезни подкосили.

Кутузов.

Досадно мне, что воин, храбрый столь,
Своей болезни превозмочь не в силе.
Ты помнишь ли в Филях наш разговор с тобою?
Когда я спрашивал: сражение под Москвою,
Как полагаешь ты, проиграно или нет? —
Ты помнишь. дал какой ответ?

Барклай-де-Толли.

Да, помню. Я сказал: сражение,
Последствием коего бывает отступление,
Проиграно.

Кутузов. Мы отступили?..

Барклай-де-Толли. Да.

Кутузов.

Как ныне думаешь?

Барклай-де-Толли. Равно, как и тогда.

Кутузов (*подписывая бумагу*).

Ну, что же сделаешь? Тебе я отпуск дам.

Ты над собой хозяин сам.

Я удержать тебя и убедить не в силе.

Однако для себя запомни ты одно:

Сражение под Бородино

Не проиграли мы, хотя и отступили!

И это говорю себе не в утешенье,

Тебе довериться рискну —

Сражение сие дано не за Москву!

За дух российских войск я дал сие сражение!

И не был сломлен этот дух!

Он победил на Бородинском поле!

Так как же ты, Барклай-де-Толли,

Понять сего не можешь вдруг?!

Скажи, Барклай, что есть война

И чем решается она?

Позиций выбором? Удачею обхода?

Но ведь не все же в ней подвластно нам двоим.

Война — еще душа народа

В единстве с замыслом твоим!

Исполнясь гневом благородным,

Ты удаляешься, желая жить в тиши,

За то, что мысль твоя не понята народом.

А сам-то ты не смог постичь его души!

Войне три месяца... Ты быстрый...

Не месяцы, а жизнь... Проходит жизнь... пойми!

От часа зарождения мысли

До дня ее признания людьми!

Прощай, Барклай! Быть может, через год

Иль через десять лет, но верь — в моей отчизне

Твой мудрый замысел оценит весь народ,

Но чтоб народ понять — не всем хватает жизни!

(*Целует Барклай-де-Толли и отпускает его жестом. Некоторое время в раздумье ходит по горнице.*)

СЦЕНА 6

Кутузов, Раевский.

Кутузов.

Что у тебя?

Раевский.

Я вам принес подарок.

Кутузов.

Подарок? Хорошо. Хоть радость наконец!

Что это?

Раевский. Три подковы старых.

Кутузов.

Да что ты! Нешто я кузнец?

Раевский.

Не я дарю. Один казак

С французских лошадей снял эти три подковы

И вам прислал в подарок.

Кутузов

Та...

Подковы — к счастью. А что еще такого

Приметного у них?

Раевский.

Наверно, что-то есть.

Кутузов

А где казак?

Раевский. В передней, здесь.

Его позвать ли?

Кутузов.

Позови-ка!

Раевский на момент выходит и возвращается с казаком.

Подарок от тебя Раевский мне вручил.

Подарок не велик, гляжу, но поелику

Ты мне его прислал — должно, не без причин.

Казак.

Глядите, ваша светлость: кони

Подкованы-то как?

Кутузов.

Ну, как?

Казак.

Не на шипы.

Глядите, до чего глупы

Французы, ваша светлость! Коли,

Неровен час, ударят холода,

У них вся конница попадает тогда...

Мы наших-то коней перековали летось.

А поглядите, ваша светлость,

На их подковы-то!

(Смеется)

Кутузов.

И впрямь, гляжу — подковы

Негодны эти для зимы.

Возьми за каждую целковый!

(Дает ему деньги.)

Казак.

Спасибо, ваша светлость! Мы

Доставим тыщу штук, коль будет приказанье,

Сегодня к вечеру или того скорей!

Кутузов.

Нет, для сметливости твоей
Не хватит у меня, служивый, состоянья!
Ступай себе.

К а з а к уходит.

(Раевскому.)

Ишь, люди-то простые
Порой смекнут про то, что враз не разберет
И генерал! Хитер в России
На выдумку простой народ!

Вбегает Беннигсен. Он очень взволнован.

Что с вами, Беннигсен?
В атаке были, что ли?

Беннигсен.

Нет, не в атаке, князь. Я только не пойму,
Что происходит.

Кутузов. Что?

Беннигсен. Сейчас Барклай-де-Толли
Покинул армию!

Кутузов. Я отпуск дал ему.

Беннигсен.

Что скажет государь?

Кутузов. Ну, государь вдали.

Беннигсен.

Вы, ваша светлость, поступили смело:
Вы самовольно не могли
Барклая отпустить.

Кутузов. А вам-то что за дело?

Раевский.

Жаль... Славный генерал.

Кутузов. Не новость говоришь ты.
(Смотрит на Беннигсена.)

Сам знаю, что Барклай был поумнее трижды,
Им очень много. Так, видно, был судья,
Чтобы совсем остался я один.

Входят Ермолов и Коновницын.

Коновницын.

Барклай уехал, ваша светлость!

Кутузов.

Что из того?

Коновницын. Мы... будем наступать?

Ку ту з о в.

Что ж, нам Барклай мешал? Придумают нелепость.
Раз скажут — промолчишь, а н глядь — они опять!
Велите, Беннигсен, на наших аванпостах
Все стычки прекратить.

Беннигсен.

Что? Перемирье?

Ку ту з о в.

Нет.

Беннигсен.

А что же это, князь?

Ку ту з о в.

Распоряжение просто.

Ермолов.

Когда же действовать?

Ку ту з о в.

Не наступил момент.

Докладывали мне, что трое англичан,

И с ними сам Вильсон, частенько по ночам

С французскими дерутся патрулями.

Беннигсен.

Велите запретить?

Ку ту з о в.

Им запретить нельзя.

Они — союзники, друзья!

Но вы за ними впредь не ввязывайтесь сами...

Беннигсен.

Доколе ж нам терпеть, чтоб мужества урок

Преподавали нам в России англичане,

А у себя на родине кричали

О нашей трусости? Давно уж пробил срок

Нам действовать!

Ку ту з о в.

Не в службу, а в услугу

Прошу вас, Беннигсен: езжайте-ка в Калугу

Болезни полечить. Управимся мы тут.

Беннигсен.

Но чем я болен, князь?

Ку ту з о в.

В Калуге разберут!

Беннигсен.

Навряд ли государь одобрит сей приказ!

Ку ту з о в.

Его величеству здоровью Беннигсена

Не менее, я полагаю, ценно,

Чем мне, его слуге.

Беннигсен.

До скорой встречи, князь!
(Уходит.)

Ермолов.

Но больше месяца мы здесь стоим уже.

Ко новни цы н.

По войску ропот.

Кутузов.
Ермолов.

Ропщут штабы.

Стоянки долгие войскам не по душе.

Раевский.

Французский авангард атаковать хотя бы?..

Кутузов *(Раевскому с укоризной)*.

И ты к атаке клонишь речь?

А я войска хочу сберечь!

Война не кончена, — с кем будем гнать врага

С полей отечества за Неман и за Вислу?

Вам ваша слава дорога,

Вы ищете побед, а я ищу в них смысла!

Зачем атака? Что нам в ней?

В победах малых — мало утешенья.

Сколь мне ни важен выигрыш сраженья,

Но выигрыш войны мне все-таки важней.

К чему до времени нам трогать корсиканца?

Да нам бездействие французов, может статься,

Желаннее всего! Уже недели две

Ворон да крыс они едят в Москве!

Велик Наполеон! Стратег, политик ловкий.

Сравнится кто другой с ним, думаю, навряд.

А вот сидит в Кремле, как в мышеловке.

И хочется вперед, ан надобно назад!

А этак-то в Кремле он мечется пока,

Его войска идут на убыль.

А к нам то полк, то два полка

Подходят что ни день. Так, господа, не глупо ль

Атаки затевать?

Входит дежурный офицер.

Дежурный офицер. От партизан депеша!

Кутузов.

Зови сюда гонца, коль спешно.

Дежурный офицер уходит.

От партизан вестям я рад.

Они вестя с хорошими вестями

Входит гонец и вручает Кутузову пакет.

(Читает.)

Нас извещают... час тому назад...

Москва оставлена французскими войсками!

Кутузов крестится. На его глазах слезы. Генералы обнимают друг друга.

Вдали начинается колокольный звон.

Занавес

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Лес. Снег лежит на деревьях. Костры. У костра Давыдов и казачи-
сотник Бедряга.

СЦЕНА I

Давыдов, Бедряга.

Бедряга.

Где ж Бекетов-то? А?

Давыдов. Не говори о нем!

Навряд ли жив. Уж и не ждем.

Гонца французского я захватил с пакетом

Назад тому семь восемь дней.

Бригаде Ожеро в пакете том секретном

Приказ пересылал из штаба маршал Ней.

Ну, с Бекетовым мы приказ-то обсудили,

А я за Нея новый подписал.

Доставить же приказ в его, гонца, мундире

Французам Бекетов, как знаешь, взялся сам.

Что говорить — французы влипли,

Мы захватили в плен бригаду Ожеро

А Бекетов исчез... В плену ли он? Погиб ли?

Не знаю...

Бедряга. Жаль его!

Давыдов. И вспомнить тяжело!

Хороший друг! Гусар лихой

Был Бекетов Андрей! Запомни это имя...

Хотя и не любил покойник наш стихов

И нас, поэтов, вместе с ними!

Бедряга (берет ковш).

Что ж, выпьем за помин?

Давыдов.

За воинскую честь!

Бедряга.

За землю русскую! За близкий час победы!

Давыдов.

Чтоб схоронили мы Наполеона здесь,
Как Карла Шведского похоронили деды!

Пьют. Входит Фома.

Что нового, Фома?

Фома.

Да наш помещик продал

Хранцузам-то фураж да рожь.

Все рассовали по подводам

И со двора свезли.

Давыдов.

А ты, Фома, не врешь?

Фома.

Вот крест на том!

Давыдов.

Скажи, чтоб мужики

Связали сами вашего иуду

И привели сюда.

Фома.

Не, барин, я не буду, —

Вишь, дети у меня еще не велики.

Давыдов.

Да ты боишься, что ль?

Фома.

Оно не то чтоб так.

Да бар своих вязать не больно я мастак.

Давыдов.

Назад вернется он едва ли.

Фома.

Мы люди темные. Чего мы можем знать?

Вы отвоюетесь — и поминай как звали!

А барин мой, глядишь, и явится опять.

Ну, хорошо, продаст!.. А ежели на яшень

Подвесит за ноги да книзу головой?

Нет, я с хранцузом воевать согласен,

А с барином моим уж вы промеж собой

Воййте без меня.

(Отходит в сторону.)

Давыдов (Бедряге).

Ну что же, если так,

Пойдем с помещиком беседовать, казак!

Уходят.

Через минуту Настя вводит Бекетова. Бекетов во французском мундире. Руки его связаны.

Настя, Бекетов.

Бекетов.

Да развяжи меня! Я русский! Дура баба!
Все лезут бабы не в свои дела!

Настя.

Когда б я грамотна была бы,
Я всех бы вас разобрала!

(В нерешительности.)

И вроде русский ты и вроде нет... Беда!

Эх, развляу, а ты меня осалишь?

Нет, пусть уж сам Денис Васильич

В вас разберется!

Бекетов.

Ну зови его сюда!

Настя выходит. Вбегает Давыдов.

Давыдов.

Друг! Ёра! Бекетов Андрей!

(Целует его.)

Бекетов.

Ну, развяжи меня скорей!

Послушай-ка, Денис, — приструнить баб нельзя ли?

Ведь баба привела меня сюда! Скандал!

Вручил я твой приказ.

Давыдов (пытаясь развязать веревки).

Да, Ожеро мы взяли!

А я стихи какие написал!

Узлов-то на тебе понавязали столько,

Что не развяжешь.

Бекетов.

Саблей рассеки.

Давыдов (обнажает саблю и вдруг вкладывает ее обратно в ножны).

Андрюша! Знаешь что? Постой-ка!

Я раньше думаю прочесть тебе стихи.

Бекетов.

Ты спятил, что ли?

Давыдов.

Гдет, Андрюша!

Скажи по совести, любя:

Ведь ты моих стихов не согласишься слушать,

Когда я развяжу тебя?

Бекетов.

Конечно, нет! Я не такой осел!

Давыдов (доставая тетрадь со стихами).

Ну, видишь сам!

Бекетов. Нет! Ты с ума сошел!
Я голоден, устал... На свет смотреть противно!
Уволь меня, Денис, от этой чепухи...

Давыдов. Нет, я прочту тебе стихи,
А после развяжу и накормлю.

Бекетов. Скотина!

Давыдов (читает стихи).

«Довольно!.. я решен: люблю тебя... люблю.
Давно признания удобный миг ловлю,
И с уст трепещущих сказать это готово,
Но взглянешь ты — смущаюсь я,
И в сердце робкое скрываю от тебя
Все бытие мое вмещающее слово.
Бегу тебя... вотще!.. полна
Безумная душа тобою...».

Бекетов. Денис!

Давыдов. Ну как?

Бекетов. Помилуй! Надоел!

Давыдов. Ты слушай, не мешай.

Бекетов. Довольно! Перестань же!
(Видя, что Давыдов собирается продолжать.)
Я вызову тебя немедленно на дуэль!

Давыдов. Согласен!

Бекетов. Тотчас же!!

Давыдов. Нет. Дочитаю раньше.

Бекетов. А сколько строчек?

Давыдов. Строчек двести.

Бекетов. О будь ты проклят с ними вместе!!

Давыдов (читает).

«В мечтах бессонницы и в жарких грезах сна,
Неотразимая! ль всегда предвещает,
Прилично ль это мне? Прошла, прошла пора
Тревожным радостям и бурным наслаждениям;
Потухла в сумраке весны моей заря.
Напрасно предаюсь привычным заблуждениям,
Напрасно, — мне ль тебя любить?
Мне ль сердце юное к взаимности склонить?...»

Бекетов. Денис!..

Давыдов. Ну, что опять?

Бекетов. Ну, отпусти... не даром,
Я выкуп дал бы в случае таком...
Турецкий мой чубук...

Давыдов. Тот самый? С черенком?

Бекетов (со вздохом).

Тот самый! С черенком янтарным...

Давыдов.

Отдашь?

Бекетов. Отдам. Но к чему чтение это!

Давыдов.

Ну, пять минут еще! Ведь это пустяки!

Не можешь ты, Андрей, понять души поэта.

Кому-то должен я читать свои стихи?

Бекетов.

Кому-то, но не мне! Ну, пощади хоть малость!..

Не относись ко мне как к худшему врагу!..

Давыдов.

Да тут не много и осталось...

Бекетов.

Денис!..

Давыдов. Прости, но не могу!..

(Читает.)

«Могу ли позабыть наш тайный разговор?

Ты резвостью мила; но вздох, но томный взор,

Но что задумчивость твоя мне обещает?

Сказать ли все тебе? Уж в свете примечают,

Что ты не так резва, беспечна — и меня

Безмолвно слушаешь. Вчера рука твоя

Моей не покидала:

Она в руке моей горела, трепетала,

И ты глядела — на кого?

Глядела на меня — меня лишь одного...».

Бекетов (взмолвившись).

Денис!..

Давыдов. Молчи!

Бекетов. Мне ничего не жаль!

Я все тебе отдам беспрекословно:

Крест матери моей... дамаский мой кинжал...

Мой кубок золотой с орлом Наполеона!..

Что хочешь... все бери без счету...

Мой новый доломан... турецкий пистолет...

И душу на заклад, хоть шинкарю... хоть черту!..

Но отпусти...

Давыдов.

Ну, не могу я... Нет!

Ведь тут в стихах, пойми, моя душа раскрыта!

Не смеешь ты плевать в огонь моей души!

Я сам тебе отдам чубук мой из нефрита

И саблю с вензелем турецкого паши...

Мюрата золотую шпору!

(Она мне, кстати, и не впору.)

Мой конь, и тот — тебе!..

Бекетов.

Как? В яблоках?

Давыдов.

Нет... серый...

Мои прапрадедов два именишки коня!

И пояс маршала Бессьера!..

Но только, милый друг, дослушай до конца!

Бекетов.

Не выдержу, боюсь... дай мне глоток вина!

Не от веревок я — от рифм твоих недужен...

Давыдов (поит его вином из ковши).

Душа горит, Андрей! Душе читатель нужен...

А где найдешь его?.. Война!..

(Читает.)

«Я видел все. Да, я люблю тобою!

Как выражу восторг я сердца моего?

Теперь заранее нам должно меж собою...»

Вбегает Ваня; за ним Фома, Степан, Настя, казаки и крестьяне.

СЦЕНА 3

Давыдов, Бекетов, Ваня, Фома, Степан, Настя, казаки и крестьяне.

Ваня.

Денис Васильевич!

Давыдов (прерывая чтение).

Что, Ваня, не обоз ли?

Ваня.

Обоз! Обоз!

Давыдов (Бекетову, успокоительно).

Я дочитаю после.

(Ване.)

Обоз далеко ль?

Ваня.

Напрямик

Сюда идет.

Давыдов.

Пусть соберутся люди!

Конвой велик ли?

В а н я.

Ой, велик!..

Полк или два — не меньше буде.

Д а в ы д о в.

Велик и вправду. Нам одним
Не справиться, пожалуй, с ним.

Входит Бедряга и видит Бекетова.

Б е д р я г а.

А, Бекетов! Вернулся? Милый!
Ты связан? Почему?

Б е к е т о в.

Я здесь в плену почти.

(В сторону Давыдова.)

Он мне стихи читает силой!..

Д а в ы д о в (Фоме, показывая на Бекетова).

Следите тут за ним получше, старички.
(Ване.)

Что в том обозе есть?

В а н я.

Тулупы.

Д а в ы д о в.

Их пропустить никак нельзя.
Конвой большой, но, может, глупый?
Попробуем рискнуть, друзья.
Бедряга!

Б е д р я г а.

Слушаюсь!

Д а в ы д о в.

План у меня такой:

Ты прямо в лоб ударишь на конвой,
Казakov взяв с собой десятка два, не боле...
А увидав в разгаре боя,
Что численностью в двадцать раз
Французы превосходят вас,
Пускайся наутек. Накормлены ли кони?

Б е д р я г а.

Накормлены.

Д а в ы д о в.

Я мыслю, без погони

Французы вас не выпустят небось?

Б е д р я г а.

Ну, а нагонят-то едва ли!

Д а в ы д о в.

Но ты их завлекай куда-нибудь подале...
А я тем временем и захвачу обоз!
Степан с Фомой, вы будете в дозоре.
Ты тоже, Настя, оставайся тут.

Бедряга и казаки уходят.

Назад воротимся мы вскоре,
А ежели сюда французы забегут
Неровен час... у вас заряды есть?

Фома.

И сомневаться не извольте.

Настя.

Мы, ваше благородье, здесь
Управимся.

Степан.

Мы двадцать лет в пехоте!

Давыдов (*Фоме, в сторону Бекетова*).

Захочет он прилечь, вы не мешайте — пусть.

Но все-таки глазком приглядывайте с краем.

Андрей! Я вскорости вернусь.

Обоз возьму... и дочитаю!

(Уходит.)

Крестьяне идут за ним.

СЦЕНА 4

Бекетов, Настя, Фома, Степан.

Бекетов (*Степану*).

Ты знаешь ли, что я — ваш офицер?

Степан.

Не спорю.

(*Насте, указывая на Бекетова.*)

Их благородие — корнет.

Бекетов.

Помог бы моему ты горю

Да развязал меня.

Степан.

На то приказу нет.

Настя.

Его я давеча чуть-чуть не пожалела —

Поверила его слезам...

А барин-то его не развязал и сам...

Выходит, связан-то за дело!

Бекетов.

Не сажай бабу-то! Она — пустое место!

Велик ли бабий ум?

Степан.

Так точно. Не горазд.

Бекетов.

Изменник, что ли, я!

Степан.

Нам это не известно.

(*Фоме.*)

А что поделаешь — приказ!

Не по нутру французам-то зима.
Уйдет Аполион? Как думаешь, Фома?

За сценой выстрелы.

Фома.

Теперь уйдет небось.

Настя.

Хоть барин наш и зверь,
А все же, думаю, после войны теперь,
Раз послужили мы не только нашим потом,
Но кровью — будет облегчение нам.

Фома.

Все может быть. Пороли по субботам,
А ноне, может быть, начнут по четвергам.

Вбегает Ваня.

Ваня.

Бегите!.. Ляхи!..

Фома.

Много ли их есть?

Ваня.

Не разобрал я, пять аль шесть!

Степан.

Чего ж тогда бежать?

Появляются Ляховский и поляки.

Ляховский.

Хватайте их, жолнеры!

Степан.

Глядите-ка, нашелся хват!

Мужики кидаются на поляков.

Один из жолнеров.

О матка боска!

Фома.

Ловко!

Степан (валит одного жолнера).

Первый!

Настя (борясь с поляком).

Ну, супротив меня ты малость жидковат!

(Валит второго жолнера.)

Поляки разбегаются. Крестьяне ловят Ляховского.

Стой, вражий сын! Держи, Фома!

Фома.

Лови его, Степан!

Степан.

Ишь, экой черт вертлявый!

Настя.

Да слева забегай, раззявы!

Степан.

Гони его назад!

Настя.

Ужо-ка я сама!

Ляховский подбегает к связанному Бекетову и принимает его за пленного французского офицера.

Ляховский.

Месье в плену? Я, пане, зараз!

(Перерезает на Бекетове веревки.)

В тот же миг Бекетов этими же веревками связывает Ляховского.

Цо пане робит? Пуркуа, месье?!

Бекетов (связывая Ляховского).

Ты, Настя, подтяни еще веревку малость.

Что, трое?

Степан (оглядывая пленных).

Трое.

Бекетов.

Будто все!

Фома (подходя боком к Бекетову).

Теперь обратно вас связать придется, барин,

Хоть вы нам, правда, помогли, —

Денис Васильич невдали,

Ругаться будут...

Бекетов (иронически кланяясь).

Очень благодарен!

Фома.

Мы по-хорошему хотим... без разговора...

Бекетов (вырываясь).

Да вы, я вижу, здесь сошли с ума совсем!

Ваня (приглядываясь к Ляховскому).

Ой, тетя Настя! Дедушку Егора...

Он... он... убил!

Настя (Ляховскому). Ты?

Ляховский.

Ниц... того не вем...

Фома (оставляя в покое Бекетова).

Лорощин есть дубок, я видел, в том леску...

Ваня.

Он!.. Он убил!..

Настя.

Повесим тут на шляхе!

Чтоб долго помнили поляки

Свою дорогу на Москву!

Входит Василий.

Ну, Вася! Справились?

Василий.

Замешкались малость...

Фома (Василию).

Ну, не завидую, Василий, я тебе:

С хранцузами, гляди, твоя навоевалась.

Теперь ты с ней ни в жисть не справишься в избе!

Василий.

Возы уже идут с конвоем нашим низом.

Обоз Денис Васильич взял.

Ваня (вглядываясь из-под ладони).

Ой, тройка, Настенька! Какой-то генерал

И с ним еще.. Все с дяденькой Денисом

Сюда идут.

Входят Кутузов, Раевский, Ермолов, Давыдов, Бедряга,
гусары, казаки, крестьяне.

СЦЕНА 5

Кутузов, Давыдов, Бедряга, Раевский, Ермолов, Фома,
Настя, Василий, Степан, Ваня, гусары, казаки, крестьяне.

Давыдов. Я просто удивлен:

Не знал, что с войском вы находитесь так близко!

Кутузов.

Ты, может быть, решил, что я — Наполеон,

И думал захватить меня в полон без риска?

Ваня (Бедряге).

Кто этот дедушка?

Бедряга.

Кутузов.

Голоса:

— Сам? — Гляди!

Фома (Бедряге).

Вот этот, что с пером?

Бедряга.

Нет, тот, что впереди.

Кутузов (показывая на мужиков).

А это кто ж?

Давыдов.

Мои солдаты.

Они маленько виноваты

Но, ваша светлость, за собой

Я их водил не на парад, но в бой,

И там уже врагу мы не давали спуску.

Кутузов.

Их много ль у тебя?

Давыдов.

Не знаю, виноват.

По всей округе каждый русский

Был, ваша светлость, мой солдат!

За это время нами взято
Две тысячи врагов в полон,
Обозов сорок, пять знамен
И писем несколько от Нея и Мюрата.
Иные посланы опять по адресам,
Но в них за маршалов я расписался сам.

Кутузов.

Ай, молодец, Денис! А сам тут у огня
О жезле маршала ты не мечтал?

Давыдов.

О жезле?

Затем же ваша светлость если

Жезл маршальский и так в кармане у меня!

(Достает из кармана полушубка жезл.)

Раевский.

Жезл маршала Даву?

Давыдов.

Он распростился с ним

Назад тому три дня, когда бежал от драки.

Поверите ли, жезлом сим

Мешали борцу мои казаки.

Кутузов *(крестьянам)*.

Спасибо, мужички! Когда б не помогли

Вы мне по совести удачами своими

Прогнать врага с отеческой земли,

Столь скоро, думаю, не справился б я с ними!

Фома.

Да что ты, батюшка! Да хошь к тебе во двор

Залез бы ворог али вор!

Известно, взял бы кол да и погнал бы взáшей.

Так, батюшка, и мы.

Кутузов.

Изрядно тронут вашей

Подмогой, мужички. Весьма благодарю.

О вашей храбрости я доложу царю

И думаю, что будет вам награда.

Фома

(указывая на Давыдова).

Об них-то долбжи, а обо мне не надо.

Все поспокойнее.

Кутузов.

Французы дамыли?

Ваня.

Не, дедушка... Сейчас поедешь коль

Отселе напрямик, верст десять будет с гаком.

Фома.

Цыц, постреленок! Эк нагавкал!

Давыдов.

Французы в двадцати верстах.

Ку т у з о в (Ване).

Так кто ж из вас мне доложил не так?
Он, что ли, или ты? Уж я не разумею,
Французов где теперь найти.

В а н я.

Я, дедушка, считать умею
Не боле как до десяти!

Входит Бекетов. Он уже в своем мундире.

Бекетов (Ку ту з о в у).

Позвольте с просьбой обратиться
К вам, ваша светлость?

Ку т у з о в.

Обратись.

Бекетов.

Я в полк хотел бы возвратиться...

Ку т у з о в.

Чем насолил тебе Денис?

Бекетов.

Да... так...

Ку т у з о в.

Чем, рассказывай?

Бекетов.

Стихами.

Как только слезу я с коня,
Он сразу с рифмой на меня!..
Дозвольте ехать вместе с вами?

Ку т у з о в.

А ты стихов не любишь?

Бекетов.

Нет.

А он...

Ку т у з о в.

Я знаю, он — поэт.

Ну, коли так решил, поедем.

Бекетов.

Премного вам обязан этим.

Ку т у з о в

(Давыдову).

Прости, Денис, он твой приятель..
Тебе не жаль его?

Давыдов.

Не жаль?!

Ах ваша светлость! Был читателем
Всего один, и тот сбежал...

(Бекетову.)

Андрей, прости!.. Андрей, вернись!..
Клянусь на сабле, без обману,
Что я стихов читать тебе не стану!

Бекетов.

Не стерпишь ты... Прощай, Денис.
(Целует его.)

Кутузов (Раевскому).

Ну, господа, пора и в путь!

Врага преследовать прикажете пехоте...

Раевский.

Устали люди. Надо б отдохнуть.

Кутузов.

Настигнете врага и в битве отдохнете.

Не меньше твоего солдат мне жаль, поверь.

Ермолов.

Решили, вижу я, вы захватить теперь

Наполеона в плен?

Кутузов.

Не знаю. Но сегодня

Немедля наступать приказываю я.

Возьмем ли в плен его — на это власть господня,

А гнать его отсель — на то уж власть моя!

Все уходит. Вечер переходит в ночь. Над деревьями показывается луна. Из лесу выходит небольшой отряд французов. Французы измучены. Они еле идут. Среди отряда маршал Ней, Лористон и Генрих. Генрих, обессиленный, опускается на снег около едва тлеющего костра.

СЦЕНА 6

Ней, Лористон, Генрих, французские солдаты.

Лористон.

Здесь русские вокруг. Мы, маршал, заблудились.

Плен или гибель ожидают нас.

Ней.

Сдаваться мне еще не приходилось,

А погибал уже я очень много раз.

Что впереди?

Лористон.

Река. Лед кажется неверным.

Вода подернута чуть коркой ледяной.

Ней.

На этот лед ступлю я первым,

И все по одному пусть следуют за мной.

(Уходит.)

Лористон следует за Неем. Около костра остается только Генрих.

СЦЕНА 7

Генрих один.

Генрих.

Нет больше сил идти!.. Прощайте!..

Нет! Страшно умирать здесь одному... вдали...

Эй, кто-нибудь! Прошу, как о пощаде,
О пуле дружеской... Куда же вы? Ушли...

Пауза. Последние французы уходят. Генрих остается один. Через некоторое время входит Рембо.

Рембо?.. Уже я, значит, умер,
Коль мертвецы встречаются со мной...

Рембо (подходя).

Нет... жив я, Генрих.

Генрих. Жив? Ты врешь или безумен...

Тот под армявскою стеной

Расстрелян...

Рембо. Нет.

Генрих. Он был мне другом...

Рембо.

Он спасся, Генрих.

Генрих. Если б вдруг он

И вправду спасся... в этот час...

Мне б удружил в последний раз...

Рембо.

Наверно б, он разжег костер

И тело бы твоё растер?

Я это сделаю.

Генрих. Нет, поздно уж... не это...

Рембо.

Но чем помочь тебе?

Генрих. Когда б до пистолета

Я дотянуться мог замерзшею рукой,

Я б не просил, чтоб кто-нибудь другой

Помог бы мне... Но видит бог...

Рембо.

Нет, Генрих, нет!

Генрих. Да. Это б только мог

Один Рембо... Какого черта ради

Нас привели сюда? Скажу тебе по правде —

Нет больше сил терпеть... Как медлит смерть навстречу!

И если ты Рембо... И если под карачью

Тебя под Фридландом я вынес из огня...

И под мундиром у меня

От пули той, что, может быть, искала

Тебя в тот день, остался шрам...

И если дружба есть мужская,

Бежать которой стыдно нам, —

Той дружбы, помнишь, что в Каире

Глоток воды делила нам не раз...

Рембо!.. Рембо!.. Все пули в мире,
Мне кажется, летели в нас!..
Как холодно, Рембо!.. Мучений срок недолог..
Мне был бы... только рук никак не подниму..
Мозг мой живет один... и чувствует, как холод
Подходит медленно к нему..
Но если ты Рембо... мой сверстник с юных лет..
Я вижу при тебе турецкий пистолет..
Подарок мой собрату по оружию..
И если ты Рембо... то в память прежних дней,
Издалека... до меня нашей дружбы..
Добей меня... добей меня... добей!

Рембо быстрым движением взводит курок пистолета и в упор стреляет в Генриха.

Рембо.

Я другом был твоим и братом..
Ты знаешь, Генрих... Я не виноват..
Пусть на тебя падет, великий император,
И кровь твоих врагов и кровь твоих солдат!

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Местечко Сморгонь на пути между Березиной и Вильно. Просторная комната барского дома с застекленной террасой, выходящей на дорогу. За дверью террасы ветер качает снежные деревья. В комнате холодно. Сидящие стараются быть ближе к огню камина. У всех усталый вид, все не брились много дней, только один Бессьер выбрит, затянут в мундир, как на параде. Наполеон I, заложив руки за спину, прохаживается по комнате, изредка останавливаясь перед тем из присутствующих, к кому непосредственно он в данный момент обращается. Бессьер и Дарю играют в шахматы.

СЦЕНА I

Наполеон I, Дарю, Мюрат, Ней, Бессьер, дежурный офицер.

Наполеон I.

Нет больше армии. Итог ошибкам весь
Подведен, господа. Их объяснять не буду.
Что было применимо всюду,
Неприменимо было здесь.
В Смоленске провести я думал эту зиму.
Там было все для нас — фураж и провиант..
Но наша армия, разграбив магазины,
Все уничтожила! Кто в этом виноват?!

Я склонен думать, русские за Ковно
Не остановятся, но далее пойдут.

Д а р ю (прерывая игру).

Ваше величество! Но, может быть, и тут
Мы ошибаемся?

Н а п о л е о н I. Ну что ж! Весьма законно,
Что за ошибкой следует другая.

Д а р ю.

Я, собственно, сказал так, полагая,
Что русским незачем идти за нами вслед.
За англичан им смысла не
Вести войну! В конце концов,
Зачем им умирать за лондонских купцов?

М ю р а т.

Но Александр им помогал!

Н е й.

Вначале,

По молодости лет.

Д а р ю.

Но, строго говоря,
Теперь не думаю, чтоб русского царя
Столь дешево купили англичане.

Б е с с ь е р.

Он зол на нас.

Д а р ю.

Ну, не играет роли!
Невыгодность войны он понимает сам.
Так мог бы поступить английский комиссар,
Когда б он был на русском троне.
Пока мы с Англией решим
Свой спор на западе жестокий,
Конечно, русские добьются на востоке
Любых границ! Кто помешает им?
Им, русским, выгодно, чтобы война годами
Шла между Англией и нами.
Ведь если будет так, то Александр один
Не только львиную себе получит долю,
Но и свою навяжет волю
Любому, кто б ни победил!

И русский царь в конце концов

Недальновидным столь окажется едва ли!

Н а п о л е о н I.

Кого мы глупыми считали,
Тех признаем за мудрецов!
Встречаясь с Александром дважды,
В восторге не был я перед его умом,
Хоть в положении моем
Ум у врага находит каждый.

Ваш замысел, Дарю, понравился бы всем,
Однако вы забыли в нем о главном:
Не Пален и не Беннигсен
Покончили когда-то с Павлом,
Но англичане. Из-за них
Весь этот заговор возник.
И именно они, сколь это не досадно,
Ввели путем интриг и через труп отца
На русский трон когда-то Александра...
За что он им и верен до конца.
~~Ненавистности войны для русских объяснили~~
Вы, граф, логично. Отдаю вам дань.
Весьма скорблю от имени России
И своего, что вы не русский государь.

Дарю.

Так он начнет войну себе в ущерб?

Наполеон I.

Свободно.

Поверить вам я был бы очень рад...

Тогда бы я в Париж не выехал сегодня...

Все ошеломлены.

Мюрат (истерично).

Вы нас бросаете?

Наполеон I.

Вам дать воды, Мюрат?

Мюрат (так же).

Я не останусь здесь!

Наполеон I.

Мюрат, вы были старшим

Из маршалов моих. Я знал, что вы как маршал

Не много стоите, но я скрывал, любя.

Зачем же глупо так вы выдали себя?

Я должен ехать. Не могу иное

Принять решение, господа. Но путь

На Вильно вам открыт. Мы за Березиною.

Я сделал все, что мог. Из вас лишь кто-нибудь

Здесь может, как Мюрат, поднять излишний шум

И упрекнуть меня в неблагородстве просто.

~~Детины любят беззастенчивость~~

Политики предпочитают ум!

Мюрат.

Но бросить армию?

Наполеон I.

Спасать ее остатки

Мне важно менее, чем новые войска

Собрать во Франции. И без того был шатким

В Европе мир. Война опять близка.

Я полагаю, именно теперь

Решат и в Лондоне и в Вене,
Что, ослабев от множества потерь,
Мы не способны на сопротивление.
И действовать момент решительный настал им.
Вот почему уехать я решил.
Кто жертвовать не хочет малым,
Тот мало дорожит большим.
Я возлагаю на Мюрата
Командованье. В Вильно, вероятно,
Вы сможете вооружить солдат
И дать им отдых.

Мюрат. Виноват,
Ваше величество! Но русские вокруг.
Смогу ли удержать я город?

Наполеон I. Будет видно.
Вы были храбрым в юности, мой друг.
Примите ванну и побейтесь в Вильно!

Дарю возвращается к прерванной шахматной партии.
Под окном песня:

Пусть забияки
Дерутся на войне!
Счастье иное
Нашли мы здесь вполне —
В юных девицах
Да в старом вине!

Наполеон I.
Велите привести того, кто там орет!
(Смотрит в окно.)

Дежурный офицер вводит Рембо. Рембо пьян.
Великой армией был этот жалкий сброд.

СЦЕНА 2

Те же и Рембо.

Наполеон I.
Рембо? Вот удивлен, не скрою!
Как удалось тебе спастись?

Рембо. Ваше величество! Мы с вами родились,
Наверно, под одной звездой.

Наполеон I.
Не думаю. Где ж был ты? Неужели
Все время в гвардии?

Рембо. Нет. Я за две недели

Ушел до вас.

Наполеон I. Ты врешь, каналья!

Тогда б мы встретиться с тобою не смогли.

Рембо.

Ваше величество! Но вы так быстро шли,

Что, видимо, меня догнали.

Наполеон I.

Так ты еще дерзишь мне?

Рембо.

Что вы?

Дежурный офицер.

Ваше величество!

Наполеон I.

Да?

Дежурный офицер. Лошади готовы.

(Уходит.)

Наполеон I.

Ты мне грубишь, Рембо? Имею опасенье —

Вновь не спасет тебя твой добрый чародей.

Рембо.

Когда б я думал о спасенье,

Я заказал бы лошадей!

Наполеон I.

Мерзавец! Черт возьми! Он все же остроумен.

Вот взять с кого, Мюрат, могли бы вы пример!

Ну, если ты, Рембо, не умер,

Я даже рад. Послушайте, Бессьер!

Рембо мне кажется довольно смелым малым.

Я удивляюсь, как не получил

Он до сих пор капральский чин.

Я вас прошу его пожаловать капралом!

В Кремле я, кажется, погорячился с ним.

Бессьер.

Ваше величество, поверьте:

Я ваш поступок так и объяснил,

Когда спасал его от смерти.

Наполеон I.

Так это вы спасли его? Поди ж!

Не знал за вами этих шуток!

(Бессьеру.)

Пойдете под арест, мой друг, на десять суток,

Когда прибудете в Париж!

Прощайте, господа!

(Уходит.)

Следом за ним уходит Рембо.

Мюрат (*Бессьеру, возвратившемуся к шахматам*).

Мой друг Бессьер обижен.

Зачем ты сам сказал?

Бессьер. Эх, черт возьми, друзья!

За то, чтоб быть сейчас в Париже,

На месяц под арест легко пошел бы я!

Мюрат.

Ты прав, Бессьер! Но за безумцем этим

Зачем я шел сюда? Я мог быть королем

В Неаполе сейчас! Вель я признаться в нем

Давно безумие заметил!

Зачем я шел за ним, дурак?!

Ней.

Ваше величество! Вы говорите так

Об императоре? Вы — тот, кто создан им?

Как вам не стыдно даже заикнуться?

Кому обязаны, как не ему, безумцу,

Вы королевским титулом своим?

Мюрат.

Возможно, что и так. Но, думается мне,

Он все же не в своем уме.

Об этом я бы умолчал,

Но это видно и по мелочам:

Сперва Рембо приговорить к расстрелу...

За что? За немца, за пустяк!

И наградить его тогда, когда за дело

Тот смерти заслужил? Нет, ни один бы так

Из нас не поступил. Он ум теряет здравый!

Дарю.

Ваше величество, боюсь, что вы не правы...

Для императора и вы, и я, и он —

Лишь пешки на доске для шахматного хода:

Он ставит их куда угодно.

Он бессердечен, но умен.

Нет, расстрелять Рембо хотел он не за немца,

А за то, что он немца убил.

Теперь, когда союзник изменил,

На гвардию свою он хочет опереться!

Вот почему Рембо он наградил.

Вы правы, что из нас, возможно, ни один

Не поступил бы так. Зато друзьям бывалым

Рембо расскажет, как он сделался капралом, —

И слух пройдет, что император добр,

Что награждает он за правильное слово.

Хотя б и дерзкое... И счастлив будет снова
Под пули за него Рембо подставить лоб!
И нас покинул он понятно почему:
Какая польза, в сущности, ему
От наших лиц и взоров хмурых,
Коль новый замысел созрел в его душе?
Кто думает о шахматных фигурах,
Когда игра проиграна уже?

(Смахивает шахматные фигурки с доски).

Занавес

АКТ ПЯТЫЙ

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Дворец в Вильно. Тот же зал дворца, что и в начале пьесы, только в окнах снег. На сцене Кутузов и Вильсон.

СЦЕНА 1

Кутузов, Вильсон.

Вильсон.

Позвольте, ваша светлость, с вами
Иметь беседу... несколько минут.

Кутузов.

Я слушаю вас, сэр.

Вильсон.

Здесь слухи, князь, идут, —
Возможно, что для них нет сильных оснований, —
Однако говорят, что ваша светлость склонна
Считать концом войны уход Наполеона
За Неман? Если так, я сильно огорчен!
Когда б Наполеон не смог уйти от плена
И был бы здесь захвачен, — в чем
Я, ваша светлость, вам сознаюсь откровенно,
Именно таким был бы исход —
То на войне поставлен был бы крест.
Но если он уйдет, предупредить вас должен:
Ваш государь и мы еще войну продолжим.

Кутузов.

Простите, сэр! Мой государь когда-то
Изволил высказать, что быть войне, пока
Ни одного французского солдата
Здесь не останется... Уже недалеко

Сия пора. Но государь доселе
Нигде не высказал, что кончит он войну,
Когда Наполеон окажется в плену.
Сие неплохо бы для пущего веселья,
Но без больших потерь.

Вильсон. О, что я слышу, князь?!

Смертей ли нескольких боясь,
Сойти с пути бессмертной славы,
Где ожидают вас заслуженные лавры?

Кутузов.

Без пользы — слава есть тщеславье,
А плен Наполеона, сэр,
Не столь уж нужен нам, сколь нужен, например,
Одной известной вам державе,
Все превосходство коей на морях
И без того внушает страх...
А ежели еще падет Наполеон,
И вовсе никому не будет с нею сладу!
Так пусть уж делает пока что ретираду
К себе во Францию, довольно посрамлен!
А ежели кому с ним воевать охота,—
Коль пушки есть да есть пехота,—
Пускай идет в поход. Сэр понимает сам:
Кровь проливать свою никто не станет даром.
Был прислан в русский штаб английский комиссар.
А мы английский штаб, коль надобно, отдарим
И русского пошлем.

Вильсон. Но я хочу старанья

Войск вашей светлости...

Кутузов (*перебивая*). И многие хотят.

Держите, сэр, свои желанья

Отдельно от моих солдат!

(*Встает.*)

Вильсон.

Вы, ваша светлость, так настроены один.

Штаб против вас! Ваш император тоже!

Война закончится иначе!

Кутузов.

Поголядим.

Вильсон.

И обойдется вам дороже.

(*Роняет трубку изо рта.*)

Кутузов.

Перекусили вы мундштук у вашей трубки.

Вильсон.

О, мелочь!

Кутузов. Вот, поди ж, досель не замечал,
Что мундштуки английские столь хрупки!
Вильсон.
Нет, это зубы, князь, крепки у англичан.
Кутузов.
Там, что бы ни было, однако должен вас
Я об одном предупредить особо:
Я, сэр, хотя и слеп, но на единый глаз,
А англичане думают — на оба!

(Уходит.)

Входит Александр I.

СЦЕНА 2

Александр I, Вильсон.

Александр I.

Все слышал, сэр Роберт Вильсон!
Помочь мне были вы бессильны.
О, до чего меня бесили
Все письма от него! Он виноват во всем.

Вильсон.

Но, может быть, медлительность и старость?

Александр I.

Нет, не они тому виной!
Он счастлив был, что наконец досталась
Ему возможность поступить со мной
Так именно. Он рассудил нехудо,
Что сделать ничего с ним не могу взамен.

Вильсон.

Да, легче было взять Наполеона в плен,
Ваше величество, чем выпустить отсюда.
Наполеона в плен и раньше не хотел
Кутузов захватить.

Александр I.

Все так, но между тем
Сегодня должен я вручить ему награду.
О сэр Роберт! Мы знаем правду,
но... неизвестна истина народу!..
В глазах народа он — герой.
И черни поступать в угоду
Цари обязаны порой.
Иначе поступать, как видите, не волен..
Мне стыдно, сэр... Немного погодя
Вы будете тому свидетель и судья,
Как награждают тех, кто, может быть, достоин

За действия свои военного суда!
Я лично вас прошу не приходить сюда
На церемонию, где самый высший орден
Ему вручать придется мне...
Увы, мой друг, как видно, на земле
Никто в своих поступках не свободен.

Вильсон.

Ваше величество! За этот разговор
Мне нечем отплатить... Цари дарили часто
Нам, подданным своим, короны и богатства.
Но откровенность до сих пор
Бывала редко царским даром...
Могу ль, используя мне поданный пример,
Спросить у вас, хотя вопросов государям
Не задают?

Александр I. Спросите, сэр.

Вильсон.

Ваше величество! Конец ли здесь войне?

Александр I.

Нет, сэр Роберт! Уверенно вполне
Я говорю вам — нет! Желаньем общим движим,
Я шпаги не вложу, пока Наполеон
В Европе царствует! Пока моих знамен
Я не увижу под Парижем!
Желанный мир Европе дать
Уже давно необходимо.

Вильсон.

Сколь благородно! Сколь правдиво
Ваше величество изволит рассуждать!
Как счастлив я сейчас сказать «благодарю»
От всей Европы русскому царю!

(Кланяется.)

Александр берет под руку Вильсона и вместе с ним проходит в дверь,
охраняемую гвардейцами. С противоположной стороны входят Кутузов
и Денис Давыдов.

С Ц Е Н А 5

Кутузов, Давыдов.

Давыдов.

Я, ваша светлость, под судом!

Кутузов.

Да что ты говоришь! Не ведаю о том!
За что ж это тебя?

Давыдов Я занял город Гродно.

И думал — мне за то награду поднесут,
А чтобы я не думал столь нескромно,
Меня и отдали под суд!

Кутузов.

За что ж под суд? Я что-то не пойму!
Ты ж подвиг совершил. Так по какой причине?

Давыдов.

Три генерала к городу тому
С войсками подошли. И должен старший в чине
Был город тот занять. Но тут возникли споры:
Три генерала — все майоры!
Два дня стояли так у городских ворот
И спорили, кому въезжать вперед!
А я не знал тем временем, что спорят
Три генерала наших за чины...
И дернул черт меня не с этой стороны
Подъехать к городу да и занять тот город
С гусарской сотнею!.. Ну, вот теперь под суд
И отдали меня три эти генерала!
Не сомневаюсь я нимало,
Что месяц ареста, не менее, дадут
За этот подвиг мне!

Кутузов (смеясь). Ой, не могу!.. Умора!..

Давыдов.

И больше бы еще, боюсь, не получил!
Спасите, князь!

Кутузов. Да как?

Давыдов. Пожалуйте мне чин!

Кутузов.

Какой же?

Давыдов Генерал-майора!

И одного тогда я стал бы с ними чина!

Кутузов.

Ишь, ловко как подвел!.. Ей-богу, молодчина!

В зале начинают собираться генералы и офицеры.

И верный, дайфу, досель не награжден.

Никто тебя, Денис, к награде не представил?

Давыдов.

Так ведь, согласно ваших правил,
Начальник должен был.

Кутузов. Так отчего же он?

Давыдов.

Был над собой начальником я сам.

Ку ту з о в.

Вот тоже выдумал причину!
Так ты б тогда и написал,
К какому ордену тебя там или к чину
Представить надобно. Скажу, тебя любя,
Здесь каждый сам хлопочет за себя.

(Оглядываясь.)

Ну, собирается уже сюда народ.

Да в ы д о в.

Не всех я приметал по шашке в ратном!

Ку ту з о в.

И то, Денис... Пройду-ка я вперед.

Входит дежурный офицер.

Де жу р н ы й о ф и ц е р.

Его величество!

Го л о с в т о л п е.

Российский император!

Входит Александр I.

С Ц Е Н А 4

Ку ту з о в, А л е к с а н д р I, г е н е р а л ы.

А л е к с а н д р I (обнимая Кутузова).

О князь! Мы перед тем, кто доблестно изгнал
Врагов отечества, восторгов не скрывали!
Со всею искренностью, свойственною нам,
Сколь счастливы за все, содеянное вами,
Мы вас благодарить! Нет более достойных
В России орденов! За наше торжество...

(Берет с подушки, которую держит один из офицеров, орден
Георгия первой степени и прикалывает на грудь Кутузову.)

Пусть он украсит грудь того,
Кто в подвигах велик и в испытаньях стоек!
О князь! Сколь восхищенный поют
О ваших подвигах нам возвещал не раз!
Нет! не одной России, но Европы
Освободителя народы видят в вас!

Ку ту з о в (ошеломлен последней фразой Александра, но быстро овладевает собой).

Ваше величество! Заслуженно ль снискал
Я милость вашу? Будьте благодарны
Не мне... не мне... но доблестным войскам,
Славнейшим воинам отечественных армий!

Мы помогли по скромным силам нашим
Отсель изгнать им дерзкого врага.
Ваше величество! Теперь его нога
Не топчет больше русских пашен!
Пришли на помощь нам купцы и хлеборобы,
И стар и млад садился на коня!
Освободителем Европы
Ваше величество изволили меня
Сейчас назвать... Но менее всего
Сей громкий титул мной заслужен!

Александр I.

О!.. Вашим доблестным оружием
Вы завоюете его!
Не правда ль, князь?

Кутузов молчит.

Когда освободим

Мы всех от злобного тирана,
Из государей не один
Вам благодарен будет.

Кутузов молчит.

Странно...

Вы, князь, молчите?

Кутузов молчит. С каждой новой фразой императора голова Кутузова опускается все ниже.

Что я вижу?

Ужели не хотите вы
Слезам дерзкого Парижа
Залить пожарища Москвы?

Пауза. Кутузов молчит.

Теперь продолжим мы войну, соединясь
С монархами английским и австрийским.
Не поавда ль. с наименьшим риском
Мы тем войну закончим, князь?

Кутузов молчит.

Ужель вы не хотите следом
За дрогнувшим врагом свои войска к победам
Вести путем, столь вам знакомым?

Кутузов молчит.

Что видеть мы должны в молчании таком?

Кутузов (не поднимая головы).
Мы все молчим перед законом,
А ваше слово есть закон!

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Бунцлау — небольшой городок в немецкой Силезии. Опрятная комната, в которой разбросаны в беспорядке уже не нужные лекарства и медикаменты. На широкой кровати, под одеялом, но в сюртуке, по старой традиции никогда не снимаемом в походе, лежит фельдмаршал русских войск. Его два занежные. На некотором расстоянии от больного, стоя, вполголоса разговаривают Александр I и доктор. За спиной русского императора, на расстоянии шага, стоят два адъютанта. За окнами ранняя весна.

СЦЕНА 1

Александр I, Кутузов, доктор, адъютанты.

Александр I.

Ужель все кончено?

Доктор. Час или два, не больше,

Он проживет еще. Фельдмаршал слишком стар.

Александр I.

Какой нечаянный удар

Для всей России! Боже, боже!..

И никакой надежды не осталось?

Доктор.

Немудрено простуду перенести,

Ваше величество, но старость —

Неизлечимая болезнь!

Александр I.

О боже, боже!.. Вот утрата,

Не сущем коей ничего взамен!

(Адъютанту.)

Скачите в Петербург! Пусть в армию обратно

Войска принять прибудет Беннигсен!

Адъютанты.

Ваше величество, сюда? В Бунцлау?

Александр I.

Да.

Адъютант уходит.

(Доктору.)

Князь, доктор, звал меня. Но знаю — не всегда

Больному следует являться на глаза.

Быть может, говорить со мной ему не должно?

Доктор.

Ваше величество, все можно
Тому, кому помочь нельзя.

Александр I подходит к постели Кутузова.

Александр I.

Мне доложили, князь, что звал меня ты?

Кутузов (*открывая глаза*). Звал...

Ваше величество, сколь благодарен вам...

Пришли проститься со слугою старым...

Александр I.

Чем, князь, могу служить в несчастии моем?

Кутузов (*поднимаясь на локте и оглядывая комнату*).

Все выйдите! Оставьте нас вдвоем

С его величеством российским государем.

Доктор и адъютант уходят.

СЦЕНА 2

Александр I, Кутузов.

Кутузов.

Садитесь, государь.

Александр I (*сядась*).

Но говорить едва ли

Тебе возможно, князь?

Кутузов. Нет, ничего... могу.

Причастье принял я... и только перед вами,

Ваше величество, остался я в долгу.

Александр I.

Я сам должник твоей последней воли.

Кутузов.

Ваше величество, пускай Барклай-де-Толли

После меня назначен будет вновь.

И глупую молву и в войске нелюбовь

Не заслужил он службою своею.

Александр I.

Рад это слышать, князь, и выполняю, поверь,

То, что ты просишь. Сам жалею,

Что с нами нет его.

Кутузов.

Спасибо... Вам теперь

Все, что сказать сочту необходимым,

Быть может, говорить мне вам и не под стать,

Но в час, когда мне суждено предстать

Пред более высоким господином,

Ваше величество, ни слова не тая,
Все выскажу...

Александр I делает движение, желая его перебить.

Прошу, не прерывайте!
Слов много у меня, но мало жизни сей.
Вверяя мне судьбу отечественной рати,
Ваше величество судьбу России всей
Мне вверили. И оба мы в ответе
Перед отечеством и вашим и моим.

Александр I.

Не надо, князь. Тебе покой необходим.

Кутузов.

Уж близок мой покой, но выслушать сумею
В последний раз хоть вашего слугу.
Я говорить хочу, я говорить могу...
Когда Наполеон, теряя здравый разум,
Войной на нас идти вдруг обнаружил пыл,
Ваше величество, сколь был
Жестоко он за свой поход наказан!
Но войско русское заставили когда вы
Меня вести сюда, сколь был я изумлен!..
За чем? за славою?.. Не мудрость ищет славы.
Но слава к мудрости приходит на поклон.
С отеческой земли изгнать Наполеона
Был долг мой, государь. А коль неблагосклонно
На Англию глядит Наполеон
Да ссорится с британскими купцами,
В том польза нам: пускай воюют сами
И, коль удастся им, берут его в полон!
Вот в Англии за то меня и поносили,
Что были там на нас надежды велики...
Но кровь моих солдат и русские штыки
Не англичанам служат, а России!

Александр I (вставая).

Я попрошу вас, князь...

Кутузов.

Молчите... Гдет, не скрою

Всего, о чем молчал досель...

Вершины снежных Альп покрыты русской кровью...

А для чего? В чем смысл? Где цель?

Каких счастливых ждать нам от того событий?..

Сколь наши чаянья отселе далеки!

Куда ведете вы полки?

Мои полки? Верните их! Верните!

О!.. Тяжко мне...

Александр I. Быть может, прав ты, князь.
Но поздно! Как втопчу я в грязь
Священный договор? Я перед ним бессилен.
Нет! В жертву честь мою я не могу принести!

Кутузов.
Ваше величество! Неправда! Ваша честь
Не здесь, но в будущей России!
Просить у вас могу, перечить вам не волен,
Вы — государь, а я — ваш воин.
Я все сказал... Сколь жизнь во мне слаба...
История... отечества судьба —
Все в вашем скипетре монаршем...
Прощайте, государь...

Александр I. Эй, медика сюда!
Простишь ли ты меня, фельдмаршал?

Кутузов.
Я, государь, прощу. Россия — никогда!

Занавес

1938—1939 гг.

ЛЕНИС ДАВЇДОВ

**МУЗЫКАЛЬНАЯ ДРАМА В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ.
СЕМИ КАРТИНАХ**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Денис Давыдов — поэт, гусар, партизан.

Андрей — гусар, его денщик.

Фигнер

Бекетов

Бедряга

Сеславин

} гусарские офицеры, позднее партизаны.

Масленников — пожилой помещик.

Агнесса — его дочь, молодая девушка. Она же цыганка.

Настя — дворовая девушка из имения Давыдова.

Дворовый

Кутузов — фельдмаршал русских войск.

Александр I — император.

Василиса — старостиха, партизанка.

Первый староста.

Второй староста.

Французский полковник.

Французский подполковник.

Французский капитан.

Марго — французская танцовщица.

Офицер — гонец Кутузова.

Адъютант Александра I.

Хор гусар, хор партизан, санные девушки, дворовые, слуги,

крестьяне, офицеры, гусары, казаки, французские солдаты,

придворные на балу в Виленском дворце.

Время действия — 1812 год

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Заезжий двор в глубокой провинции. Большая в два окна комната. Стены покрыты подозрительными пятнами. По углам грязь. Одно окно без занавески, оно распахнуто, другое закрыто, и на нем висит рваная занавеска. В комнате стоят большая деревянная кровать, обеденный четырехугольный стол, маленький письменный столик, буфет, засиженное мухами большое зеркало и несколько стульев. Вся перечисленная обстановка покупалась, видимо, поштучно и по случаю. Предметы обстановки сделаны из разного дерева, и обивка стульев тоже разная. Постель не убрана.

Весеннее утро. В окна сквозь молодые листья берез проникают солнечные лучи. В комнате Денис Давыдов. Мундир на нем расстегнут. Он, видимо, недавно встал.

Д а в ы д о в (с тоской глядя по сторонам).
Клоповник! Скотный двор! Дыра!!
Нет ни бумаги, ни пера...
Чернила высохли... Андрей!

Входит А н д р е й.

А н д р е й.
Что вам угодно?

Д а в ы д о в. Дай скорей —
Перо... бумагу!

А н д р е й.
Денис Васильевич — не дам!
Опять писать стишки понадобилось вам?
И так мы из-за них попали в передрагу!

Д а в ы д о в.
Ты что, Андрюшка? Спятил, вроде?
Не говори мне пустяков!

А н д р е й.

Нет, я прошу, насчет стихов...
Сдержитесь, ваше благородье!
Из-за причуды этой вашей
Из Петербурга нас и выставили взащей!
Была столичная квартира —
Вино, девицы и друзья...
Махали сабелькою мирно,
Стреляли тихо из ружья...
По службе двигались успешно...
Так — нет! Давай писать стихи!
А их величеству, конечно,
Такое дело не с руки!
И царь разгневался не даром:
Кто разрешил? Когда? И как?
Чтоб вдруг гвардейские гусары
Писали басенки в стихах?
Мы учим грамоту не часто,
А вы спросите — отчего?
Не любит каждое начальство
Того, кто грамотней его!
Скажу вам, барин, откровенно —
За пьянство или за скандал
Наш государь бы вас, наверно,
В дыру такую не загнал!
Я зарядил вам пистолеты
И отточил клинок остро...
Когда есть «мирные» предметы —
Зачем бумага и перо?

(Подает ему пистолеты и саблю.)

Д а в ы д о в (отстраняя жестом пистолеты и саблю).

Давай бумагу, а не саблю!
Ты просто глуп, как я смотрю...
Сейчас прошение я отправлю
Его величеству — царю!
Дыра! Провинция! Скучища!
Нет, я служить здесь не могу!
Его величеству пусть себе пошлет
Его величество слугу!
Я лучше буду жить в отставке,
Вдали от службы этой всей...
Писать стихи, лежать на лавке
И мирно удить карасей!

А н д р е й.

Коль так надумали, тогда нам,

Пожалуй, лучше было б впредь
Вдову аль барышню с приданым
В усадьбах здешних присмотреть!
Глядишь, другая жизнь пошла бы.
Детишки... Кухня... И шитье...
Денис Васильевич, без бабы
В отставке — это не житье!

Д а в ы д о в.

Давай перо! Давай бумагу!
В последний раз прошу добром...

А н д р е й (с достал перо, достал чернил).

Уж лучше б мне сходить в атаку,
Чем за бумагой и пером!

(Уходит.)

Д а в ы д о в (в задумчивости).

Покамест нет войны — отставка не беда!
В усадьбе можно жить... Поехать в гости к тетке...
А вдруг война придет — тогда
Что буду делать я? Нет!.. Надо выпить водки!
Такой вопрос — служить иль не служить —
Никак без водки не решить!

Входит Андрей с бумагой, гусиным пером и чернилами.

А н д р е й.

Достал перо, достал чернил вам!
Но до писания — подумайте вперед...

За окном слышится страшный птичий гогот.

Д а в ы д о в.

Что там за крик?

А н д р е й.

Хозяйский гусь орет.
Перо-то из него я по дороге вырвал!

(Уходит.)

Д а в ы д о в (садится, пишет, потом берет гитару и поет).

Листок иссохший, одинокой,
Пролетный гость степи широкой,
Куда твой путь, голубчик мой?
«Как знать мне? Налетели тучи,
И дуб родимый, дуб могучий
Сломили вихрем и грозой.
С тех пор, игралище Борея,
Не сетуя и не робея,

Ношусь я, странник кочевой,
Из края в край земли чужой;
Несусь, куда несет суровый,
Всему неизбежный рок,
Куда летит и лист лавровый
И легкий розовый листок!»

С шумом входят гусары — Фигнер, Бекетов, Сеславин и
Бедряга. Давыдов поднимается к ним навстречу.

Фигнер.

Давыдов. Я!

Сеславин. Задумчив и печален —
Он прибыл в наш Ахтырский полк!

Бекетов (*представляясь*).

Бекетов!

Фигнер (*представляясь*).

Фигнер!

Сеславин (*представляясь*).

И Сеславин!

Бедряга (*представляясь*).

Бедряга!

Давыдов. Очень рад...

Фигнер. Какой от грусти прок?

Вот тоже, не было печали,—

Из Петербурга выгнали? И пусть!

Сеславин.

Стихи мы ваши знаем наизусть,

Из-за которых вас из гвардии прогнали!

Бедряга.

Черт с нею, с гвардией! Большого горя нет!

Бекетов! Открывай буфет!

Бекетов распахивает ментик, на пуговицах его мундира висит несколько
бутылок шампанского.

Сеславин (*с жестом в сторону Бекетова*).

Душа гусара у Андрея!

Без штопора ее не тронь!

Фигнер (*командуя*).

Гусары, смирно! Бат-тарей!

По вновь прибывшему — огонь!

Пробки с шумом вылетают, и бокалы наполняются шампанским.

Фигнер (поднимая бокал, поет первый куплет гусарской за-
стойной песни. Две последние строки каждого куплета повто-
ряют хором).

Гусары, смирно! И равнение направо!
Свой первый тост я вместе с вами пью —
За нашу доблесть, нашу верность, нашу славу —
За нашу дружную гусарскую семью!
За то, чтоб головы гусарские лихие
Сложили мы не дома, а в бою,
За нашу родину, за матушку-Россию,
За нашу дружную гусарскую семью!

Все поднимают бокалы и пьют.

Сеславин (Давыдову).

Теперь мы вас сердечно просим —
Свои стихи прочтите нам...

Давыдов. О нет!

Я, правда, их писать еще не бросил...
Но я, ей-богу, не поэт.

(Берет гитару и поет.)

Я не поэт, я — партизан, казак.
Я иногда бывал на Пинде, но наскоком,
И беззаботно, кое-как,
Раскидывал перед Кастальским током
Мой независимый бивак.

Нет, не наезднику пристало
Петь, в креслах развальясь, — лень, негу и покой...
Пусть грянет Русь военной грозой —
Я в этой песне запевало!

Все аплодируют. Бекетов берет гитару и поет шуточную гусарскую песню,
припев которой подхватывают остальные.

Бекетов.

Всех новичков под звон гитары
Предупреждаем мы давно —
Когда ахтырскому гусару
У нас бежать разрешено!

Хор.

Когда, бросая кивер и перчатки,
Когда, теряя шпоры на бегу,
Мы отступаем в полном беспорядке,
Всю территорию оставивши врагу!

Бекетов.

Когда с девицей черноокой
Сидим мы вечером впотьмах.

И вдруг приходит ненароком
Мамаша с образом в руках....

Все.

Тогда, бросая кивер и перчатки,
Тогда, теряя шпоры на бегу,
Мы отступаем в полном беспорядке,
Всю территорию оставивши врагу!

Бекетов.

Когда вы спите сном недолгим,
А голова у вас трещит...
И к вам в двадцатый раз по долгу
Приходит старый ростовщик...

Хор.

Тогда, вскочив с постели, без оглядки
И амуницию теряя на бегу,
Мы отступаем в полном беспорядке,
Всю территорию оставивши врагу!

Бекетов.

Зато на дружеской попойке
Мы выполняем все свой долг.
И в этом деле самый стойкий,
Конечно, наш Ахтырский полк!

Хор.

Тогда, пусть нас выносят на носилках
И пусть гусары валяются кругом,—
Покамест есть хоть что-нибудь в бутылках —
Мы ляжем трупами, но с места не сойдем.

Фигнер вновь разливает вино в бокалы и поет второй куплет застольной
гусарской песни. Гусары уже несколько навеселе.

Фигнер.

Гусары, смирно!.. И равнение налево!
Свой тост второй за то я с вами пью,
Чтобы начальство наше слишком не болело
За нашу дружную гусарскую семью!
Чтоб с командирами мы виделись не часто,
А если виделись, то виделись в бою...
Чтоб не слышало что-нибудь начальство
Про нашу дружную гусарскую семью!

Все поднимают бокалы и поют.

Давыдов.

Ну что же? Мне подходит полк такой!
А я уже хотел проситься на покой
И написал себе отставку,
Где доложил царю по форме обо всем!..

Фигнер (беря со стола бумагу с прошением Давыдова об отставке).

А вот мы малую гусарскую поправку
В сию петицию внесем!

(Рвет прошение Давыдова.)

Давыдов (смеясь).

Согласен! Эй, Андрей!

Входит Андрей.

Возьми перо, чернила

И убери куда-нибудь к чертям!

Андрей.

Вот видите! Недаром говорил я,
Когда чернил просили вы:— «не дам».
Я знал, что приносить их было вам не надо.
И ни к чему затея ваша вся...
За зря обидел я хозяйского гуся,
Когда я у него тащил перо из зада!
(Уходит, забрав перо, чернила и бумагу.)

Фигнер.

А хлопец прав был в самом деле!

Давыдов (вновь наливая вино).

За службу выпьем и — «на ты»!

Пьют.

Сеславин.

А мы тебе уже квартиру присмотрели
С девицей редкой красоты!
Здесь недалеко есть поместье,
Живет помещик Масленников в нем...
Вот дочка у него!.. Другой, скажу по чести,
Такой красавицы не сыщешь и с огнем!..

Бедряга.

В полку не только что повесы
Дань отдают ее блестящей красоте,
Но даже лошади — и те
Вздыхают, встретившись с Агнессой!..

Давыдов.

Ее зовут Агнессой?

Бедряга.

Да.

Давыдов.

Ну что же, если в самом деле
Так хороша она — переберусь туда,
Покамест здесь еще меня клопы не съели!

Бекетов.

Так едемте сейчас! Хозяин будет рад...

Сеславин (*Давыдову*).

Но с дочкой ты его не огорчай под старость...

Все идут к дверям, но Фигнер смотрит на бутылки и останавливает друзей.

Фигнер.

Одну минуточку... Назад!

Здесь кое-что еще осталось!

(*Разливает вино в бокалы и поет третий куплет застольной.*)

Гусары, вольно! И равнения не надо!

Свой третий тост за то я с вами пью,

Чтоб завтра утром спас господь от плац-парада

Всю нашу дружную гусарскую семью!

А если счастье покинет нас, тогда нам

Уж лучше выстоять до старости в строю,

Но только б спас господь от барышень с приданым

Всю нашу дружную гусарскую семью!

Все пьют, затем направляются к двери.

Фигнер (*Давыдову*).

Но вот что я скажу тебе, Денис:

Пиши стихи... Люби свою Агнессу...

Но в случае чего — съезжай с квартиры к бесу!

Что хочешь делай — только не женись!!!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Поздний вечер. Луна. Июль. Запущенная аллея старой помещичьей усадьбы. Вдоль аллеи тянется высокий дощатый забор. По бокам аллеи — статуи Амура и Психеи. У Амура одно крыло, у Психеи — одна рука. Беседка из листьев дикого винограда. Листья просвечиваются, но, кто в беседке, различить нельзя. Вход в беседку невидим, он с другой стороны. Когда занавес поднимается, из беседки слышен пылкий диалог.

Мужской голос.

Я вас люблю!

Женский голос. Не верю вам...

Вы нынче здесь, а завтра там!

Мужской голос.

Я жизнь отдам за вас, Агнесса!

Женский голос.

Нет, вы — гусар, и вы — повеса!

Мужской голос.

Я брошу полк! Продам коня!

Женский голос.

Нет, вы обманете меня!
Вы это многим говорили...

Мужской голос.

Клянусь!

Женский голос. Я верить вам не в сила...

Любовь гусара коротка —
В любви клянетесь вы, пока
Ваш полк пирует на привале,
А завтра вспомните едва ли!
Любовь вам менее нужна,
Чем ваша слава и война!

Мужской голос.

Напрасно думаете вы,
Чтобы гусар — питомец славы —
Любил лишь только бой кровавый
И был отступником любви.

Во время ариозо, стенки беседки медленно раздвигаются, закрывая невидимый вход с обратной стороны и образуя другой, со стороны публики. В беседке Денис Давыдов и Агнесса. Давыдов разгорячен пылким любовным объяснением. Ментик его лежит на земле, кивер брошен на скамью. Ворот мундира расстегнут. Сабля лежит у ног Агнессы.

Давыдов.

В нас сердце не всегда желает
Услышать стон, увидеть бой...
Ах, часто и гусар дышит,
И в кивере его весной
Голубка гнездышно свивает...

Агнесса.

Но только лишь пройдет весна —
Она останется одна...
А летом он воркует вновь
С другой голубкой про любовь...
Но, чуя за собой вину,
Зимой — решителен и боек —
Он покидает их обоих
И уезжает на всину!
Вот какова любовь гусара...
Нет, нет, Денис, вы мне не пара!
И что сказал бы мой отец?

Давыдов

Но я согласен, наконец,
Для вас на все! Я полк оставляю,
Свой пистолет, коня и саблю

Я променяю на халат —
И пусть мне будет черт не брат!
Поверьте мне... Даю вам слово!..

Агнесса.

Я верить вам почти готова..
Но можно ль верить лишь словам?..

Давыдов.

Мою любовь, Агнесса, к вам,
Я доказать готов воочью..
Бежим со мной... Сегодня ночью
Я отвезу вас под венец?!

Агнесса.

А что мне скажет мой отец?!

Давыдов заключает Агнессу в свои объятия. Продолжительный поцелуй, во время которого раздается настороженное треньканье балалайки. На аллее появляется денщик Давыдова, Андрей. Подойдя к влюбленным, Андрей начинает громко играть на балалайке прямо над ухом у Давыдова, но последний ничего не слышит и не видит.

Андрей. Денис Васильич!.. Ваше благородье!..

Нельзя вам больше оставаться тут!..

Давыдов (оборачиваясь на его голос).

Ты выпил лишнее и чепуху городишь!

Андрей (с жестом в сторону Агнессы).

Денис Васильевич, их папенька идут!..

В конце аллеи появляется Масленников. В его руке хлыст.

(Перелезая через забор.)

Махну через забор... а то прибьет, пожалуй!

Масленников (бьет Андрея хлыстом).

Вот, на тебе! Возьми в дорогу, малый!

(В позе, исполненной оскорбленного достоинства, останавливается перед Давыдовым.)

Что это значит? Вы и дочь?..

В столь поздний час в уединенном месте?

Я вижу, что у вас нет ни стыда, ни чести!

Я дворню позову! Велю вас выгнать прочь!!

Девиц обманывать — великая ли слава?

Бесчестить старика — большая ль в этом честь?

Давыдов.

Напрасно оскорбить пытаетесь вы, сударь.

Того, кто зла не хочет вам принести!

Все подозренья ваши эти

От помыслов моих довольно далеки...

Я вашу дочь люблю одну на целом свете!

И я прошу у вас ее руки...

Масленников.

Ах вот как?.. Но... ведь вы на царской службе?

Вы — год в походах, день — с женой!

Давыдов.

Но мы с царем, увы, не столь уж в доброй дружбе...

Он с удовольствием расстанется со мной!

Я крови не жалел, сражаясь за царя,

Но милостей его искал доселе зря —

В снегах Финляндии, и в Австрии, и в Польше!..

Сознаться вам по совести могу:

Я службу, царскую любовь презабыл,

Чем любит царь меня как своего слугу!

Масленников.

Когда же службу вы оставите?

Давыдов.

На днях.

Масленников (дочери).

Ты, дочь моя, согласна?

Агнесса.

Ах!..

Папенька...

(Убегает.)

Масленников. Ну, в добрый час!.. Неловко

Соседей поднимать средь полуночной тьмы...

А то бы вашу с дочерью помолвку

Немедленно отпраздновали мы!

Слышится приближающийся цокот копыт.

Кто едет к нам? В столь поздний час

Давно и малый спит и старый...

Входит дворовый.

Дворовой.

К нам, барин, прибыли ахтырские гусары!

Денис Васильич, спрашивают вас.

Давыдов.

Приехали ко мне мои однополчане.

Кто, кроме нас, еще шатается ночами!

Масленников (дочери).

Вот гости впору! Ну-ка, притче

Тащите стол сюда! Вина! Да поскорей!

(Давыдову.)

Видать, судьба отпраздновать нам нынче

Твою помолвку с дочерью моей!

Дворовые тащат стол и вина. Входит человек восемь гусарских офицеров, среди них Бекетов.

Давыдов.

Бекетов, здравствуй!

Бекетов.

Здравствуй, друг!

Первый офицер (Давыдову).

Мы за тобой!

Давыдов.

Да почему же вдруг

Я так внезапно вам понадобился сразу?

Я в отпуску по царскому указу!

Бекетов.

Так отпуск твой прервать придется!

Масленников.

Нет, больше в полк он не вернется!

(Слуге.)

Сходи за дочерью! Скажи, зовет отец.

Да принеси сюда фамильный мой ларец!

Слуга уходит. В это время дворовые вносят стол и стулья. Гусары садятся за стол. Сенные девушки приносят вино и бокалы.

Давыдов (кладет на стол свой кивер).

Ахтырские гусары,

О храбрые друзья!

Простите! — На удары

И бранные пожары

Ходить не буду я!

.

Вот кивер мой

Примите от меня.

.

Бекетов.

Коль это шутка — шутка неуместна!

Не время так шутить с друзьями и нельзя...

Давыдов (с жестом в сторону входящей в этот момент Агнессы).

Но я женюсь, мои друзья!

Знакомьтесь... Вот моя невеста!

Счастливы вы, мои друзья! Живите как знаете, дружите...

Бросаю службу я и вам сдаю свой пост!

Гусары ошеломлены. Масленников отпирает принесенный дворовыми ларец и достает из него два обручальных кольца. Надев кольца на руку дочери и Давыдова, он поднимает бокал.

Масленников.

За счастье молодых я выпить предлагаю

И поднимаю первый тост!

Давыдов (Агнессе).

Пусть навсегда отныне эти кольца
Скуют в одну — две жизни молодых!

Агнесса.

И все, что пережить с тобой нам ни придется,
Пусть никогда не переломит их!

Давыдов и Агнесса (вместе).

И все что пережить с тобой нам ни придется,
Пусть никогда не переломит их!

Давыдов.

И твердые всех оков подуманных законом.

Пусть будут эти два заветные кольца...

Агнесса.

Но там, где есть любовь, приятно и легко нам
Их ощущать на пальцах до конца!..

Давыдов и Агнесса (вместе).

Но там, где есть любовь, приятно и легко нам
Их ощущать на пальцах до конца!

Давыдов, Агнесса и Масленников поднимают свои бокалы, но гусары сидят
опустив головы и не присоединяются к тосту.

Масленников.

Но почему же вы срамите пир мой честный?
Все чары на столе и каждая полна?
Или никто из вас за жениха с невестой
Свою не хочет осушить до дна?!

Бекетов (Давыдову).

Не в пору, брат, задумал ты жениться!
Твой шаг с женитьбою не вовремя решен...
Сегодня ночью русскую границу
Наполеон с войсками перешел!..
Хоть мы желаем счастья влюбленным...
Но, нашу верность родине храня,
Пьем за победу над Наполеоном
Свой каждый первый тост с сегодняшнего дня!

Давыдов (вставая).

Андрей! Коня!

(Агнессе и Масленникову.)

Прощайте, дорогие...

Масленников (ошеломлен).

Но... царь не любит вас...

Давыдов.

По чести говоря,
Когда в беде находится Россия,
Я не нуждаюсь в милостях царя!
Андрей! Коня!!!

А н д р е й.

Готов! И ждет с другими вместе.

Д а в ы д о в.

Ну молодец, коль догадался сам!

А н д р е й.

Когда бы не был мне характер ваш известен,
То в денщиках у вас служил другой гусар!

Давыдов запевает походную гусарскую песню, и все гусары с бокалами в руках подхватывают ее.

Д а в ы д о в.

Поднимайтесь, гусары лихие,
Наши трубы играют поход:
На поля необъятной России
Иноземное войско идет...
Или наши незваные гости
К нам ходить не отважатся впредь...
Либо наши гусарские кости
Под ракетами будут белесть!..

Х о р.

Будешь плакать, девица,
Будешь ждать-надеяться,
Слушать, не раздастся ли
Цокот копыт?
Встретишь — спросишь ласково
У коня гусарского:
Как хозяин здравствует?
Жив или убит?

Д а в ы д о в.

Наши руки еще не ослабли,
Наши кони оседланы в бой...
А из ножен гусарские сабли
Вырываются сами собой!
Не поите коней перед боем,
Эй, гусары! По седлам скорей!
Не водою, а кровью напоим
Мы в бою наших добрых коней!

Х о р.

Будешь плакать, девица,
Будешь ждать-надеяться,
Слушать, не раздастся ли
Цокот копыт?
Встретишь — спросишь ласково
У коня гусарского:
Как хозяин здравствует?
Жив или убит?

Д а в ы д о в.

Собирайтесь, друзья боевые,
Барабаны и трубы гремят!
К нам приходят враги не впервые —
Только редко уходят назад!
Или наши незваные гости
К нам ходить не отважатся впредь,
Либо наши гусарские кости
Под ракетами будут белеть!..

Х о р.

Будешь плакать, девица,
Будешь ждать-надеяться,
Слушать, не раздастся ли
Цокот копыт?
Встретишь — спросишь ласково
У коня гусарского:
Как хозяин здравствует?
Жив или убит?

Все гусары встают и собираются уходить. Давыдов надевает саблю и кивер.

А г н е с с а (Давыдову).

Кто верит ветреным словам
И клятвам пылкого гусара?
Нет, вы, конечно, мне не пара!
Зачем доверилась я вам?

Д а в ы д о в.

Не этот гнев, но вашу грусть
Хотел бы видеть я во взоре вашем тихом...
Коль буду жив, я к вам вернусь,
А если нет — не поминайте лихом!
«Унеслись невозвратимые
Дни тревог и милых бурь,
И мечты мои любимые,
И небес моих лазурь.

.....
Не глядит она, печальная,
На пролет надежд моих,
Не дрожит слеза прощания:
На ресницах молодых!»

Д а в ы д о в и г у с а р ы.

В поход, в поход, друзья лихие!
За честь Руси мы встанем как один!

М а с л е н н и к о в.

О боже мой! Что станет с Россией?
Наполеон непобедим!..

О боже мой! Что будет с нами?..
Наполеона победить нельзя!..

Д а в ы д о в и г у с а р ы.

Скорей! Скорей! Под боевое знамя!
Вперед! Вперед! За родину, друзья!!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Опушка леса. На пригорке палатка Дениса Давыдова. Вход в палатку закрыт. За палаткой, справа белеют палатки партизанского лагеря. Слева, вдали, видны маленькие избушки. Рядом с ними кое-где торчат обгорелые трубы. Встает солнце. На заре, в предутренней синеве, от далекого селения тянется легкий дымок. У погасшего, но еще тлеющего костра сидят партизаны, среди них Андрей. Слышится их тихая песня, сперва без слов, а потом возникают и слова. А на фоне песни где-то из-за деревьев звучит одинокий женский голос:

«Русь в огне да в полыме!..

Над полями голыми

Дым клубится, тянется

С дальнего села...

Где шумели с кленами

Тополя зеленые —

Ворогу останутся

Пепел да зола!..

Наша доля — горюшко...

Наша воля — полюшко...

Нам дорогой разною

В лес один идти...

Где леса дремучие

Всех нас вовек с тучами

Ворогу заказаны

Будут все пути!..»

Партизаны уходят. Остается только Андрей со своей неразлучной балалайкой. Из-за палатки выходит Настя.

Андрей.

Тоскуешь, Настенька, гляжу?..

Аль встрече с барином не рада?

Н а с т я.

И рада, кажется... да радость ни к чему!
Сызмальства с ним росли мы вместе...
Вдвоем одни мы пели песни...
Вдвоем гуляли мы в саду —
Да на одну мою беду!..
Когда вдруг десять лет назад
Уехал в полк Денис Васильич...
Я все ждала его... Ждала... ждала... ждала...
А там позабывать уж, слава богу, стала...
Пришла война и ненаооком
Он вдруг нагрянул в отчий дом...
Гляжу я на него — ног под собой не чую,
А сердце чует радость и беду!..

А н д р е й.

А сколько ж лет тебе в ту пору было,
Как с барином уехали мы в полк?

Н а с т я.

Тринадцать лет всего...

А н д р е й.

Ой дура!..

Да нешто может быть в тринадцать лет любовь?
Тринадцать лет? Вот не было печали!
А дурость у тебя вся эта потому,
Что грамоте, видать, без нужды обучали
Тебя в господском-то дому!

Н а с т я.

Все тропки малые в саду
Моими политы слезами...

А н д р е й

Ну, а зачем же в лес ты увязалась с нами?

Н а с т я.

Да я теперь за ним на край земли пойду!

А н д р е й *(берет балалайку и играет)*.

Эх ты, Настя, Настя, Настя...
Ой не там ты ищешь счастья!
Что тебе дался мой барин?
Ведь не ровня он с тобой...
Нешто я тебе не парень, —
Не горбатый, не рябой...
Коль признаться, так за мной
Девки бегают гурьбой.

Н а с т я *(отмахиваясь от него, достает шелковый, вышитый
гладью платок и поет)*.

Я гладью вышила кусочек шелка белый,
От глаз людских забравшись в уголок...

На память милому я подарить хотела
Узором хитрым вышитый платок.
Но говорят: дарить платки к разлуке...
Когда пришел нам расставаться срок,
Ему отдать я побоялась в руки
Узором хитрым вышитый платок.
Я так ждала... Но миновали весны...
Ему, наверно, было невдомек,
Что где-то девушка лила тихонько слезы
В узором хитрым вышитый платок.
Пришла пора мечты навек оставить
Белеет только свернутый в комок,
Не обо мне ему, а мне о нем на память
Узором хитрым вышитый платок!..
На, передай ему!

(Бросает платок Андрею и убегает.)

А н д р е й *(разглядывая платок).*

Рехнулася девица!

Быть может, он с тобой побалует чуток...
И весь свой бабий век начнешь потом томиться
За этот самый вышитый платок!..
(Прячет платок в карман.)

Нет, я его приберегу пока,
А барин мой хорош и без платка!

Из палатки выходит Д е н и с Д а в ы д о в. Андрей встает.

Дозвольте, ваше благородье,
В лес отлучиться мне? Видал я, за рекой
Здесь красный зверь неподалеку бродит...

Д а в ы д о в.

Какой же это зверь?

А н д р е й.

Да вот взгляну — какой?

Д а в ы д о в.

Ступай тогда!..

А н д р е й уходит.

Знакомый мне лесок!

Давно ли я вдыхал его весенний запах?
Полки Кутузова уходят на восток,
А партизаны движутся на запад!
Спасибо, дал мне князь Кутузов,
Хотя и малый, но отряд!..
Мы с мужичками бьем французов,
Хоть не по правилам, но крепко, говорят...
И вот опять средь памятного леса

Раскинут мой шатер в знакомых мне местах...
Здесь невдали, в пятнадцати верстах,
Когда-то дом стоял... А в нем жила Агнесса...
С отцом они остались ли в поместье,
Или уехала она куда-нибудь?
Послать бы ей письмо... и получить известие
О ней, хоть краткое!.. И снова в дальний путь!
(Достает из кармана письмо.)

Из-за палатки выходит Настя.

А с кем послать?

(Видит Настю.)

Вот разве с Настей? Настя!

Настя.

Что, барин, вам?

Давыдов.

Снеси письмо!

Настя.

Куда снести?

Давыдов.

В соседнее поместье!

Настя.

Кому снести?

Давыдов.

Моей невесте.

Настя (в отчаянии).

О боже мой!

Давыдов.

О боже мой!

Словами выразить я, право, не сумею,
Как я люблю ее!.. Разлучены мы с нею
В день обручения нынешней войной!..

Настя.

О боже мой!..

Давыдов (отдавая ей письмо).

Так передай его!..

Всем сердцем буду век тебе я благодарен...

Настя (беря письмо).

Ах, барин, видно, нет на свете ничего,
Чего бы не смогла для вас я сделать, барин!.

(В сторону публично.)

Письмо я это передам,

Хоть сердце бы мое разорвалось на части!

(Давыдову.)

Коль не дал бог самой мне счастья,

Пусть оно достанется хоть вам!

(Уходит.)

Входят Бедряга и Бекетов.

Бекетов. Денис Васильич, старосты явились!

Давыдов. Зовите их!

Входят старосты, среди них Василиса.

Здорово, мужички!

Первый староста.

Денис Васильич, здоровья желаем!

Второй староста.

Звать нас изволили? Какая в нас нужда?..

Давыдов.

Скажите мне: в округе здешней

Пройдет ли конный или пеший

Проселком или большаком,

Чтоб вы не ведали о том?

Первый староста.

Да кто ж пройдет?

Второй староста.

Никто никак!

Деревни наши все стоят на большаках...

Первый староста.

Не токмо кто, но даже птица

Не пролетит, как говорится,

Чтоб мы не ведали!..

Давыдов.

Так вот:

К вам у меня такая просьба —

Кого вам видеть не пришлось бы,

Уведомляйте в свой черед

О том меня!

Второй староста. Ну что же, можно!

Первый староста.

Коль есть нужда, то упредим!

Давыдов (Василисе).

А ты что мнешься? Я — не строгий.

Не жмись и не обей. Довеюся нам вполне.

Василиса.

Хочу тебе сказать, что коль нужда в подмоге

Тебе придет, так присылай ко мне!

Давыдов.

К тебе?!

Василиса.

Ко мне. Сказать по правде,

Есть сотни две в моем отряде.

Уж мы с хранцузами дралися

Так будешь ежели в нужде,
Вели спросить — где Василиса?
И всяк тебе ответит где!

Д а в ы д о в.

Когда иной вояка слабый
Робеть в бою начнет порой,
Мы говорим: — Не будь, мол, бабой!
Пусть будет бабой, но (*указывая на Василису*)
— такой.

Входит Андрей с плетеной корзиной, закрытой холстом. Сняв корзину с плеч, он ставит ее перед давыдовым.

Что это у тебя?

А н д р е й. Тот самый красный зверь!

Д а в ы д о в.

Какой же он?

А н д р е й (*развязывая корзину*).

Вот поглядим теперь!

Из корзины появляется французский полковник. Руки его связаны за спиной, и на поясе висит громадный глухарь. Андрей вытаскивает из корзины его охотничье ружье.

Д а в ы д о в.

Ты где такого зверя добыл?

А н д р е й.

В лесу... Когда взошла заря,
Мы на охоту вышли оба...
Я — на него, а он — на глухаря!..
Как мог тут каждый постарался.
Довольны оба мы вполне:
Глухарь полковнику достался,
А господин полковник — мне!

Д а в ы д о в (*Андрею*).

Ну молодец! (*Полковнику*).

А по какой причине

Ваш полк находится в тылу?

Ф р а н ц у з с к и й п о л к о в н и к.

Мой полк стоит здесь потому,
Что нам недавно поручили
Разбойника поймать...

Б е к е т о в.

Какого?

Ф р а н ц у з с к и й п о л к о в н и к.

Одного.

Который здесь недавно появился —
Пять тысяч золотых за голову его
Назначено...

Бекетов. За чью?

Французский полковник.

Давыдова Дениса!

Бедряга.

Пять тысяч только? Черта с два!

Дороже стоит эта голова!

Василиса.

А чем же это он разбойник?

Французский полковник. То есть как?

Кто, как не он, лишь наступает мрак —

Народу не даст проезда и проходу?

Василиса.

Народу? Вам, а не народу!

Не он забрался в дом к тебе,

А ты сидишь в чужой избе!

Кто ж это? — Мы с мечом и кровью

Пришли искать твоей земли?

Аль это вы под наши кровли

С мечом и полымем пришли?

Тебе ль, разбойнику, к лицу

Речь заводить еще такую?

Вот ты охотился и то — в чужом лесу!..

Ты птицу застрелил, да птицу-то чужую!

Тебе ль, разбойнику, награды

(в сторону Давыдова)

Искать за голову его?

Нам ваши головы оценивать бы надо,

Да ваши головы не стоят ничего!

Французский полковник (в ужасе, Давыдову.)

Денис Давыдов — это вы?

Давыдов.

Да! Это — я!

Французский полковник.

Прошу пощады!!!

Давыдов.

Но мне не надо вашей головы.

В России за нее никто не даст награды!

Хор партизан.

Мы — солдаты вольные,

С топорами, с кольями,

Гостя мы не ратуем,

Коли гость не зван...

К нам пути найдены,

Широки дороженьки,

Да пути обратного
Не найдет он сам!..
На Руси для врага
Хватит пуль да пороха,
Кос мужицких с вилами
У лесных костров...
Не полей с пригорками,
Не домов с пристройками,
А холмов с могилами
Да косых крестов!..»

Д а в ы д о в (*французскому полковнику*)

А где ваш полк стоит?

Ф р а н ц у з с к и й п о л к о в н и к. В помещиин соседнем!
Помещик там живет, и с ним красotka дочь.
Он всю усадьбу нам любезно предоставил!

Д а в ы д о в. Кто?

Ф р а н ц у з с к и й п о л к о в н и к.

Масленников.

Д а в ы д о в. Как? Он не уехал?

Ф р а н ц у з с к и й п о л к о в н и к. Нет.

Он дружит с нами и сегодня
Для нас устраивает бал!

Д а в ы д о в. По случаю чего?

Ф р а н ц у з с к и й п о л к о в н и к.

По случаю занятя

Войсками нашими Москвы!

Д а в ы д о в.

Как? Русский дворянин по случаю паденья
Столицы собственной устраивает бал?!

(С жестом в сторону французского полковника.)

Связать его и взять под стражу!

Трубить поход! Седлать коней!

Нет! Я клянусь гусарской честью —

Такого я еще доселе не слыхал!

Вперед, друзья! Ну, будущему тестю

Устроим мы сегодня бал!!!

Р у с с а р.

У нас ведется истари —

Пока есть кони быстрые,

Пока есть сабли острые,

А мы сидим в седле, —

Врагу у нас не здравствовать,

Не властвовать, не царствовать

На русской земле!

Хор партизан.

«Пока есть тропки узкие,
Пока есть люди русские,
Покамест партизанские
Костры горят во мгле,
Врагу у нас не здравствовать,
Не властвовать, не царствовать
На русской земле!»

Хор.

«Врагу у нас не здравствовать,
Не властвовать, не царствовать
На русской земле!

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Вечер. Богато убранный и украшенный цветами ранней осени зал усадьбы Масленниковых. Окна на террасу открыты. В зале горит множество свечей. Звуки вальса. Танцуют французские офицеры и «дамы» Великой армии. «Дамы» одеты пестро и вызывающе. Среди танцующих Агнесса, вальсирует в паре с французским капитаном. Сбоку стоит столик с винами и закусками. Дворовые люди Масленникова обносят присутствующих шампанским. В углу зала стоят сабли, принадлежащие танцующим офицерам. В окна светит луна. В момент поднятия занавеса группа офицеров во главе с подполковником поднимает бокалы, Среди них хозяин дома.

Группа офицеров (поднимая бокалы).

За Францию!

Масленников. Прекрасней нет на свете
Страны, чем Франция! Столицы, чем Париж!

Пьют.

Но скоро ль будет мир?

Подполковник. О, мир наступит днями!

Все кончено уже... Москва у нас в руках!

Масленников.

Предвидел это я. Войну с Наполеоном

Восту босомыдемо! Вель он непобедим.

Подполковник (Масленникову).

Вручил ли вам уже две тысячи червонцев

Наш казначей за хлеб и за фураж?

Масленников.

О да! Благодарю.

Капитан (заканчивая танец, Агнессе).

Мадемуазель Агнесса!

Скажите, правда ли, что вы обручены

С одним разбойником, которого мы ищем,
Чья голова у нас оценена?

Агнесса.

С кем, капитан?

Капитан.

С Давыдовым Денисом?

Оба они подходят к столику с вином и капитан наливает Агнессе и себе
в бокалы шампанское.

Агнесса.

Он предложение мне делал до войны!

И даже час назад письмо прислал мне...

Подполковник

С кем же?

Масленников.

С дворовой девкой.

Подполковник.

Где она?

Масленников.

Я запереть велел ее в сарае.

Подполковник.

Вы — молодец! Нельзя ли к нам сюда

Ее позвать? Споет пусть или спляшет...

Мы ей дадим бокал вина

И выпытаем, где скрывается Давыдов?

А по-хорошему не скажет — мы найдем

Другие, более внушительные средства!

Масленников (одному из дворовых).

Эй, приведите к нам сюда

Ту девушку, что велел я запереть в сарае!

Капитан (Агнессе, увлекая ее от столика).

Вы любите его?

Агнесса (кокетливо). Зачем вам знать об этом?

Капитан.

Жестоко, может быть, лишать вас жениха?

В сравнении с вашею прелестною головкой,

Что стоит этого бандита голова?

Агнесса.

Пять тысяч, кажется?..

Капитан.

Но мне тогда за вашу

И двадцать тысяч заплатит...

Агнесса.

Зачем же вам она?

Капитан.

Для поцелуев только!

Агнесса.

Она и так, любезный капитан,

От ваших слов уже чуть-чуть кружится стала...

Капитан наклоняется и незаметно для окружающих целует ее.

Оставьте... Мне пора садиться за рояль...
Сенные девушки вам спляшут русский танец.

Агнесса садится за рояль и играет. Сенные девушки начинают танцевать медленный и печальный танец.

Возгласы (*после окончания танца сенных девушек*).

— Прелестно! — Мило!

Подполковник. Да. Но мало в них огня!

Их танец медленен и несколько печален.

Дворовые вводят Настю.

Кто это?

Масленников. Девка та, что принесла письмо
Давыдова.

(Насте.)

Тебя как звать-то?

Настя. Настей.

Масленников.

Спой, Настя, и спляши для дорогих гостей!

Один из офицеров дает ей бокал вина. Настя отстраняет бокал.

Настя.

Не надо мне вина! Я для гостей незваных

Петь не приучена.

Масленников (*доставая плетку*).

Пой, говорят тебе!

Настя.

Увольте, барин...

Масленников (*замахиваясь плеткой*).

Будет хуже...

Пой, говорю!

Настя. Ну, коли так — спою!

(Поет.)

Когда бы волю мне, не птицей в поднебесье

Вспорхнула я в лучах сияющего дня...

Когда бы волю мне, то я бы стала песней,

Чтоб каждый мой пропел бы меня!

Когда бы волю мне, из вражеского стана,

Из стана вашего, я к другу не ушла...

Когда бы волю мне, то я метелью б стала

И к дому вам дорогу замела!..

Когда бы волю мне, я стала б темной ночью, —

Кромешной мглой для ваших глаз...

Чтоб света божьего не знали ваши очи

И чтоб мои не видели бы вас!

Когда бы волю мне, не птицей в поднебесье
Вспорхнула я в лучах сияющего дня...
Когда бы волю мне, то я бы стала песней,
Чтоб люди на́долго запомнили меня!..

Масленников.

Ну, и задам я ей за эту песню порку!
Эй, взять ее!

Дворовые люди хватают Настю.

Подполковник. Что? Порку? Никогда

Мы русской порки не видали.

На это зрелище позвольте нам взглянуть?

Одна из «дам».

О, это, видимо, ужасно как пикантно!

Масленников.

О, с удовольствием!

(Дворовым.)

Эй, тотчас на дворе

Все подготовить к порке! И немедленно

Мне доложить!

Подполковник. А мы ответно — вам

Покажем наш парижский танец.

(Капитану.)

А ну-ка, капитан, доставьте нам Марго!

Капитан выходит. Все взоры устремляются к дверям. Несколько офицеров вносят круглый стол и устанавливают его посредине зала. Еще двое вносят большой барабан и ставят его рядом со столом. Затем четыре офицера вносят на серебряном подносе полуголую танцовщицу Марго. Гремит музыка, и Марго исполняет вызывающий танец на столе и на барабане. Когда танец закончен, офицеры в восторге наливают в бокалы шампанское и организуют живописную группу вокруг стоящей на столе Марго.

Возгласы.

— Марго! — Марго! — О, браво! — Браво!..

В этот момент раздается звон разбитого стекла. Через окна и дверь на веранду в зал врываются русские казаки и партизаны Давыдова во главе со своим начальником. Несколько человек сразу бросаются к углу, где стоят сабли французов, и овладевают их оружием.

Давыдов.

Ну, погуляли — и довольно!

Эй, руки вверх! Кончайте ваш бедлам!

Французы поднимают руки. Часть офицеров кидается к дверям, но двери закрыты, тогда они тоже поднимают руки.

Ведите их во двор! Картину русской порки
Им показать хозяин обещал...
Так нам гостей обманывать негоже...
Снимите на дворе с хозяина штаны
И двадцать пять плетей ему влепите с жару!
А гости наши пусть посмотрят на него!
Потом военных взять под стражу,
А девок ихних отпустить!..

Гусары, казаки и партизаны Давыдова уводят пленных французов, а Масленникова тащит за собой Андрей.

А н д р е й (Масленникову).

Ты, барин, раз хлыстом огрел меня по заду,
Вот я сейчас с тобой и разочтусь!

Все уходят. Остаются Давыдов и Агнесса.

А г н е с с а (с гордостью).

Я вас прошу отца освободить немедленно
И эту вашу всю комедию прекратить!

Д а в ы д о в (спокойно).

Комедия была до нашего прихода,
Теперь возмездие настало.

А г н е с с а (понимая, что это не шутка).

Боже мой!..

Нет!.. Нет!.. Неправда!.. Вы его спасете?..

(Плачет.)

Д а в ы д о в.

Не плачьте... Видеть я не в силах женских слез...

А г н е с с а.

Но вы бесчестия отцу не нанесете?..

Д а в ы д о в.

Он сам себе его нанес!

А г н е с с а.

Нет! С дворянином, как с холопом,
Вы не поступите! Поймите, наконец,
Что это дворянин! Что это мой отец!

(Давыдов уходит.)

Не будьте, рыцарь мой, столь мстительным и злобным!

Я вас молю!.. Молю во имя

Моей любви — стать прежним вновь!..

Как вы руками сможете своими

Убить любовь мою?.. Убить свою любовь?..

Ужели я должна лежать у вас в ногах?

(Падает на колени.)

А-ах!..

Д а в ы д о в. Бесчестие в бою смывают только кровью,
Под свист железа и свинца...
И я любовью к вам, Агнесса, не прикрою
Позора вашего отца!..
Я вас любил!.. Я вас люблю!..
Но и один и с вами вместе
В грязи предательства и в омуте бесчестья
Я чувства к вам не потоплю!
За нашу землю нашей крови
Мы не жалели до сих пор —
И мы делили с родиною воевать
И честь ее... и славу... и позор!
Пушай Наполеон все полчища Европы
Введет в Москву — там он найдет свой гроб!..
(В сторону окна.)

А кто к врагу идет в холопы —
Пусть примет плети, как холоп!
Но я, как прежде, вас хочу назвать женою...
Навек связали нас вот эти два кольца!..
Идемте в мой шатер со мною,
Забудьте этот дом и вашего отца!

Слышна барабанная дробь.

А г н е с с а *(прильнув к окну)*.
О боже мой!.. Лишен отец мой чести!..

Д а в ы д о в.
Идете ль вы со мной?

А г н е с с а. Как? С тем пойду я вместе,
Кто моего отца не постыдился высечь?
С разбойником? Какая чепуха!..
Да, ваша голова оценена в пять тысяч,
Как голова бандита! Ха, ха, ха!
Подите прочь! Я видеть вас не в силах!
Возьмите ваш залог любви!

(Бросает ему кольцо.)

Д а в ы д о в.
Да!.. Голову мою французы оценили,
Но сердца моего не оценили вы!

(Бросает в свою очередь Агнессе свое кольцо и уходит.)

Входит Масленников. Одежда на нем изорвана. Он страшен.
М а с л е н н и к о в.

Что сделали со мной?! Я крови жажду! Мести!..
Как?! Дворянина? Будущего тестя,

Чтоб высечь на глазах у мужиков?.. У черни?!

Нет! Я его предам дворянскому суду!..

Агнесса (обнимая его).

Присядьте, батюшка!..

Масленников.

Нет, ласкою дочерней

Не утешай меня!.. Я до царя дойду!..

Агнесса.

Присядьте, батюшка...

Масленников (хочет сесть, но не может).

Ой, не могу!

Агнесса

Что с вами?

Масленников.

Вот дура тоже!.. Не могу присесть!..

Какой я дворянин теперь?.. Одно название!..

Где честь дворянская?.. Где честь?!

Агнесса.

Я с ним порвала все! С руки моей кольцо

Ему я бросила в лицо!..

Масленников.

Вот это зря!.. Он где-то близко...

В лесу соседнем, может быть?..

Могла ему послать любовную записку...

Увлечь его... В засаду заманить!..

Французам выдать за пять тысяч!..

И мечь!.. И деньги!.. И почет!..

Чтоб дворянина вдруг при всем народе высечь?..

Разбойник!.. Разин!!! Пугачев!!!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Лагерь партизан Давыдова. Широко распахнутый полог палатки. Виден стол, сколоченный из досок, и несколько табуреток. В углу ящик и над ним вешалка, на которой висят два сюртука Давыдова с полковничьими эполетами. Вокруг палатки густой лес — темные ели и желтые, с облетающей листвой, осенние березы. Хмурое утро. Воет и гнет березы ветер.

В момент поднятия занавеса в палатке Давыдов и Бекетов.

Бекетов.

Как воет ветер осени ненастной!

Давыдов.

Ты ошибаешься! Над нашей головой

Шумит победы буйный ветер

И с лавров листья рвет... Оставлена Москва

И в первый раз бегут войска Наполеона!

Бекетов.

Я вижу, вновь в тебе заговорил поэт?

Давыдов.

Нет, саблю на перо менять еще мне рано.

Входит Настя, но, увидев, что Давыдов не один, хочет уйти.

Что, Настенька?

Настя.

Гнет, барин, ничего...

Я просто так зашла...

Давыдов.

Мне показалось, что-то

Ты хочешь мне сказать?

Настя.

Безделица... Потом

Я вам скажу...

(Уходит.)

Слышен цокот копыт

Давыдов (вставая). Как будто конский топот?..

Оба выходят из палатки. Цокот копыт замер. Из-за деревьев выходят
Фигнер и Сеславин.

Давыдов.

Сеславин!

(Обнимает Сеславина.)

Бекетов.

Фигнер!

(Обнимает его.)

Сеславин.

Друг, Денис!

Давыдов.

Андрюшка! Пуш вари!

Появляется Андрей.

Фигнер.

Отставить! Не до пуша!

Давыдов.

Что приключилось?

Андрей уходит.

Фигнер.

Корпус Ожеро

В пяти верстах отсель!.. Две тысячи французов!

Ударим к ночи сообща на них?

Давыдов.

А сколько партизан у вас обоих вместе,

В отрядах ваших?

Фигнер.

Человек семьсот!

Сеславин.

А сколько у тебя?

Давыдов.

Примерно сабель триста...

Нас только тысяча, а их, французов,— две!

Сеславин.

Рискнем, Денис! Чем черт не шутит?

Давыдов.

Пусть черт и шутит тысячею жизней,

А я не черт. Я ими не шучу!

Сеславин.

Что ж, упустить французский корпус

И генерала Ожеро?

Фигнер (намереваясь уйти).

Тогда рискнем вдвоем, Сеславин!

Я думал ты, Денис,— гусар?!

Давыдов.

Постойте! Здесь неподалеку

Стоит Орлов-Денисов генерал...

В его отряде — полк пехоты

И пять орудий есть... Соединимся с ним?

Фигнер.

Не подойдет!

Давыдов.

Но почему же?

Фигнер.

Ты прост, Денис. Он — генерал...

Придется нам троим ему повиноваться,

И слава вся достанется ему?..

А славу уступать свою мне надоело

Паркетным шаркунам и сволочи штабной!

Бекетов.

Каждому — по праву!

Давыдов.

Нет, вы не правы!

Поверьте, славы жаль и мне...

Но для победы, а не славы

Мы проливаем кровь на собственной земле!..

Ища ли славы легкой и капризной,

В тяжелый час мы отдали Москву?

Да! Славу я люблю, но тысячею жизней

Своих солдат для славы не рискну!..

Пусть им достанутся награды

И пусть приходит слава к ним.

Что эта слава? — Легкий дым!

Она рассеется и не заслонит правды!

Как солнце всходит из тумана,

Приходит слава к нам сквозь клевету и ложь...

Пустая слава — та приходит слишком рано,

А до заслуженной — не скоро доживешь!..

Пусть как героев их приветствуют красотки...

Пусть ожидают их награды и успех...

У легкой славы век короткий!

А нашей славы — долгий век!

Сеславин.

Друзья! Он прав!.. Поедемте к Орлову..

Пускай командует!

Фигнер

(махнув рукой). Уговорил, Денис!

Черт с ним совсем! А все-таки досадно!..

Давыдов (Бекетову).

Вели коней седлать в поход!

(Уходит следом.)

Бекетов идет в другую сторону. Входят Настя и Андрей.

Андрей.

Что, Настя, ты смурная ходишь?

Настя.

Что делать мне? Ума не приложу...
Записку барышня прислала...

Андрей.

Его невеста, что ль? Агнесса?

Настя.

Да, она...

Просила нынче в семь его прийти в беседку,
В усадьбу их...

Андрей.

Ревнуешь, что ли?

Настя.

Нет...

Она Денис Васильича не любит...
Худого бы чего не сделала ему
В отместку за отца? Не верю ей!.. Не верю...
Змея она!

Андрей.

А где записка?

Настя (показывая ему письмо). Вот!

Отдать ему аль нет?

Андрей.

Как не отдать? Узнает —

Не поздоровится... Давай записку мне!

Настя (отдавая ему письмо).

Возьми, Андрюшенька... Мне жжет она ладони...
Отдашь ему аль нет?

Андрей.

Не знаю... Погляжу...

Входит штабной офицер в треуголке с пером.

Офицер.

Давыдов где?

Андрей.

Они в отъезде...

Офицер.

Скажи ему, что нынче в шесть часов
Фельдмаршал русских войск, их светлость, князь
Кутузов

Просил его, Давыдова, прибыть!

Андрей.

Все точно доложу!

С : . . .

Теперь к своей Агнессе

Их благородие не попадет никак!

Чай, от Кутузова часам к восьми, не раньше,

Прибудет сам...

Настя.

Вот радость-то, Андрей!..

Андрей заходит в палатку, надевает на себя мундир Давыдова, который
ему впору, и возвращается к Насте.

Глядите на него! Зачем мундир напялил
Денис Васильича? Аль пьян?

А н д р е й.

Эх, Настя, Настенька!.. Увидимся ль когда?
Не совладеть никак мне нынче с сердцем глупым...
Эх, Настя, Настюшка!.. Одна у нас беда,
Что оба мы с тобой их благородье любим!
Эх, Настя, Настенька! Знать, не дождусь я дня,
Когда у нас с тобой все будет любо-мило!..
Эх, лучше б ты его любила, как меня,
А как это меня любила!

Ты не плачь, осенний ветер!..

Да на зорюшке...

Ты кого хоронишь, ветер,

В чистом полюшке?

Вы над кем шумите, ели,

Словно молитесь?

Вы зачем, березы белы,

Книзу клонитесь?

Н а с т я.

Ты баринов мундир зачем надел, Андрюшка?

А н д р е й.

Заместо барина поеду в семь часов
К его Агнессе!.. Ежели и правда
Их благородье ждет она,—
Скажу, что он приедет завтра...
А ежели и впрямь удумали чего
Они с отцом — так могут по мундиру
Меня за барина принять...
И обо всем тогда я наперед дознаюсь.

Н а с т я.

А коль убьют тебя? Коль не придешь живой?!
Сам будешь ты тому виновник...

А н д р е й.

Ну что же... Лучше вестовой
Погибнет, нежели полковник!..

...и пошел к барине в комнату, где
бревенчатой избы.

...и разрез

К у т у з о в (по-отечески обнимая и целуя Давыдова).

Ну, молодец, Денис! Благодарю за службу!
Я дал тебе солдат лишь сотни полторы,
А пленных ты пригнал три тысячи без мала
За это время... Молодец, Денис!

(Садится в кресло.)

Д а в ы д о в.

Да разве это я с моим отрядом сделал?
А мужички? А сотни партизан?

К у т у з о в.

За это я тебе и говорю — спасибо,
Что мужичками ты не пренебрег!
Иные думают, что разум генерала
Один лишь и дает победу над врагом!..
Не спорю... Важен план... Но только плана мало.
Ты погляди, что делается кругом?
Как по лесам крестьяне бегут французам?
А кто крестьян ведет вперед?
Кутузов, что ли? Нет!.. Кутузов-то Кутузов,
Но и народ воюет! Сам народ!
Не генерал один выигрывает войны,
Как это думает иной!..
А ты, Денис, звеном достойным
Между народом был и мной!
Не только воин благородный,
И партизан ты был лихой..
Через тебя еще я слышал глас народный!..
И средь народа ты моею был рукой!
Вот я за что тебя благодарю..
Но обойден ты счастьем капризным.
Ты знаешь ли, тебя зачем сюда я вызвал?

Д а в ы д о в.

Не знаю.

К у т у з о в. На тебя есть жалоба царю!..
Ты дворянина высек?

Д а в ы д о в.

Высек...

Так он изменник!

К у т у з о в.

Да... Об этом слышал я.

Но, как поэт, Денис, ты все витаешь в **высях**,

А на земле есть жизнь своя.

Вот ежели б засек ты мужика безвинно.

Д а в ы д о в.

Но этот дворянин — бесчестный человек!

К у т у з о в.

Да я бы сам его и до смерти засек!

Но царь в изменнике-то видит дворянина!..
А чтобы сечь дворян — нет, братец, этих правил.

Вот почему донос, я полагаю, был.

К награде я тебя представил,

А государь не утвердил.

Д а в ы д о в.

Спасибо, князь, за слово правды!..
Не балует меня монаршая любовь...
Но я служу не за награды,
А за отчизну проливаю кровь!

К у т у з о в.

Ты прав, Денис... Скажу тебе особо,
Что и меня монарх не жалует, увы...
Не заслужили мы, видать, с тобою оба —
Ты царской милости, а я — его любви!
Но хоть Москву французам я и отдал,
Бежит Наполеон, затравленный, как волк!..
Исполнен долг перед народом,
И перед родиною выполнен мой долг!
Нам воевать уже недолгий срок осталось.
Бегут разбитые французские войска!..
Да вот устал я... Старость!.. Старость...
В дремоту клонит все... Знать
Смерть моя близка!..
(Тихо склоняет голову на грудь и дремлет.)

Давыдов, заметив, что фельдмаршал дремлет, тихо, на цыпочках, хочет уйти, но Кутузов вдруг открывает свой единственный глаз.

Постой, Денис... Взгляни, нет никого за дверью?

Д а в ы д о в (заглядывая за дверь).

Как будто никого...

К у т у з о в.

Ну, хорошо... садись.

Не верю я, Денис, тут никому... Не верю!..
Вздремнуть и то боюсь, Денис...
Боюсь щелей дверных, оконных...
Всего боюсь, брат... и не зря.
Следят за мною все... Французские шпионы.
Английские... и нашего царя...
Все что-нибудь разнюхать рады,
И каждому при мне шпион необходим.
За ними уследить мне три бы глаза надо,
А у меня всего один!
Вот и не сплю ночей... Глупые люди в войске
Дивятся — почему? Им это невдомек...
А вот тебе, Денис, я верю... Так по-свойски
Ты тут побудь, а я вздремну часок...

Голова Кутузова тихо клонится, и он дремлет. Давыдов становится у дверей и охраняет сон фельдмаршала русских войск. Медленно гаснет свет, и вместо избы, где заснул Кутузов, вновь среди того же леса раскинута палатка Давыдова. Вечер. Луна. Справа у палатки разгорается костер. В палатке Денис Давыдов и Бекетов. На столе горят свечи.

Бекетов (входя).

Был у Кутузова?

Давыдов (что-то пишет. Откладывая перо).

Был... Только что вернулся.

Бекетов.

Что князь?

Давыдов. Благодарит за службу нас с тобой.

Андрюшка мой куда-то провалился!

Бой через час... Куда б он деться мог?

Бекетов.

А кто командует? Орлов-Денисов, что ли?

Давыдов.

А кто ж еще? Он — генерал!

Ну, ничего! С его пехотой легче

Мы одолеем корпус Ожеро.

Бекетов (с жестом в сторону пера и бумаги).

Ты что? Стихи писал?

Давыдов (пряча бумагу).

Так... Баловался малость.

Бекетов.

Забыл свою Агнессу или нет?..

Давыдов.

«Не пробуждай, не пробуждай

Моих безумств и исступлений,

И мимолетных сновидений

Не возвращай, не возвращай!

Не повторяй мне имя той,

Которой память — мука жизни,

Как на чужбине песнь отчизны

Изгнаннику земли родной.

Не воскрешай, не воскрешай

Меня забывшие напасти,

Лай отлохнуть твоегоам стоасти

И ран живых не раздражай.

Иль нет! Сорви покров долой!..

Мне легче горя своеволье,

Чем ложное холоднокровье,

Чем мой обманчивый покой.»

Бекетов.

А если бы она письмо тебе прислала?..

Д а в ы д о в.

То я бы к ней, как ветер, полетел!

За сценой слышен шум. Несколько гусар во главе с Бедрягой вносят смертельно раненного Андрея. Он в полковничьем мундире, с ним Настя. Гусары кладут Андрея у входа в палатку.

Что там за шум?

(Выходит из палатки.)

Андрюшка?!. Ранен?..

Б е д р я г а.

Конь полумеотного ломчал его сюда!

А н д р е й.

Денис Васильич... Ваше благородье...

Коль вы... когда-нибудь... получите письмо...

От вашей барышни... Агнессы...

Не верьте ей, змее... Не верьте... А меня...

На том простите... Ваше благородье...

И ты... Настасьюшка... прости...

(Умирает.)

Д а в ы д о в.

Андрей!..

Б е д р я г а.

Все кончено...

Д а в ы д о в.

А почему в мундире

В моем, полковничьем, он оказался вдруг?

Б е к е т о в *(наклоняясь над Андреем).*

В его руке какая-то записка?..

(Разжимает руку Андрея и берет из нее письмо Агнессы.)

Д а в ы д о в.

Дай мне взглянуть!

(Берет письмо у Бекетова.)

Ее письмо!..

Она писала мне!

Н а с т я.

Ах, не гневитесь, барин...

Записку эту передали мне...

Да только мы не верили с Андреем

Невесте вашей... А когда

К их светлости поехали вы мундир

Заместо вас, надевши ваш мундир,

Поехал к барышне Андрей, чтобы дознаться,

Не злое ль что замыслила она?..

И вышло так... Да обозналась пуля,

И вместо вас — его нашла!..

Д а в ы д о в.

Какую преданность... любовь... и благородство...

В простых сердцах находим мы порой!

Но чуе сердце... месть Агнессы
Не кончится на этом... У царя
Еще должна судьба моя решиться!..

Бекетов (*наклонясь над телом Андрея, вытаскивает из-под мундира платок, переданный в свое время Настей для Давыдова*).

Какой красивый девичий платок
Он на сердце берег!

Бедряга. Наверно, от зазнобы!

Глядите! Кровь на нем...

Давыдов (*беря платок*).

Отдайте мне платок...

Я сохраню его на память об Андриюшке!..

Настя (*вырывая платок у Давыдова*).

Нет, барин! Нет! Он мой!..

Давыдов. Ах, твой?..

Бедряга.

Так вот кто был его зазнобой!

Давыдов.

Ну что ж... возьми, коль был тебе он мил!..

Настя.

Кого я с детских лет жалела и любила,
О ком вздыхала я по многу раз на дню —
Теперь в сырой земле с немилым или милым
Я тайну девичью навеки схороню...
Придет весна опять... Слезу роса обронит
На те цветы, что зааеют вновь,—
Где рядом с мертвым заживо схоронят
И девичьи мечты и девичью любовь!
Не все ли вам равно, с немилым или милым
Я схороню любовь, навек расставшись с ней?..
Кто склонит голову перед его могилой,
Тот и любви поклонится моей!..

(*Вновь бросает платок на грудь Андрея.*)

Хор гусар (*песня солдатской славы*).

Спокойно, солдаты!.. Плакать не надо...

Над тем, кто со славою пал...

Пусть тихо зарюют солдаты солдата

В ту землю, что он защищал!..

И пусть он, когда заиграют тревогу,

Ружья не возьмет своего...

Но будет шагать с отделением в ногу

Солдатская слава его!..

Но полк не забудет того, кто когда-то

Со славой во брани уснул...

И будет у знамени слава солдата
Почетный нести караул!..
И пусть на могиле его неизвестной,
Где холм невысокий да крест,
Уронит слезу молодая невеста
И воин отдаст ему честь!

Входит незнакомый офицер и протягивает Давыдову бумагу.

Офицер.

От генерала вам приказ!
Орлов-Денисов просит вас
С отрядом выступить скорей,
Чтобы на марше вы его опередили!..

Давыдов (склонившись над телом Андрея).
Прощай, мой верный друг Андрей!..

(Гусарам.)

В полковничьем его похоронить мундире!

(Уходит.)

Следом за ним идут Бекетов, Бедряга, офицер и гусары.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Зал Виленского дворца, разделенный белыми мраморными колоннами. Слева главный зал, где танцуют. Зрителю видна только часть его. Справа отделенный колоннами небольшой уголок зала с камином, у которого в момент поднятия занавеса сидит император Александр I. Вокруг него стоят несколько генералов, среди которых находится и Кутузов. Когда поднимается занавес, бал-маскарад в разгаре, и танцующие пары в различных костюмах и масках, как бы мимоходом, во время танца стараются попасть в тот небольшой уголок зала, где сидит император. Среди танцующих обращает на себя особенное внимание цыганка в маске. Она танцует с монахом, лицо которого скрыто под капюшоном.

Александр I (*Кутузову*).

Кто эта, князь, прелестная цыганка

Танцует в зале? При дворе своем

Я до сих пор ее не замечал как будто?..

Кутузов (*с иронией*).

Не знаю, государь... И у меня она

При штабе и в войсках как будто не служила!

В противоположном углу вновь появляются цыганка и монах. Монах приподнимает капюшон. Это — Масленников.

Масленников.

Его величество тебя заметил:..

Цыганка.

Правда?..

Масленников.

Ты смело подойди, мое дитя, к нему...

«Ваше величество, скажи ему, — позвольте

Вам погадать?» Он руку даст тебе...

Тогда скажи ему, что через час, не позже,

Свершится то, чего он так желал:

С оружием в руках ни одного француза
Не будет больше на его земле!
Тогда тебя он спросит: «Как? А Гродно?..
Еще в руках французов до сих пор?
А это город мой!» Тогда ты скажешь: «Значит,
И часа не пройдет, как Гродно будет взят!
Так говорит судьба».

Цыганка. А правда, взят он будет?

Масленников.

Он взят уже... Но государь еще
Не знает этого. Ему помогут вскорее

Цыганка.

А если скажет он — не надо мне гадать?

Масленников.

Нет, он не скажет так. Он суеверен очень.
Иди...

Цыганка направляется к царю. Монах исчезает.

Цыганка (*цыганской скороговоркой*).

Царь-батюшка, дай ручку — погадаю!..
Что ждет тебя все наперед скажу..
Свою судьбу, если узнать ты хочешь, —
Все расскажу тебе, что сбудется, что нет?..
Не бойся, государь, — дай ручку, погадаю!..

Александр I.

Ты хорошо свою играешь роль!
Ты — кто? Цыганка? А?

Цыганка (*той же скороговоркой*).

Была дворянкой раньше,

Потом цыганкой стала, государь..
Захочешь ты — опять дворянкой стану..
Дай ручку, государь, всю правду расскажу!..

Александр I (*протягивая ей руку*).

Ну, ладно... Погадай.

Цыганка (*рассматривая его ладонь*).

Ой, счастье большое

Мое... И желание твое

Должно в течение часа сбыться!..
И часа не пройдет, как на твоей земле
Ни одного французского солдата
Уже не будет!..

Александр I (*смеясь*).

Ой, цыганка, врешь!

Еще в руках французов город Гродно.

Цыганка.

Ну, значит, не пройдет и часа, государь,
Как он в твоих руках окажется...

Александр I. Спасибо!..

Теперь прошу тебя я маску снять...

Цыганка (обычным тоном, без скороговорки). О нет!..

Ваше величество! Покамест предсказанье
Мое не сбудется, я маски не сниму!

Александр I.

Что за какой себе ты тобвешь награды
За предсказание?

Цыганка. Возмездья, государь!

Александр I.

Возмездия? Кому?

Цыганка. Давыдову Денису!

Александр I.

Давыдов? Это кто ж? Не тот ли, что писал
Стишки какие-то? И мной из Петербурга
Был изгнан прочь за пасквили свои?

Кутузов.

Да, государь. Но это храбрый воин
И партизан, прославленный в боях!

Александр I.

Но жалобу имел я на него недавно.
Он дворянина русского посмел
Публично высечь, князь! Бить дворянина плетью?!
Самоуправству этому конец
Я должен положить!

Цыганка (снимая маску). И дворянином этим,
Ваше величество, был мой родной отец!
Сражен под старость этим горем,
Ужель в бесчестьи он умрет?..
И с ним навеки опозорен
Наш честный, наш дворянский род!
Чтоб дворянина сечь, как мужика простого?
Такого не было и встарь!
Пусть приговором нам послужит ваше слово...
Возмездия! Возмездья, государь!!!

(Падает перед Александром на колени.)

Александр I (приподнимает ее).

Что скажешь, князь?

Кутузов.

Денис Давыдов
Не только храбрый офицер...
Войны народной — он зачинщик,

И вдохновитель, и герой!..
А этот дворянин доподлинно изменник!

Александр I.

Но тем не менее он русский дворянин!
А в этой вот войне народной, партизанской,
Мне кажется, есть пугачевский дух!..
Не мужичью судить дворян за их поступки,
Но мне судить! А за самоуправство
Под суд Давыдова прошу отдать! Под суд!

Кутузов.

Ваше величество! Он тем уже наказан
что вами не был он ни разу награжден
За подвиги свои... Наказывать два раза
Никто не должен за одну вину...

Александр I (*Агнессе, величественно*).

Приятней было б нам исполнить вашу просьбу...
Но и фельдмаршалу нам трудно отказать,
Столь велики его заслуги перед нами...
Так пусть решит сама судьба!
Коль предсказанье ваше совершится,
Мы отдадим Давыдова под суд!..
А если нет,— тогда, прошу прощенья...
Дитя мое, доверимся судьбе!..

(*Подает руку Агнессе и начинает вместе с нею танец.*)

Гремит музыка. Бал продолжается. Входит адъютант государя. Он, видимо, должен сообщить что-то важное. Музыка танца обрывается.

Адъютант.

Ваше величество! Позвольте доложить —
Ни одного французского солдата
С оружием в руках нет больше на Руси!
Был час назад захвачен город Гродно
Одним полковником и гарнизон пленен!..

Александр I.

А где он сам?

Адъютант. Войти не смеет...

Он грязен... Был в бою... Его мундир в крови!..

Не важно! Пусть войдет! Я лично
Георгиевский крест сам приколю ему!

(*Агнессе.*)

Решение судьбы свершилось в вашу пользу.

(*Кутузову.*)

Отдайте, князь, Давыдова под суд!

Кутузов молча склоняет голову.

Вином наполните бокалы!

(Агнессе.)

И сами вы, мое дитя,

Бокал вина герою поднесите!

И «Славу» музыка пусть возвестит ему!

Оркестр играет «Славу».

Об щ и й х о р.

Герою — слава! — Слава! — Слава!

Входит Давыдов. Его мундир в крови. Сам он грязен и не брит.

Агнесса (подносит ему бокал и вдруг отшатывается).

Что вижу я?!

Давыдов.

Агнесса?!

Агнесса (роняя бокал, который разбивается).

Боже мой!!!

Пауза. Царь, узнав Давыдова, тоже делает шаг назад.

Кутузов (передавая Давыдову свой бокал).

Бокалы бьются — это к счастью!

Возьми, Денис, и выпей мой бокал!..

Оркестр продолжает играть «Славу». Давыдов осушает бокал. Еще не догадываясь о происшедшем, все пьют вместе с ним.

Кутузов (Александр).

Ваше величество как будто обещали

За подвиг дать ему георгиевский крест?..

Александр в смущении опускает руку, в которой он держал георгиевский крест.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Берег Немана. Предрассветная синева. Справа мелкий кустарник. Около кустарника костер, вокруг которого с одной стороны Давыдов, Бекетов, Бедряга, гусары и казаки. С другой — партизаны, среди которых Настя. Слева — темный лес и вниз к Неману спускается белый, нетронутый снег. Вдали мост и переправа.

Бедряга и хор гусар (партизанам).

Вот Неман — русская граница!

Вам путь назад, а нам вперед...

Лишь запоеет труба горниста,—

Вы по домам, а мы — в поход!

Бекетов и хор казаков.

Но не на праздник и не в гости

Идя, друзья, а в смертный бой,—

Возьмем родной земли по горсти
И унесем ее с собой!

Гусары и казаки наклоняются и насыпают землю в ладанки.

Давыдов, Бедряга, Бекетов, хор гусар и казаков.

Где б ни шумело наше знамя,
Судьбу солдатскую деля,
Пусть будет всюду вместе с нами
Родная русская земля!

Один из партизан (Давыдову).

А чем вас, ваше благородие,
Царь-государь за службу наградил?

Давыдов.

Чем наградил? Хотел отдать под суд...
Потом раздумал и не отдал!
Чем вас, тем и меня... Награда наша в том,
Что мы оберегли от врага Россию!..
Награда будет нам от внуков да сынов...
И память добрая — вот наша вся награда!

Над Неманом занимается заря. Светлеет. Поет труба горниста. Гусары и партизаны поднимаются.

Приходит время расставаться,
Уже труба трубит поход...
Спасибо вам за службу, братцы!..
(Кланяется партизанам.)

Тебе я кланяюсь, народ!

Партизаны кланяются в ответ и уходят. Давыдов подходит к Насте и, обняв ее за плечи, идет с нею в левую часть сцены, где висятся покрытые серебряным инеем ели.

Давыдов.

Уже редет мгла лесная
С зарею нежно-голубой...
Не знаешь ты и я не знаю,
Когда мы свилимся с тобой?
О счастье мы друг друга не просили,
Хотя о нем вздыхали и не раз...
Но лишь с тобою, как с Россией,
Прощаюсь я в заветный час!..
С твоею строгою и русской,
С твоей застенчивой красой,—
С твоею шелковой и русой,
Тяжелой девичьей косой!..

В твоих глазах стоят озера,
Они темны и глубоки,—
В них дышат дальние просторы,
Горят степные огоньки!..
В краю чужом я буду помнить
За каждой пройденной верстой
Твои глаза в ресницах темных,
Как васильки во ржи густой!..
О счастье мы друг друга не просили,
Хотя о нем вздыхали и не раз...
Прощаюсь я в заветный час!..

Н а с т я.

Не знаю — свидимся ль мы снова,
Удастся ль мне еще хоть раз на вас взглянуть?..
Спасибо вам за ласковое слово,
Денис Васильич... Добрый путь!

Настя кланяется Давыдову в пояс. Давыдов троекратно по русскому обы-
чаю целует ее. Вновь поет труба.

Д а в ы д о в (*резко оборачиваясь к гусарам*).

Пусть ветер шумит в поднебесье!
А ну-ка, давайте скорей
Гусарскую шалую песню
Да добрую тройку коней!
Гусары! В предутренней сини
Походное солнце встает
За счастье России!
За правду России!
За славу России!
Вперед!

Х о р.

За счастье России!
За правду России!
За славу России!
Вперед!!!

Г у с а р н а о б л у ч к е.

Э-гей! Да куда же ты, шалый?
Играй, вороной, да не балуй!

Давыдов, Бекетов и Бедряга садятся на тройку. Гусарский хор запекает
лихую песню.

Х о р.

Вперед, мой друг, вперед,— гусары мы с тобой!

Твой доломан в крови — мой кивер продырявлен!
Что ждет нас впереди — пирушка или бой?
Чему звенеть в ушах — бокалам или саблям?
Что будет течь рекой — вино иль наша кровь?
Не все ли нам равно? Гусар вперед стремится!..
Не будет слава ждать! Не будет ждать любовь!
А смерть и подождет — куда ей торопиться?

З а н а в е с

1953—1955 гг.

ПОБЕДИТЕЛЕЙ СУДЯТ

Исторические драмы

ДРАМА В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ.
ОДИННАДЦАТИ КАРТИНАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Рауль Риго — член Парижской Коммуны, делегат Общественной безопасности, позднее прокурор, бланкист, 25 лет.

Гюстав Жантон — рабочий, член I Интернационала, бланкист, в дни Коммуны — следователь по политическим делам и командир 66-го батальона Национальной гвардии, 45 лет.

Эжен Варлен — член Парижской Коммуны, секретарь Парижской федерации I Интернационала, позднее военный делегат, 32 года.

Шарль Делеклюз — старый революционер, последователь якобинцев, в дни Коммуны — член Комитета общественного спасения, 62 года.

Ярослав Домбровский — польский революционер, генерал Коммуны, 35 лет.

Шарль Беле — член Коммуны и ее старейшина, делегат Французского банка, прудонист, 76 лет.

Артур Арну — член Коммуны, прудонист, 37 лет.

Виктор Клеман — член Парижской Коммуны, прудонист, 35 лет.

Анри Оссеран — командир XII легиона Национальной гвардии, затем начальник главного штаба, а позже — военный делегат, 27 лет.

Маркиз де Сек — крупный капиталист, вице-директор Национального Французского банка, 56 лет.

Барон Альфонс де Ротшильд — банкир, один из регентов Французского банка, 55 лет.

Жеккер — банкир, 60 лет.

Жюль Фавр — министр иностранных дел так называемого правительства Национальной обороны, а позже и версальского правительства, 62 года.

Жюль Трошю — генерал, военный губернатор Парижа и председатель правительства Национальной обороны, 56 лет.

Князь Отто фон Бисмарк — канцлер Германской империи, 56 лет.

Мадлен де Сек — дочь маркиза де Сека, 19 лет.

Мари Лавинь — актриса, любовница Риго, 23 года.

Роза Блюм — агент банкира Блейхфельда 28 лет.

Поль — лакей де Сека.

Лагард — парижский викарий, 55 лет.

Дютрен — служащий Французского банка.

Доктор.

Первый гвардеец.

Второй гвардеец.

Рабочие, женщины-работницы, цветочница, гвардейцы, солдаты, офицеры, участники баррикадных боев. Секретарь Бисмарка, кассир Французского банка, сторож.

Место действия — Париж и Франкфурт-на-Майне.

Время действия — 1871—1872 годы.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Кабинет маркиза де Сека в его доме, обставленный мебелью гладкого полированного дерева. Кабинет имеет одну входную дверь и три широких окна. В окна видны безукоризненные аллеи парка. Вся обстановка кабинета комфортабельна, но отсутствие золота в отделке придает ей скромный вид. В глубине кабинета стоит небольшой, изысканно сервированный столик. В момент поднятия занавеса в кабинете де Сек и Лагард.

Де Сек.

Итак, святой отец, пройдем спокойно мимо
Не стоящих вниманья мелочей...
Чего желает Ротшильд?

Лагард.

Мира.

Де Сек.

Точней, святой отец... точней.
Какими выгодами движем,
Желая мира, господин барон?

Лагард.

С тех пор как немцы под Парижем
И город ими осажден,
Народ волнуется...

Де Сек.

Барон боится бунта?

Лагард.

Он опасения такие выражал...
Не только ружья, но как будто
И пушки есть у парижан?

Де Сек.

Есть, есть, святой отец.

Лагард.

И было два восстанья.

Де Сек.

Да, было два... Они не удались.

Лагард.

Но ведь нельзя сказать заранее,
Что третье, господин маркиз,
Им не удастся?

Де Сек.

Может, и удастся.

Лагард.

И вы так думаете?

Де Сек.

Да.

Сейчас в руках у государства
Власть недостаточно тверда.

Лагард.

Барон сказал: война не может продолжаться,
Если события пойдут таким путем...
Париж похож на паровой котел,
Который может каждый день взорваться!

Де Сек.

Так Ротшильд хочет мира! Значит,
Условия Бисмарка мы подписать должны?

Лагард.

Все в воле господи!..

Де Сек.

Конечно. Но иначе

Бог не согласен прекратить войны?
Пять миллиардов франков контрибуции
Плюс Лотарингия и вместе с ней Эльзас!..

Лагард.

Ну, деньги...

Де Сек.

Что?..

Лагард.

Я думаю, найдутся.

Де Сек.

У нас? У Франции?

Лагард.

Нет.

Де Сек.

У кого? У вас?

Лагард.

Мне, божьему слуге, откуда взять так много?

Де Сек.

Оставьте бога в стороне

Вы больше служите мне, например, чем богу.
И больше Ротшильду, чем мне.

Лагард.

О господин маркиз!..

Де Сек.

Никто не знает ближе

Вас, господин Лагард, чем я... Хотя на этот раз
Вы дураком меня считаете, я вижу,
Но я-то глупым не считаю вас.

Так, значит, Ротшильд, он восстания боится?
И хочет мира только потому?
Такая стреляная птица,
Как вы, и верите ему?

Лагард.

А вы не верите?

Де Сек.

Не верю.

Лагард.

Но почему ж тогда желает мира он?

Де Сек.

А это я скажу, но за закрытой дверью,
Где будем я и господин барон!
Все это выясним мы с ним, в конечном счете,
И не поздней сегодняшнего дня.
Уж если Ротшильда вы мне не продаете,
Так, значит, Ротшильду вы продали меня!
Но, господин Лагард, заметьте —
Вы человек, единственный на свете,
Случайно знающий... и по моей вине...

Лагард.

Жизнь вашу в Турции?.. И знающий о деле,
Которое едва не привело к войне,
Но привело к тому, что вы разбогатели?..
Да!.. С точки зрения государства,
Где есть законы, суд и ряд других преград
К приобретению богатства
Подобным образом...

Де Сек.

Вот именно, Лагард!

Лагард.

Но, господин маркиз, мое такое мнение,
Что к золоту законных нет путей!
Недаром золото свое происхождение
Не афиширует, в отличие от людей.
Потомки будут знать...

Де Сек.

Я мало о потомках
Завочусь... С ними я иметь не буду дел.
Но если Ротшильд будет знать о том, как
Я, господин Лагард, разбогател...
О банке в Турции, об акциях пропавших...
То, должен вас предостеречь,
Я в тот же день на похоронах ваших
Произнесу торжественную речь!

Лагард.

О господин маркиз! Как можно думать даже?

Де Сек.

Не притворяйтесь! Наконец,
Я вас предупредил, а там уж дело ваше...
Какие новости еще, святой отец?

Лагард.

Особых нет... Одна артистка...
Мари Лавинь... — я с ней давно знаком,
Являясь, так сказать, ее духовником, —
На исповеди мне покаялась, что близко
Сошлась с безбожником одним...
А так как этот грех из всех грехов невозможных
Есть грех двойной, поскольку он безбожник,
Она спросила: можно ли ей с ним
Встречаться впредь? Узнавши имя
Ее безбожника, я отпустил ей грех...
Среди бунтовщиков, в сравнении с другими,
Я думаю, что он опасней всех...
Ближайший друг Бланки!

Де Сек.

Чудесное знакомство!

А как его фамилия?

Лагард.

Риго.

Де Сек.

Риго? Да он для нас сейчас находка просто!
Вы подкупить не сможете его?

Лагард.

Он неподкупен.

Де Сек.

Что?!

Лагард.

Он человек идеи...

Де Сек.

Не говорите глупостей при мне!
На свете есть одна идея — деньги!
Все продается. Весь вопрос — в цене.

Лагард.

Но можно действовать еще и словом божьим...
Зачем вам тратить? Я полагаю, — впредь
Мы информацию полезнейшим образом
Через его любовницу иметь!..

Де Сек.

Ну, с богом, действуйте, раз это экономней!

Лагард.

Что, не вернулась ваша дочь Мадлен?

Де Сек.

Нет, дорогой Лагард! Уже невольно все мне
Приходит в голову... Насилие... и плен...

Лагард.

Она ж в монастыре?

Де Сек.

Да, в монастырь учиться

Я отослал ее — и сделал это зря.

Лагард.

Да что же может с девушкой случиться,

Особенно в стенах монастыря?

Де Сек.

Но этот монастырь в полупути от Меца.

Она — красавица. Ей девятнадцать лет...

Там шли бои. Там были наши, немцы...

И сведений о ней уже полгода нет...

И нет, святой отец, душе моей покоя.

Все думаю о ней, во сне и наяву...

Ведь если что-нибудь случится с ней плохое —

Я стар уже, я не переживу...

Лагард.

Кто любит так — тот человек счастливый!

Де Сек.

Да... С дочерью разлука мне невмочь...

Лагард.

Ну, а за сколько бы смогли вы

Ее продать?

Де Сек.

Кого — «ее»?

Лагард.

Ну... дочь...

Де Сек (он ошеломлен).

Вы что?.. Сошли с ума?!

Лагард (спокойно).

Нет, я здоров вполне.

Де Сек (вставая).

Как вы осмелились слова сказать мне эти?!

Лагард (так же спокойно).

Но вы сказали, что на свете

Все продается... Дело лишь в цене?

Де Сек (несколько раз нервно пройдясь по комнате).

А вы не знаете, кто он?

Лагард.

Нет. Ротшильд вас богаче,

А он бы мог продать и дочь и сыновей.

Де Сек.

Что это значит?

Лагард.

Это значит...

Что, видимо, он вас сильнее.

За деньги он в куски родную мать искрошит.

Де Сек.

А что же бог-то ваш? Не видит ничего?

Часы бьют половину пятого.

Лагард (посмотрев на часы, поднимается).

Нет бога, кроме золота, а Ротшильд,

Он на земле — пророк его!

(Кланяется и уходит.)

Де Сек (один).

Так! Половина пятого. Министры

Ко мне должны прибыть к пяти.

Но Ротшильд человек решительный и быстрый,

Он должен раньше, видимо, прийти...

Сперва со мною скряга старый

Уговориться должен обо всем...

А может быть, он думает, что даром

Я соглашусь на мир?.. Осел!

Пускай министрам врет, что в положение данном

Он революции боится, как огня...

Входит лакей.

Лакей.

К вам господин барон с какой-то дамой.

Де Сек.

Дамой?

Вот дама — новость для меня.

Входят Ротшильд и Роза Блюм.

Ротшильд.

Я к вам, маркиз, не опоздал, наверно?

Де Сек.

Вы, господин барон, всегда мой первый гость!

Ротшильд.

Богатство Ротшильдов с того и началось,

Что предок мой явился в Лондон первым,

Едва замолкли пушки Ватерлоо,

За это он и был вознагражден сторицей.

Де Сек.

Вас обстоятельство такое ж привело?

Ротшильд.

Нет, господин маркиз, я просто раб традиций.

Прошу знакомиться...

Де Сек (Розе Блюм).

Де Сек.

Ротшильд.

Агент наш. Роза Блюм. Ее прислал Блейхредер.

Де Сек (с хорошо разыгранным изумлением).
Блейхредер?! Как? Ведь этот человек —
Друг Бисмарка...

Ротшильд. Ну что ж! И нам он тоже предан.
Блейхредер — много лет поверенный в делах
От дома Ротшильдов во Франкфурте-на-Майне...

Де Сек (почти с негодованием).
Как? Даже в дни войны с Германией?
Вы, господин барон, внушаете мне страх.
Такая связь с врагом меня пугает.

Ротшильд. *Гавр?*
Я к вашей робости, признаться, не привык.

Де Сек.
Но в дни войны с врагом обычно рвут все связи.

Ротшильд.
Ну да, конечно... кроме деловых.
Как раз благодаря известным связям нашим
Мы можем Франции решительно помочь.

Де Сек.
Чем, например?

Ротшильд. Вот в перемирье, скажем,
Блейхредер оказать услугу нам не прочь.
А долго ль мы еще обороняться станем?
Или война вам эта по душе?
В Париже, что ни день, восстанье за восстаньем,
Правительство теряет власть уже...
Поскольку пушками владеет чернь Парижа,
Конечно, нужен мир! Иного нет пути.
Уж если не спасти военного престижа,
Так надо просто Францию спасти!
Я думаю, принять нам было бы умнее
Условия Бисмарка, хоть неуступчив он,
Чем сразу потерять все то, что мы имеем,
А может быть, и жизнь...

Де Сек. Который час, барон?

Ротшильд.

Де Сек. Досадно,
Что мало времени. Трошню придет в пять,
А вместе с ним и Фавр.

Ротшильд. Я думаю, нам надо
На перемирии сегодня настоять.

Де Сек.
Два обстоятельства вам действуют на нервы
И заставляют вас стоять за мир, барон.

Вы очень правильно сказали мне о первом
И так же правильно молчите о втором.
Скажите, фрау Блюм: Блейхредер хочет мира?

Роза Блюм.

Все, господин маркиз, устали от войны.
Мы, немцы, тоже.

Де Сек. Очень мило

И благородно с вашей стороны!
(Ротшильду.)

Теперь позвольте мне возможно откровенней

Рассказать вам некоторые тайны.

Ваш младший брат, Ансельм, он банк имеет в Вене,

А средний — в Лондоне?

Ротшильд.

Натан.

Де Сек.

Так вот, как раз они назад тому три года
По просьбе Бисмарка устроили вдвоем
Его правительству для одного похода
Через Блейхредера известный вам заем.
Был ротшильдовский дом как будто не обижен,
Проценты Пруссией платились до сих пор...
А в результате — немцы под Парижем,
И мы ведем вот этот разговор.
Но мы должны платить пять миллиардов франков.
При соглашении воюющих сторон,
Чтоб Бисмарк внес их в кассы банков
Двух ваших братьев, господин барон!
Но кто же Франции предложит сумму эту?
Наш золотой запас, увя, не столь богат...
Кто даст нам золото? Скажите по секрету...

Ротшильд.

Но... я не знаю...

Де Сек (кланяясь Ротшильду).

Третий брат!

Двум братьям Пруссия проценты платит с займа,

А третий — с Франции получит их сполна.

Но в чем здесь главная тайна?

А в том, что стран тут две, а касса-то одна!

Хоть ваши деньги вы и Франции даете,

Но это, собственно, по виду, только так,

Поскольку попадут они в конечном счете

В ваш лондонский и венский банк.

Нет больше Франции, сколь это ни печально!

Нет больше Пруссии. Есть ротшильдовский дом!

Не скрою, этот план придуман гениально

И гениально выполнен притом.
Ведь это факт почти беспрецедентный!
Сироты!.. Вдовы!.. Нищета!..
И сотни тысяч трупов — за проценты,
Которые пойдут на личные счета
Трех братьев Ротшильдов!.. Но два, в конечном счете,
Стригут чужих овец. Но вы-то, третий брат,
Свою страну при этом продаете?!

Ротшильд.

Э, беллетристика!

Де Сек.

Ах вот как? Виноват!

Раз беллетристика, то я рассказ об этом

По адресу сегодня передам...

Ротшильд.

По адресу? Куда?

Де Сек.

Ну как — куда? Газетам.

Ведь беллетристику обычно ценят там.

С какою радостью, взамен обычной скуки,

Париж проглотит этакий сюрприз!

Ротшильд.

Ну, господин маркиз, я поднимаю руки.

Довольно, господин маркиз!

За то, что человек вы, безусловно, умный,

Я с вами поделюсь, маркиз... не пополам,

Но двадцать пять процентов с общей суммы

Дать Франции займы я разрешаю вам.

Мы можем посмотреть на это дело шире...

Пусть будет компаньон! Не все ли нам равно?

Ну-с, этим самым перемирие,

Я полагаю, решено?

Я, как вы видите, веду дела не скупо

И торговаться не привык:

Идут сироты, нищета и трупы

За семь процентов годовых

С полумиллиарда?.. Соглашайтесь смело!..

Де Сек.

Вот это, так сказать, уже другое дело!

Ротшильд.

Так, смею думать, вы согласны?

Де Сек.

Согласен... Но виной тому не деньги. Нет!

(Целует руку фрау Блюм.)

Виной тому, что я не победил соблазна,

Ваш восхитительный агент!..

Нас, господин барон, я полагаю, самый

Суровый суд не смог бы обвинить:
Не только что жене с такой прелестной дамой,
Но даже Франции не стыдно изменить!

Роза Блюм.

Вы истинный француз... по отношению к дамам!

Де Сек.

У нас во Франции ценить умеют их.

Ротшильд.

Особенно с таким приданым,
Как тридцать пять миллионов годовых!
Вы Роза скажете Блейхредеру о том, что
Здесь перемирие уже заключено.
Дипломатическая почта
Вас не обгонит.

Роза Блюм.

Видите ли... но...

Хотя все главное в моей короткой миссии
Завершено, и я спешу...
Блейхредера еще интересуют мысли
Министров ваших... Фавра и Трошю?

Де Сек.

Что может быть у них особенного в мыслях?

Ротшильд.

В известной степени права и фрау Блюм...
Блейхредер должен знать, и ранее, чем Бисмарк,
Что Фавру и Трошю еще взбредет на ум.

Де Сек.

Но, господин барон, мы понимаем оба,
Что разговор с министрами — секрет.
И фрау Блюм, конечно, неудобно
При нем присутствовать.

Ротшильд.

Как это? Зримо? Нет!

Однако должен знать Блейхредер тем не мене...

Де Сек.

Конечно, выход есть, и он довольно прост...

Де Сек подходит к стене и открывает искусно замаскированную дверь. За нею обнаруживается довольно большое просторное помещение. В центре помеще-

Устроит, фрау Блюм, вас это помещение?

Оно, конечно, без удобств...

Роза Блюм.

О да, вполне.

Ротшильд.

Я удивляюсь крайне,

Как это в голову вам не пришло тотчас?

Де Сек.

Но, господин барон, есть вещи те, что в тайне
Я, может быть, держать хотел бы и от вас!

Роза Блюм занимает предоставленное ей место в стене. Де Сек закрывает
потайную дверь.

Ротшильд (*прислушиваясь*).

Как будто шум шагов?

(*Подойдя к стене.*)

Сумеете ли, фрау,

Вы там записывать?

Роза Блюм (*за стеной*).

Конечно, запишу!

Мне, господин барон, здесь так удобно, право...

Входит лакей.

Лакей.

К вам, господин маркиз, пришли министр Трошю...

Ротшильд.

А, наконец!

Лакей.

...с министром Фавром вместе.

Входят Трошю и Фавр. Трошю в генеральском мундире, Фавр — в
мешковатом сюртуке.

Фавр.

Рад видеть вас, маркиз!

Де Сек.

Польщен высокой честью

Вас видеть у себя. Садитесь. Очень рад!

Фавр (*здороваясь с Ротшильдом*).

А, господин барон всегда приходит первым!

Ротшильд.

Как молодой еще аристократ,

Я снисхождения прошу к моим манерам.

Ротшильд, Трошю и Фавр садятся ближе к столику.

Де Сек (*лакею*).

Ступайте, Поль! Я для таких гостей

Сам счастлив быть сегодня в вашей роли.

Лакей уходит.

Уж если говорят, что уши есть у стен...

(*Невольно смотрит в сторону стены, за которой находится
Роза Блюм.*)

То, надо полагать, у наших слуг — тем боле.

(*Трошю.*)

Все генералы, говорят,
Обычно пьют коньяк. Вам с кофе или с чаем?

(Фавру.)

А дипломаты что предпочитают?

Ротшильд.

Яд.

Фавр.

Но это если мы кого-то угощаем,
А сам я отдаю абсенту предпочтение.

Трошю.

Я должен вам сказать, что нас министры ждут.

~~С перемывом или домиником принять решение.~~

А к вам заехали на несколько минут.

Де Сек.

Но разве не решен вопрос об этом вами?

Трошю.

Нет, не решен еще.

Ротшильд.

Что ж, быть войне опять?

Нет, продолжать войну имеет смысл едва ли...

Условия Бисмарка нам следует принять.

Фавр.

Но не легко на них пойти нам.

Ротшильд.

Я понимаю вас вполне.

Хоть, честно говоря, давно к моим картинам

Вернуться бы хотелось мне.

К Ван-Дейку... к Рубенсу... Я слишком мягок сердцем...

Вот только живопись и радует мой глаз.

Трошю.

Нас осаждают двести тысяч немцев,

Но триста тысяч под ружьем у нас.

Де Сек.

Национальной гвардии?

Трошю.

Ну что же!

Де Сек.

При чем количество? Она ведь так слаба,

~~то и так в йско...~~

Вооруженная толпа!

Фавр.

Вооруженная, однако...

Ротшильд.

Вооруженная... И это очень жаль.

Существование столь губительного факта

И вызывает именно печаль.

Фавр.

Ну, восставать Париж теперь рискнет едва ли!

Ротшильд.

Вы что ж, у парижан их пушки отобрали?

Фавр.

Нет, к сожалению... Но дали верный тон
Газетам некоторым... Пресса
Сейчас бунтовщиков изобличает в том,
Что вся их деятельность служит интересам
Немецких войск! А вожаков, тех даже
Подозревает прямо в шпионаже!

Ротшильд.

Да! Это, в общем, ловкий ход!

Де Сек.

И верит этому народ?

Фавр.

Иные верят, да. А у других сомнения —
Отсюда споры, разность мнений...
А это нам и нужно лишь...

Де Сек.

И вы считаете, Париж
Не догадался до сих пор,
Что генерал Трошю не ищет путь к победам
С Национальной гвардией?

Трошю.

Об этом

Мне кажется излишним разговор.
Я брошу в бой солдат Национальной гвардии,
Каков бы ни был результат.
Когда честь Франции уже стоит на карте,
Я защищать ее обязан. Я — солдат!

Ротшильд и де Сек переглядываются.

Фавр.

Поймите нас... Вы в ваших банках — дома,
А мы ведь в ратуше — не больше чем в гостях.
Как не простил народ империи разгрома,
Капитуляции нам тоже не простят.
Хоть и находится в беде.
Своих портфелей мы лишимся, безусловно...

Ротшильд.

Так вот честь Франции-то где!

Фавр.

А где ж ей быть на самом деле?
Любой министр обязан делать вид,

Что честь страны лежит в его портфеле,
Поэтому-то он им так и дорожит.
А перемирье нас лишит портфелей быстро.
Французы, например, высоко ценят честь...
А вы?

Ротшильд. Что — мы?

Фавр. Портфель министра,
Как вексель, можете учесть?
Такая вещь, барон, немало стоит всюду,
Подумайте!

Ротшильд. И вы. Мой банк не столь богат.

Трошю.
Я перемирие подписывать не буду.
И думать — тоже. Я — солдат.

Де Сёк.
Чтоб генерал Трошю такое обнаружил
Желанье воевать? Не думал никогда.

Трошю.
Мы в крайнем случае народ снабдим оружием
И наших партизан поддержим, господа.

Ротшильд.
Вот именно тогда в течение недели
Вы не удержитесь на собственных постах.

Фавр.
Что ж! Очень может быть. Но мы своих портфелей
В обоих случаях лишимся. Так и так!
Что делали бы вы, друзья, на нашем месте?

Ротшильд.
Есть для ухода разные пути...

Фавр.
Но тот, кто все равно уйти не может с честью,
Тот хочет все-таки хоть с деньгами уйти?
И стоит ли его судить за это строго?
Однако наш уход пугает нас не так...
Портфель французского министра стоит много,
Но много меньше, чем Французский банк.

Трошю.
Вот это правильно! И я боюсь недаром,
Что скоро, может быть, уже наступит час,
Когда вы встретите парижских коммунаров
У ваших сейфов и у ваших касс...

Ротшильд (не без волнения).

О господин Трошю!

Трошю. Прошу вас это взвесить.

Рот ш и л ь д.

Столь убедительно звучала ваша речь,

Что ею трудно пренебречь.

Я жду вас в банке завтра в десять.

И вас, любезный Фавр, я видеть буду рад.

Война проиграна уже в конечном счете.

Так, господин Трошю, надеюсь, вы придете?

Трош ю.

Так точно, буду. Я — солдат!

Де Сек.

А перемирие когда же мы подпишем?

Фавр.

Мы перемирие подпишем завтра в пять.

За что освистаны мы будем всем Парижем,

Но, господа, вы нас должны понять!

(С пафосом.)

Война проиграна! Мы истекаем кровью!

Но кровью родине мы не дадим истечь!

Рот ш и л ь д (в изумлении).

Что это значит?

Де Сек (тихо).

Он готовит

Для депутатов завтрашнюю речь...

Фавр.

Да! Это — горький мир, подписанный во имя

Спасенья Франции, свободнейшей из стран!

Рот ш и л ь д (Трошю).

Что будет с пушками?

Трош ю.

С какими?

Рот ш и л ь д.

Ну, с теми, что сейчас в руках у парижан?

Их надо отобрать! Ведь это не игрушки!

Трош ю.

Но пушки, собственно, ведь им принадлежат...

Рот ш и л ь д.

Но вы солдат, Трошю!

Трош ю.

Солдат-то я солдат,

Но пушки — это тоже пушки!

Рот ш и л ь д.

Однако все-таки их следует отнять.

Трош ю.

Отнять-то следует, но раньше надо взвесить...

Ну, нам пора идти!

Де Сек.

Так, значит, завтра в пять?

Трош ю.

Так точно. Завтра в пять.

Трошю и Фавр уходят.

Ротшильд.

Вы можете, маркиз, сказать определенно,
Во что «честь Франции» нам с вами обошлась?

Де Сек.

Трошю и Фавр?.. Примерно... в два миллиона.

Ротшильд.

Как стоит дорого нестоящая власть!

Де Сек.

Ну, это не очевидно? Бедь, рассуждая строго,
Поскольку франк сейчас колеблется, к тому ж
Для «честь Франции» оно не так уж много...

Ротшильд.

Но для министров — крупный куш!

(Смотрит на часы.)

Однако надо выпустить на воздух
Нам нашу птичку. Шесть без десяти,
А в шесть ее ведь ждут на наших аванпостах,
Чтоб до немецких довести.
Быть замурованной, наверно, счень жутко...

Де Сек

(подходит к стене).

Ее мучениям сейчас придет конец...

(Прислушиваясь.)

Что там за шум? Одну минутку...

Входит Мадлен и за ней Россель. Оба они утомлены, их одежда
измята и покрыта дорожной грязью.

Де Сек.

О боже мой! Мадлен!

Мадлен.

Отец!

Де Сек (после объятий).

Как здесь из-за тебя не потерял я сердца?!

Ты долго ехала?

Мадлен.

В течение трех недель.

Де Сек (в сторону Росселя).

А это кто?

Мадлен.

Луи Россель....

Полковник. Он бежал из Меца...

И если бы в пути не наше с ним знакомство,

Ты никогда меня не видел бы живой.

Ах, он такой герой!

Ротшильд.

И вижу я — не просто,

Но он уже и ваш герой.

Мадлен.

О господин барон! Мне, право, даже странно...

Ротшильд.

Зачем же вам краснеть, раз в этом нужды нет?

Де Сек.

Но ей же только девятнадцать лет!

Ротшильд.

Прелестный возраст для романа!

Де Сек (*Росселю и Ротшильду*).

Прошу знакомиться! Мы очень рады гостю...

Россель.

Россель, полковник инженерных войск.

Я весь в грязи... с дороги...

Ротшильд.

Бросьте!

Лишь на парадах требуется лоск.

Мец так давно забыт у нас в газетных сводках...

Вы, значит, через фронт сумели проскользнуть?

Россель.

Нет, через Англию и Бельгию.

Ротшильд.

Ах вот как?

Действительно, довольно сложный путь!

Россель.

Ну, что поделаешь! К разгрому наших армий

Я подготовлен был вполне.

Ведь генералов не было бездарней

За всю историю, чем в нынешней войне.

Ротшильд.

Ну, скоро будет мир.

Россель.

Нет, я в него не верю.

Я видел Францию.

Ротшильд.

И верите в реванш?

Россель.

Мечтал о нем по крайней мере,

Плывя сюда через Ламанш...

Ротшильд.

Но кто поддержит вас?

Россель.

Ах вот говоря по правде,

Сюда из Меца я бежал, .

Чтобы примкнуть к войскам Национальной гвардии.

Ротшильд.

К войскам мятежников?

Россель.

Я думал — парижан...

Ротшильд.

Вы что же — бунтовщик?

Россель. Нет, просто я военный,
Французский офицер и честный патриот.
А в нашей армии, скажу вам откровенно,
Вы сами знаете: вперед
Без связей и знакомств нельзя ступить ни шагу...
Но гвардия людьми военными бедна.
Я предложу ей знания и шпагу.

Ротшильд.
Что ваша шпага сделает одна?
На вашем месте я бы счел необходимым
Поближе к армии держаться. дорогой

Россель.
В Парижской гвардии я буду господином,
А в армии — незначашим слугой.

Де Сек.
Конечно, это так. И я, сказать по чести,
Будь в вашем возрасте, имея пылкий нрав,
Я тоже бы на вашем месте
Так поступил. Полковник прав!

Ротшильд (с удивлением).
Вы полагаете?

Де Сек. А что же?

Ротшильд (с красноречивым жестом в сторону стены, где
спрятана Роза Блюм).
Мне спорить некогда. Я несколько спешу.
(Де Секу, тихо.)

А этот спор, маркиз, вы знаете, дороже
Нам может обойтись и Фавра и Трошю.
Де Сек (Росселю).

Одну минутку вас прошу в столовой рядом
Нас подождать с Мадлен наедине.

Ротшильд.
Тем более не столь уж неприятным
Вам это будет, думается мне.

Мадлен (резко).
Но, господин барон! Я просто неприличным
Считаю ваш намек.

Ротшильд (разводит руками).
Что ей сказать в ответ?
Ну, будь бы вам хоть тридцать с лишним...
Но эти девятнадцать лет!..

Россель и Мадлен уходят.

Вы зря полковника, однако, поддержали.
Он храбр, и он умен. Сейчас плохой момент.

Де Сек.

Ему нужны не больше парижане,
Чем Бонапарту нужен был Конвент.

Ротшильд.

Вы думаете так?

Де Сек.

Но это видно! Он же
Сегодня — санкюлот, а завтра — монархист!
Такие есть у нас. И там пусть будут тоже.
Нам это выгодней.

Ротшильд.

Вы умница, маркиз!
А их роман с Мадлен вас не страшит?

Де Сек.

Мы так скорее с ним увидимся опять.

Ротшильд

(*смотрит на часы*).
Однако фрау Блюм, конечно, опоздала.
Уже седьмого двадцать пять!

Де Сек открывает потайную дверь в стене. Фрау Блюм нет. Пауза.

Но где же фрау Блюм?

Де Сек (*открывает вторую дверь*).

Здесь был замок английский...

Он очень чисто вскрыт, что делает ей честь!
Дверь в спальную вела вторая...

Ротшильд

А записки

От фрау нет?

Де Сек (*берет со столика записку*).

Записка? Есть!

(*Читает.*)

«Прошу простить, маркиз... Сколь это ни печально,
Нам, бедным женщинам, порою нет пути
Иного, нежели через мужскую спальню,
Так вот и мне пришлось через нее пройти!»

Ротшильд.

Вот вам и немка! А? Я никогда не думал,
Чтоб немка так была тонка
И совмещать в себе могла французский юмор
И понимание английского замка!!

Де Сек.

Итак, наш путь блестяще начат!

Ротшильд.

Что, собственно, меня не радует никак...

Де Сек.

Но все-таки Трошю...

Ротшильд.

Он ничего не значит.
Ведь пушки все-таки у парижан в руках?

КАРТИНА ВТОРАЯ

Зал рабочего клуба на Монмартре. В зале десятка два незанятых стульев. На стенах несколько плакатов и портретов деятелей Французской революции 1789 года — Робеспьера, Марата, Сен-Жюста. Посередине большой стол, вокруг него сидят: Риго, Жантон, Варлен, Домбровский, Делеклюз, Арну, Клеман, Беле и еще человек пять будущих членов Коммуны.

Варлен.

Четыре месяца республика у власти,
Луи Наполеон у прусских войск в плену...
Империя погибла, и отчасти
За это мы должны благодарить войну.
Но все идет почти как шло при Бонапарте.
И кто в правительстве? Мы знаем, например,
Что это лидеры хотя и левых партий,
Но буржуазных. Фавр, Трошю и Тьер!
Вся Франция в огне, как и ее столица.
Не трудно свергнуть нам правительство сейчас...
Мне лично кажется, правительство боится
Сегодня немцев менее, чем нас,
И перемирие с врагами
Подпишет, видимо, оно,
Чтобы скорей заняться нами...

Беле.

Продав республику?

Жантон.

И с нею заодно

Всю Францию со всеми нами вместе!
И как у вас, Беле, такой вопрос возник?
Всем буржуа торгуют, кроме чести,
И честь бы продали, но чести нет у них!

Делеклюз.

Жантон, спокойнее!.. Обсудим,
Как лучше поступить нам следует сейчас?
Но дайте высказать любые мнения людям,
Чтоб, к точке зрения одной придя на этот раз
И к тактике одной, не спорить завтра снова.

Арну.

Трое человек.

Делеклюз.

Я предлагаю слово,
Как старшему, Беле!

Беле.

Спокойствия прошу!

Я не согласен с тем, что Фавр или Трошю
На перемирие с немцами решатся,
Тут ошибаются Варлен и Делеклюз.
Француз французу рознь, но все французы — нация!

Кем ни был бы Трошю, он все-таки француз!
Да и давно ли им мы доверяли сами?
Ведь эти люди, как-никак,
Не занимали правых скамей,
Но только левые...

Жантон. Кто верит им — дурак!
Беле.

Жантон! Вы и на левых в злобе?

Жантон.
Ну, между левою и правою рукой
Я лично различия не вижу никакой:
Они принадлежат буржуазии обе!

Арну.
Ну, в этом случае и помолчать пора вам!
Вы сами — левый!

Жантон. Думаю, что нет.
Мы с вами спорим много лет,
И я всегда оказываюсь правым!
Ни вам, Беле, ни вам, Арну,
Согласья меж собой не ставлю я в вину...
Но задал бы я вам один вопрос особо:
Как вы с Трошю пришли к согласью оба?

Арну.
Вы... просто грубиян!

Варлен. Не повышайте тона.

Клеман.
Нам надоели реплики Жантона!

Делеклюз.
Два дня мы слышим крик и ругань...
К чему нас это привело?

Жантон.
Вот жуликам всегда легко сойтись друг с другом,
А честным людям — тяжело!

Варлен.
Два крайних мнения взвесив объективно,
Мы третье, общее, должны найти взамен...

Клеман.
Вновь будут споры! Старая картина.

Делеклюз.
Клеман, спокойней! Продолжай, Варлен.

Варлен.
Беле закончит пусть...

Беле. Друзья, нельзя ли тише?
Вас всех перекричать я, право, не смогу.
Нам ясно всем одно: восстание в Париже

В момент осады — на руку врагу!
Газеты правые... Не только!
Но даже левые листки
Кричат, что мы шпионы Мольтке
И что бланкисты к Бисмарку близки.
Они кричат: «Кто благороден сердцем,
Сейчас не думает о внутренних врагах!»
Объединившись в ненависти к немцам,
Мы — нация с оружием в руках!
Они грозят заставить нас сознаться,
Что путь восстаний служит нам путем,
Которым мы к капитуляции
Париж и Францию ведем.

Первый голос.

Но это клевета!

Жантон. Все это пишет челядь

Парижских буржуа, забывших стыд и честь!

Беле.

Но убедительность, однако, в этом есть.

И люди могут этому поверить!

И этих верящих, боюсь, найдется много...

Жантон.

Не в том источник всех тревог,

Что папа римский верит в бога,

А в том, что папе верит бог!

Беле.

Не станет наш народ поддерживать восставших!

Покончить с немцами — вот что важней всего.

Клеман.

Он прав!

Риго.

Нет, он не прав!

Беле.

Я кончил. Слово ваше!

Варлен.

Кто хочет говорить?

Голос.

Пусть говорит Риго!

Риго (*поднимаясь*).

Во что мы верим? В равенство! В свободу!

Что мы имеем? Разум! Честь!

Чего хотим? Служить народу!

Вот все, что есть у нас и что за нами есть!

Что есть у буржуа, пусть нам подскажет память.

Оружье. Золото. Правительство. Печать.

Все, чтобы нас купить. Убить. Заставить

Их ненавидеть, но молчать!

А у народа что? У нас и в прочих странах
Он безоружен, голоден, раздет...
Скажите, власть при этих данных
Он может захватить в любое время? Нет!
Соединяя риск с возможностью удачи,
Для революции должны мы выбрать час,
Народу выгодный. Сейчас момент горячий...

Бел е.

Но надо поступать как раз не горячась.

Ри го.

Однако это час короткий!

И нужно действовать, минутой дорожа.

Сейчас у буржуа французского на глотке

Висит немецкий буржуа.

Он душит нашего. Наш — обессилел в драке,

И время действовать, когда он стал слабей.

Ар ну.

Ну что ж, Риго, поди его добей!

Тебе железный крест пожалуют пруссаки.

Клеман и.

Когда мы встать хотим стеной,

Мы — чести нации опора,

Вы власть хотите взять ценой

Национального позора!

Бел е.

Французский буржуа — он по рождению тоже,

Хоть он и буржуа, француз, в конце концов!

Как человеку, и ему дороже

Чужой земли — земля его отцов.

Жанто н.

Какой он вам француз? Какой он человек?

Его сегодня купит прусский канцлер,

А завтра, получив американский чек,

Из немца станет ваш француз американцем!

Ри го.

Пока еще, я не стыжусь признаться,

О чести нации нам говорить нельзя.

Где есть обманутая нация,

Честь только в том, чтоб ей открыть глаза.

Воюют Франция и Пруссия, а втайне

На биржах спор идет, кто победит всерьез —

Дом Ротшильдов во Франкфурте-на-Майне

Или дом Ротшильдов в Париже? Вот вопрос!

Банкир — он может жить в любой столице мира,

На родине своей или чужой осев.

Вам интересно знать, где родина банкира?
Я вам отвечу: там, где он поставил сейф.
Воюет Франция! Но в честь каких идей?
Идет ли нация вперед солдатским шагом
Или толпу обманутых людей
Ведут обманщики с национальным флагом?
Нет! Франция еще не поднялась.
Для Франции не ротшильды основа!
Когда лишь сам народ осуществляет власть,
Тогда он — Нация в великом смысле слова!
Чтоб это было так мы и собрались вместе
Но я хотел бы дел, а не пустых речей.
Молчите, рыцари национальной чести
Баронов Ротшильдов?!

А р н у.

Не Ротшильдов.

Р и г о.

А чьей?

К л е м а н.

Здесь гражданин Риго сказал довольно ясно,
Что у людей богатых нет
Ни родины своей, ни нации. Прекрасно!
Но я хочу задать ему вопрос в ответ:
Что ж, только буржуа одни — космополиты?
И только золото с чужой землей роднит?
Ну, а Домбровский? Друг наш знаменитый?
Ведь он же не богат. Но он космополит?
Он, бросив родину, свободе шел навстречу
И новую нашел в одной из многих стран.

Р и г о.

Позвольте...

Д о м б р о в с к и й. Нет, Риго! Я за себя отвечу.

Вы ошибаетесь, Клеман.

Хотя Дантон когда-то в прошлом

Крылатые слова сказал перед толпой

О том, что родину на собственных подошвах

Никто не может унести с собой,

Я, как и многие мои единоверцы,

Свое отечество ношу с собою в сердце

И ту страну, что мне даст приют порой,

Не называю родиной второй.

Есть родина своя у каждого народа,

И кто народу служит, тот,

Где б ни был он — средь дальнего похода,

В изгнание ль, — сердцем там, где и его народ,

Но голос родины для золота неведом...

Оно безродное. Оно то тут, то там.

И тот, кто служит золоту, тот следом
За этим золотом и ходит по пятам.
Кто служит золоту, у тех его природа.
И нет у них ни дома, ни родни,
Они, как золото, безродны,
И вместе по миру шатаются они...
Нет! Между нами сходства я не вижу.
О разном грезим мы во сне и наяву.
Вот Ротшильд — не француз, хоть он живет в Париже,
А я — поляк, хоть в Польше не живу!
И, мало этого, скажу еще вам больше:
Где б ни сражался я, — душой
За Польшу дрался я и за свободу Польши...
Хоть кровь моя текла и по земле чужой.
Риго был прав, а вы не правы,
Я умереть в Париже буду рад,
Но в смертный час меня прикроет тень Варшавы
В огне парижских баррикад!

Делеклюз.

Клянусь, он прав!

Жантон.

Домбровский, браво!

(Пожимая Домбровскому руку.)

Вы настоящий патриот!

Варлен.

Хотя Риго с Домбровским правы,

Но не об этом спор идет,

А о восстании. Мне ближе,

Конечно, мнение Риго.

Поднять восстание в Париже,

Бесспорно, выгодней всего

Нам было бы сейчас... Но при успехе даже

Мы вряд ли победить сумеем...

Риго.

Почему?

Варлен.

Нет, не восстание страшит меня, а наша

Неподготовленность к нему.

Пусть победит Париж, но что он без провинций?

Как отнесутся к нам Бордо, Марсель?

Что ждет нас впереди? Хоть мы и не провидцы,

Но не само восстанье наша цель.

К согласью путь между собой нам труден.

А как с крестьянством мы осуществим союз?

Путем восстанья власть, возможно, мы добудем,

А вот удержим ли, боюсь?

Не скрою, эта мысль мне подрезает крылья,

И в голове ее все время я держу.
Беле не прав. Конечно, перемирие
На днях подпишет с немцами Трошю.
Но если даже так, я, несмотря на то, что
Мы упускаем выгодный момент,
Перед лицом восстанья, взвесив точно
Его последствия, я заявляю — нет!

Жантон.

Момент уйдет, но не легко ведь
Его дожидаться вновь!

Варлен. Да, не легко, Жантон.

Но раньше следует восстание подготовить
И твердо знать, как действовать потом.

Жантон.

Вот, говорят, долготерпенье божье
Конца и краю не имеет... Нет!
Бог человека одного не может
Терпеть на свете более ста лет!
А вот народ всю эту нечисть —
Банкиров, королей, дворян и прочий сброд —
Тысячелетия терпит!.. Вечность!
Бог терпелив?.. Нет... терпелив народ!
Века нужды, тюремных стен
И войн, бушующих по нашим ветхим кровлям!..
И все-таки еще, как говорит Варлен,
Ученый человек: народ неподготовлен!

Варлен.

Нет, не народ, Жантон, а мы.
Мы именно. Вот что меня тревожит.

Жантон.

Ну, а без нас-то, черт возьми,
Народ, он, что ли, обойтись не может?
Вот как придут за пушками солдаты
Правительственных войск, чтоб их отнять у нас,
А парижане скажут: «Виноваты!
Не отдадим!»

Риго.

Народ и не отдаст.

Дом

Да!.. Как же с пушками поступим мы, однако,
Что были отлиты на деньги парижан?
По договору их ведь отдадут пруссакам,
А если б этого Трошю и избежал,
То только для того, чтоб самому забрать их.

Риго.

Там кто бы их ни взял, но результат один!

Жантон.

Нет, пушек, отлитых на деньги наших братьев,
Мы никому не отдадим!

Варлен.

Мы от восстания, — не знаю, как другие, —
Не отказались навсегда.

Ригго.

А вдруг восстание поднимется стихийно
В борьбе за пушки? Что тогда?
Мы бросим свой народ, покрыв себя бесславьем,
Чтоб пушки отдал он солдатам и замолк?

Варлен

Нет, мы тогда восстание возглавим, —
Так нам приказывает долг.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Утро. Монмартр. Шато-Руж. На площади стоят четыре пушки. Около пушек солдаты Национальной гвардии и много женщин. Кокарды некоторых гвардейцев украшены фиалками. На лафете одной из пушек сидят Варлен, Жантон, Делеклюз и Домбровский. Один из гвардейцев сидит верхом на пушке и оглядывает из-под ладони окрестность.

Первый гвардеец.

Войска правительства сначала захватили
Все наши пушки под покровом тьмы...
На высоте Шомон, в предместье Тампль, в
Бельвиле, —

Но в шесть утра пошли на приступ мы
И наши пушки отняли обратно.

Первая женщина.

Теперь пускай попробуют их взять!

Второй гвардеец (*верхом на пушке*).

Войска правительства на улицах Монмартра.

Вторая женщина.

Они идут сюда опять?

Первый гвардеец.

Раз эти пушки взять не смог и Бисмарк даже,
Так им, наверно, не помогут Тьер!

Выстрелы.

Третья женщина.

Стреляют близко...

Третий гвардеец (*успокаивающе*).

Это наши!

Второй гвардеец (*верхом на пушке*).

К нам с белым флагом скачет офицер!

Третий гвардеец.

Предложит сдаться нам.

Первый гвардеец.

Слыхали мы об этом!

А может, дать ему ногой под зад, друзья?

Жантон.

Он с белым флагом, а с таким предметом

Гнать можно вежливо, а просто так нельзя!

(Последнюю фразу говорит с соответствующим жестом.)

Быстро входит гвардеец с красной повязкой на рукаве.

Гвардеец с повязкой.

Я послан доложить от имени Дюваля,

Что нами полностью захвачен Батиньоль!

Варлен.

Мы на успех блестящий столь

Могли рассчитывать едва ли.

Жантон.

Терпенье лопнуло по швам.

Так накалила у людей обида...

Народ все ждал вождей, да не дождался, видно, —

Стал сам командовать и стал сражаться сам!

Делеклюз.

Но что в дальнейшем, я не вижу,

Нам делать следует? Вот нужно что решить.

Цветочница.

Как «что»? Прогоним из Парижа

Всех богачей и сами будем жить!

Одна из женщин.

А что нам надо, чтобы стать людьми?

Немного воздуха и неба,

Глоток вина да корку хлеба.

На что нам золото?

Первый гвардеец.

Зарыть бы, черт возьми,

Обратно в землю все!..

Первая женщина.

И с ним бы заодно

Где-нибудь... даешит...

Свалить бы в землю этот хлам,

И людям на земле дышалось бы свободно!

Офицер.

Кто старший здесь?

Варлен.

Что вам угодно?

Офицер.

Министр меня направил к вам.

Варлен.

Что предлагает он?

Офицер.

Немедля сдать орудья.

И мы позволим вам идти в свои дома.

Варлен.

А если мы их не сдадим, что будет?

Офицер.

Войска Леконта и Тома

Вас уничтожат.

Домбровский.

Эти два жандарма...

Офицер.

Да, генерала!

Домбровский.

Полагаю, нет.

Они с пруссаками сражались столь бездарно,

Что золотых своих не стоят эполет.

Офицер (Варлену).

Что мне министру передать, однако?

Варлен.

Что предложение отвергнуто его.

Что тем, кто сдал свое оружие пруссакам,

Мы не сдадим оружия своего!

Офицер.

Ах вот как?

Варлен.

Именно.

Офицер.

Боюсь, придется сильно

Раскаиваться вам!

Первый гвардеец (угрожающе).

Иди, покамест цел!

Офицер уходит.

Домбровский.

Они на нас пойдут со стороны Бельвиля.

(Указывая гвардейцам.)

Вот эту улицу возьмите под прицел.

Пушки медленно поворачивают свои жерла в ту сторону, куда ушел офицер.

Второй гвардеец (верхом на пушке).

Они уже идут.

Домбровский (командует).

Гвардейцы! Смирно!

Варлен (останавливая его).

Стойте!

Нам первым открывать по ним огонь нельзя!

Пускай начнут... В конечном счете,

В войсках правительства есть и у нас друзья!

Сегодня утром в Тампле и в Бельвиле
От них солдаты к нам переходили...

Домбровский (*предупреждающе*).

Им подает уже команду офицер...

Голос офицера за сценой.

Солдаты, смирно! Ружья на прицел!

Первая женщина (*выбегает вперед, к другому краю сцены, откуда слышится команда офицера*).

Солдаты Франции! Не смейте

Стрелять в народ! Мы не боимся смерти,

Мы все здесь ляжем как один.

Но наших пушек вам не отдадим!

Мы отливали их, когда на наши стены

Лез разъяренный враг! В них наша кровь и пот!

Нас немцам предало правительство измены

И посылает вас расстреливать народ!

Варлен (*перебивая ее и тоже выходя вперед*).

Капитуляция, как мы потом узнали,

Была предreshена пять месяцев назад...

Теперь они хотят скорей покончить с нами

И это делают на ваших же глазах!

Делеклюз (*тоже выходя вперед*).

Солдаты Франции, для этой роли жалкой

Ужель растили вас Бретань или Бургонь?

Из толпы женщин выбегает молодая цветочница с корзиной, наполненной маленькими букетиками фиалок.

Цветочница.

Мы посылаем вам не пули, а фиалки!

Возьмите их!

(*Бросает за сцену несколько букетиков.*)

Голос офицера за сценой.

Огонь! Огонь!

Напряженная тишина. Люди у пушек ждут залпа. Долгая пауза. Залпа нет. Слышен топот ног, и несколько солдат, подняв ружья над головой, вбегают на сцену. Вслед за ними бежит тот самый офицер, который пришел в зал как представитель парламента.

Офицер.

Что это значит?! Вы куда?! Солдаты!

Нет, мы положим этому конец!

(*Стреляет в цветочницу.*)

Девушка падает. К ней подбегают несколько перебежавших на сторону народа солдат.

Цветочница.

Что это?.. Боже мой...

(Солдатам.)

Нет, вы не виноваты...

Вы не стреляли...

(Протягивает фиалки солдатам.)

Один из солдат берет из рук цветочницы букетик и швыряет его в лицо офицеру.

Солдат.

На тебе, подлец!

Над головой офицера поднимается паника. Офицер падает и его сразу уносят. Раненую цветочницу вместе с цветами бережно кладут на один из лафетов. На сцену вбегают еще солдаты правительственных войск.

Голоса солдат.

Долой правительство! — Да здравствует свобода!

Первый гвардеец.

Долой убийц! На ратушу! Вперед!

Жантон.

Солдаты не хотят вести войну с народом

И не хотят стрелять!

Солдат.

Солдаты за народ!

Входит Риго. Он в мундире офицера Национальной гвардии.

Варлен.

Что нового, Риго?

Риго.

Есть новости весьма

Благоприятные: правительство бежало,

Мы взяли в плен Леконта и Тома.

Под стражею два этих генерала!

Восстание обошлось почти что без потерь,

Сопротивлялась лишь полиция немного...

Но к ратуше уже очищена дорога.

Варлен.

Так что ж мы? В ратушу направимся теперь?

Домбровский.

Да нам уже нельзя довольствоваться меньшим. —

Как нерешительность мы нашу объясним?

Варлен.

Ну, если так... что б ни было в дальнейшем,

Судьбу народа мы разделим с ним!

(Народу.)

Рабочие Бельвиля и Монмартра!

Вы победили! Пробыл час!

День восемнадцатого марта,
Что б впереди ни ожидало нас,
Всегда останется гореть, как факел яркий
Свободы, братства и любви.

Цветочница.

Я... не могу идти... Но вот... мои фиалки...
Возьмите их с собой... хотя они в крови...
(Разбрасывает букетики фиалок.)

Бьет барабан. Издали нарастающие звуки «Марсельезы».

Домбровский.

Вперед на ратушу, народные трибуны!
Вперед, друзья! История не ждет!

Жантон.

Да здравствует Парижская Коммуна!

Делеклюз.

Да здравствует республика!

Ригго.

Вперед!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Кабинет де Сека в здании Французского национального банка. Кабинет обставлен наполеоновской мебелью — красное дерево, отделанное бронзой. В кабинете два окна и две двери. Одна дверь ведет в кабинет рядом, через другую входят и выходят посетители и служащие банка.

В момент поднятия занавеса на сцене Де Сек и Ротшильд.

Ротшильд.

Мы накануне разоренья.

Все кончено, маркиз. Париж у них в руках.

Де Сек.

Да, господин барон, с реальной точки зрения,

Вы, безусловно, правы.

Ротшильд.

Это крах!

О как ужасна чернь Парижа

И сборища солдат!.. Как страшен их союз!..

Ах, господин маркиз... Я так их ненавижу!

Де Сек.

И вместе с тем боитесь их?..

Ротшильд.

Боюсь...

Де Сек.

Вы отвезли, барон, в Версаль свои картины?

Ротшильд.

Простите, вы сошли с ума!

Да мне на них смотреть противно!

При чем картины? Банк, дома —

Вот надо что спасать! Но, как это ни грустно,

Их, к сожалению, не вывезешь в Версаль.

Сейчас, маркиз, не до искусства...

Мне не картин, а денег жаль...

Де Сек.

Но ваши деньги в банке нашем.

Ведь их перевезли?!

Ротшильд.

Допустим, даже так...

А разве вам приход бунтовщиков не страшен?

Де Сек.

Но наш же банк — Французский банк!

И сам я буду здесь, а не как вы, в Версале...

Ротшильд.

Вы это, кажется, с насмешкою сказали?

Де Сек.

О господин барон, сейчас не в этом суть!

Другие вещи мне внушают беспокойство...

Как банк спасти? Как подготовить войско?

Как власть в Париже нам вернуть?

Вот думать следует о чем!

Ротшильд.

Спасайте банк... Как я предвижу,

Он нам и к войску и к Парижу

Послужит золотым ключом!

И этот ключ доверен вам недаром.

Де Сек.

Он мне доверен уж десятый год.

Но банк впервые ждет прихода коммунаров,

Боюсь, для банка это не «приход»!

Ротшильд.

Ну, что поделаешь! На все ведь власть господня!

Де Сек.

Вы говорите прямо как Лагард.

Ротшильд.

Я выдал чек ему три дня тому назад

На заговор один... И мой Лагард сегодня...

Де Сек.

Кто — ваш?

Ротшильд.

Лагард.

Де Сек.

Лагард?.. Простите...

Так что он вам сказал?

Ротшильд.

Что с храбрыми людьми

Устроил заговор... и надо ждать событий

Дней через пять...

Де Сек.

Он ловок, черт возьми,

Ваш этот поп!

Ротшильд.

Да, я ценю Лагарда...

И если заговор ему

Удастся, то и войск не надо,

И банк спасти вам ни к чему.

Пошли, господь, ему удачи!

Де Сек (с иронией).

Он близок к господу... как может быть иначе?

Однако хоть и все у господина в руках,

Не грех и нам, барон, подумать о войсках!

Ротшильд.

Мы здесь надежных войск напрасно бы искали...

Поможет Бисмарк. Только он!

Де Сек. Войсками?

Ротшильд. Именно войсками.

Де Сек.

Нет, помощь прусских войск нам не нужна, барон.

Она опасна нам.

Ротшильд. Не прусских...

Де Сек. Ну, а что же?

Есть разве у него французские войска?

Ротшильд.

А наши пленные? Ведь Бисмарк, он же может

Их отпустить. Вооружить слегка...

А у него в плену вся армия Седана.

Во-первых, у нее достаточно штыков,

А во-вторых, по некоторым данным,

Она не слышала речей бунтовщиков.

Де Сек.

И, думаете вы, отпустит пленных Бисмарк

До мира с нами?

Ротшильд. На такой предмет,

Как удушение Коммуны? Даже в мыслях

Не сомневаюсь. Но без денег — нет!

Де Сек.

Но можно слово дать. Сейчас мы в затрудненье...

Ротшильд.

Нет, дорогой маркиз, слова — напрасный труд.

С банкиров требуются деньги,

От нас словами не берут.

И эти деньги вам придется подготовить!

Де Сек.

Однако как я их Версалью передам?

Мне и спасти их не легко ведь...

Ротшильд.

Об этом думать я предоставляю вам!

Де Сек.

Ну, если так, то без прелюдий

Поговорим тогда, как деловые люди!

За двадцать пять процентов в вашем деле
Вы, господин барон, хотели,
Чтоб я склонить на мир министров вам помог...
Я перед вами выполнил свой долг.
Но деньги вам спасти?... Ночами
Переправлять в Версаль, рискуя головой?
Я не предвидел этого вначале...
Вы умный человек, барон, и деловой...

Ротшильд.

Но что придет Коммуна к власти,
Нарушив наш совместный план,
И я не знал!

Де Сек.

Так будем в равной части
Нести издержки... То есть пополам?
И деньги Франции одолжим в равной доле!
Тогда вы на меня рассчитывайте впредь.
Решать, конечно, в вашей воле,
Но...

Ротшильд.

Это много... Предлагаю треть.

Де Сек.

А пятьдесят процентов?

Ротшильд.

Нет!

Берите тридцать пять, и более ни франка!

Де Сек *(кладя на стол ключи и надевая шляпу)*.

Но, господин барон, вы сами регент банка.
Вот вам ключи и вот мой кабинет!
С сегодняшнего дня я буду жить в Версале,
А с коммунарами вы говорите сами!
Они народ немного шумный...
Но обойдется... Ничего.

Входит Дютрен, мрачная личность с вкрадчивыми манерами.

Дютрен.

Там, господин маркиз, к вам делегат Коммуны.

Де Сек *(с жестом в сторону Ротшильда)*.

А барону Ротшильду проводите его!

Ротшильд *(в ужасе)*.

Нет!! Я согласен! Вы меня прижали...

Но я припомню вам...

Де Сек.

Я разве... виноват.

Всему виной Коммуна... парижане...

(Дютрену.)

Скажите мне, кто этот делегат?

Дютрень. Его зовут Беле.
Де Сек. Тот самый... не иначе!
Старик?
Дютрень. Старик.
Де Сек (*Ротшильду*). Пожалуй, вам теперь
Пора идти, барон!
Ротшильд (*прощаясь*). Желаю вам удачи!
(*Идет к выходу.*)

Дютрень уходит.

Де Сек (*удерживает Ротшильда, указывая на дверь, ведущую
в кабинет рядом*).

Вам лучше выйти через эту дверь.

Ротшильд.

Но если заговор Лагарда мне удастся,
Расчет как прежде, а не пополам!

Де Сек.

Само собой. Вам стоит постараться...
Но только вряд ли он удастся вам.

Ротшильд уходит.

Сказал он: «мой Лагард»! Барон, как ни досадно,
Мог у меня его перекупить вполне.
Мешает мне и заговор Лагарда,
И сам Лагард уже опасен мне!..

Входит Беле.

А, дорогой Беле! Рад видеть вас!

Беле.

Не верю!

Де Сек.

Напрасно. Почему?

Беле.

Но я из тех людей,

Идеи коих вам чужды.

Де Сек.

За этой дверью

Есть только золото — и никаких идей!

А... иде... еще, признаться, в понедельник.

Беле.

Вы ждали? Почему?

Де Сек.

Но мог ли я не ждать?

Какая ж власть обходится без денег?

А вы у власти, кажется, дней пять...

Беле.

Вы подготовлены, я вижу.

И деньги есть у вас для этой цели?

Де Сек.

Есть.

Беле.

Нам нужен миллион!

Де Сек.

А на счету Парижа,

Принадлежащем вам, их даже целых шесть!

Беле.

И вы нам можете их выдать?

Де Сек.

Безусловно.

Беле.

Я, господин маркиз, приятно удивлен!

И вы сможете обратиться снова,

Когда истратим этот миллион?

Де Сек.

Само собой. И если бы возникли

Любые нужды, господин Беле

(указывает на дверь кабинета рядом),

Ваш кабинет вот здесь и банковские книги

Уже лежат у вас на письменном столе.

Беле.

Зачем все это мне?

Де Сек.

Вы, человек разумный

И долгой жизнью умудренный столь,

Не можете понять, что делегат Коммуны

Обязан надо мной осуществлять контроль?

Беле.

Пока мы верим вам. Нам этого не надо.

Де Сек.

Так. Значит, верите?

Беле.

Да, господин де Сек.

Де Сек.

Хотя мы люди разных взглядов,

Я тоже верю вам. Вы — честный человек!

Простите за совет, но я б на вашем месте

Всего миллиона полностью не взял,

А взял на первый раз примерно... тысяч двести,

Не сообщив своим лордам

О сумме той, что на парижском счете...

Но вместе с тем, конечно бы, сказал,

Что вы со временем еще, мол, принесете.

Расход у вас велик, доход же — очень мал.

Их надо приучать к умеренным расходам,

Они не знатоки финансовых систем.

Такой поступок был бы благородным

И дальновидным вместе с тем.

Беле.

Я понимаю вас. Но мне, однако, странно:
Зачем мне, собственно, ваш этот кабинет?

Де Сек.

Но чтобы взять контроль...

Беле.

Его возьмет охрана

Парижской гвардии. Поставим здесь пикет.

Де Сек (вскочив с места).

Нет, господин Беле! Вот это будет ужас!

Все то, что в банке есть, доверить я могу

Своей охране лишь. Иначе попрошу вас

Уволить вашего слугу.

Вы — власть народная. Но ведь народ — стихия.

Я уважаю и люблю народ,

Таких людей, как вы! Но есть же и другие —

Такие, как Риго... Фере... и прочих сброд!

Беле.

И я их не люблю.

Де Сек.

Но и в охране этой

Ведь люди разные. Простите мне, а вдруг

Случится что-нибудь? Ведь в банке есть предметы

Громадной ценности. Здесь золото вокруг.

Не всем доверю я подобное богатство.

Вы, правда, власть... Но банк не только ваш.

Финансы Франции — опора государства.

Я недоверчив, да! Однако я их страж!

Две власти есть у нас. Я, правда, не провидец,

Какая победит, не знаю, сторона...

Но было множество у Франции правительств,

А Франция — она была и есть одна.

В каких бы с вами мы ни восседали креслах

И как ни спорили б, но, чтобы вышел толк,

Мы выше, так сказать, сословных интересов

Должны поставить наш национальный долг.

Народ наш, исходя из устремлений чистых,

Сам власть себе по сердцу изберет.

Я не люблю авантюристов

Но уважаю и люблю народ!

Беле (с некоторым сомнением).

Вы любите народ?

Де Сек.

Поверьте, это правда.

И это доказать я вам смогу вполне.

Беле.

Как доказать?

Де Сек.

Вы знаете Лагарда?

Беле.

Аббата?

Де Сек. Да. Известно стало мне,
Что им три дня назад в Париже
Организован заговор большой...
Не он является один его душой...
Но для Коммуны лично я предвижу
Опасность явную... Лагард — авантюрист,
И действия его не по душе мне крайне...
Коммуну известив, прошу оставить в тайне
Мою фамилию... Ведь я иду на риск.

Беле.

Конечно!.. Но, маркиз, вы, должны вам признаться,
Для нас так много сделали уже,
Что...

Де Сек (*перебивая его*).

Сам народ во всем сумеет разобраться,
А авантюры мне не по душе!

Беле.

При взглядах, может быть, и разных, но с успехом
Мы можем действовать совместно с вами впредь.

Де Сек.

Я, господин Беле, был честным человеком,
Надеюсь им и умереть.

Беле.

Не сомневаюсь в вашей чести.

Де Сек.

Гвардейцы не придут?

Беле.

Нет, господин де Сек.

Де Сек.

Так дать вам миллион?

Беле.

Пока что тысяч двести,

Как вы сказали.

Де Сек.

Вот вам чек!
(Звонит.)

.....

(Передает ему чек.)

Я, господин кассир, прошу вас непременно
Чек оплатить тотчас, открыв парижский счет.
А также попросить сюда ко мне Дютрена.

(Прощается с Беле.)

Ваш кабинет вас завтра утром ждет.

Беле и кассир уходят.

Так кто же он? Дурак ли, честный,
Или нечестный и дурак?
Мне, скажем, это неизвестно.
А вот Коммуна смотрит как?

Входит Дютрен.

Ну-с, господин Дютрен, теперь пора и вам бы
Нам помощь оказать.

Дютрен. Чем я могу помочь?
Де Сек.

Купюры крупные и денежные штампы
Вам надо отвезти в Версаль... сегодня в ночь!

КАРТИНА ПЯТАЯ

Апрель. Одна из укромных аллей Булонского леса. На скамье сидит Мари Лавинь. По аллее взад и вперед прогуливается Россель. Россель останавливается чуть поодаль от скамьи, на которой сидит Мари Лавинь, и внимательно на нее смотрит.

Мари (*замечает его пристальный взгляд*).

Столь пристально смотреть на незнакомых женщин
Я не советую вам в следующий раз.

Россель.

Мой взгляд ни в чем дурном не может быть замечен,
Поскольку это взгляд сочувствующих глаз.

Мари.

Сочувствующих? В чем?

Россель.

По некоторым данным,
Я смею думать, например,
Что, так же как ко мне запаздывает дама,
Вас заставляет ждать какой-то кавалер.
Нет оправдания, мадам, его поступку!

Мари (*с насмешкой*).

Наверно, так же, как ее вине.

Россель.

Нет, на свиданье к вам опаздывать преступно!
Но извинительно ко мне.

Мари (*отвешиваясь и замечает приближающегося по параллельной аллее Риго*).

Как вы любезны!.. Сядьте рядом...

Россель садится.

Нет, ближе!.. Так. Нагнитесь чуть вперед...

Смотрите мне в глаза таким же долгим взглядом,
Но без сочувствия. Мой кавалер идет!

Россель.

Беднягу проучить хотите вы, наверно?

Мари.

Но с вашей помощью. Ведь вы любезны столь!..

Россель (*показывая на себя*).

У вашего второго кавалера

Неблагодарнейшая роль!

Мари.

Но первому зато мы пощекочем нервы!

Входит Ригго и видит сидящую на скамье довольно нежную пару.

Ригго.

Я вижу, вам, Мари, не скучно?

Мари.

Ничего!

В любви — как на войне: тот, кто приходит первым,

Тот побеждает, дорогой Ригго.

Россель.

Ригго?

Ригго.

Россель?

Россель.

Вот это встреча!

Я удивляюсь бесконечно:

Политик ходит на свиданья!

Ригго.

Но, к сожаленью, не без опоздания.

На опыте своем я убеждаюсь вновь,

Как трудно сочетать с политикой любовь.

Мари.

Как? Вы знакомы?

Россель.

Да.

Мари.

Серьезно?

Ригго.

Я даже мог бы познакомить вас.

Но, к сожаленью, вижу — поздно!

Россель.

Нет, своевременно как раз!

Вас ваша дама проучить хотела

За опоздание, дорогой Ригго,

Слегка меня запутав в это дело.

Но кто она, и ждет кого,

Я до сих пор не знал, сознаюсь в этом прямо.

Ригго (*с некоторым недоверием*).

Тогда зачем вы здесь?

Россель.

Еще сознаюсь вам:

Ко мне, наоборот, опаздывает дама.

Но мы добрее наших дам...

Р и г о (знакомит их).

Россель.

М а р и. Мари Лавинь.

Россель. Актриса, несомненно?

М а р и.

Вы догадались?

Россель. Нет. Слышал о вас давно.

Но столь чудесно сыгранная сцена

Мне подсказала б это все равно.

М а р и (не без кокетства).

И с вами было мне, представьте,

ИграТЬ сс не тяжело.

Р и г о.

Скажите мне, Россель, по правде:

Что вас в Коммуну привело?

Болтают многое, быть может, и недаром,

Что будто легок путь у нас к большим постам.

Ведь вы же не были как будто коммунаром?

Россель.

Я им и не был и не стал,

Хоть общего у нас с Коммуной и немало...

Я — патриот, люблю свою страну,

А в битве с немцами правительство стояло

За перемирие, Коммуна — за войну!

Вот я к вам и пришел с мечтою о реванше,

Как человек военный и француз.

Р и г о.

Но надо нам побить еще версальцев раньше!

Хотя меня не удивит союз

Версальцев с немцами.

Россель. Ну, в это я не верю,

Хоть я в политике, быть может, и простак.

Р и г о.

Борьба с народом всех всегда вела к потере

Национальных чувств. Поверьте, это так.

Входит Мадлен.

М а д л е н.

Луи! Я опоздала, правда?

Россель.

Ну, не беда! На полчаса всего.

Я вас представляю.

Мадлен. Буду рада.

Мадлен де Сек.

М а р и. Лавинь.

Р и го.
М а р и.

Р и го.

Хотя случайно четверо друг другу
Мы и назначили свиданье в этот час,
Но порознь все-таки...

(Р и го.)

Прошу вас дать мне руку.
Хотя и временно, мы покидаем вас.

Р и го.

Мы не закончили наш разговор о деле...

М а р и.

Гу хорошо. Мы через час придем.
Нам слушать каждого приятнее отдельно,
Чем о политике ваш разговор вдвоем!

Р и го и М а р и Лавинь уходят.

Р о с с е л ь.

Мадлен!

М а д л е н.

Луи! Ты почему так грустен?

Р о с с е л ь.

Мне тяжело, Мадлен...

М а д л е н.

Что тяжело тебе?

Скажи Луи!

Р о с с е л ь.

Скажу, допустим...

Но ты не сможешь мне помочь в моей судьбе.

М а д л е н.

Смогу.

Р о с с е л ь.

Но чем?

М а д л е н.

Своей любовью.

Р о с с е л ь.

Боюсь, любовью не поможешь здесь...

Я говорю с тобою, как с собою.

А это, видимо, она, любовь, и есть...

Но мало мне ее!.. О, как мне много надо,

Чтоб наконец дожить до радостного дня!

А для тебя любовь — единенность сада.

Слова и ласка...

М а д л е н.

Для меня?

Нет, для меня любовь — не книга золотая,

Не ласка, не слова, что говорят, любя,

Но чувство, будто бы чего-то не хватает,

А не хватает мне — тебя!

Вот вся моя любовь. И в ней меня тревожит

Одно — что ты далек, что ты недостижим.
Она наивна? Да?

Россель. Быть может.

Но я ничем ее не заслужил.
Чтобы меня любить, я ничего не сделал.
Мадлен! Мадлен!.. Сидеть бы мне
Не на скамье здесь, а на белом
Псбедно скачущем коне!
О как цвели мечты, и как они опали!
Нет! До сих пор я жил не так —
Среди военных карт несбывшихся кампаний,
Побед, одержанных в жстах!
А карты жили и пестрели
Значками будущих побед,
И карандашные в них заменяли стрелы
Движенья войск, которых нет...
И я не спал ночей, скользя усталым взором
По строчкам скучных книг. Но по моей вине
Ты видишь Францию, покрытую позором!

Мадлен.

Но ты не виноват!

Россель. Но это ведь при мне —
Немецкие полки на Сене и на Марне!
Я знал к победе путь, но не нашел путей
К сердцам продажных и тупых людей,
Виновников разгрома наших армий.
Они нас к гибели толкали, как назло.
Вот что меня к Коммуне привело.
Ну что ж, что я начальник штаба
Парижской гвардии? Ведь это — жалкий сброд.
Без выучки, вооруженный слабо.
Нет, с ними далеко я не уйду вперед.
Я с этой армией — не воин.
Ты чуткая. Почувствуй, улови,
Что я любви твоей, быть может, и достоин,
Но мне не заслужить ее... твоей любви.
Известна правда мне, но сердца и ума

Не хватит мне доказать, где правда

Мадлен.

В любви доказывать не надо:
Любовь все чувствует сама.
Любви не нужен конь твой белый,
Ей все на свете по плечу.
Вот славы хочешь ты. А Франции, себе ли —
Мне все равно. Ты хочешь — я хочу!

Россель.

Поверь, что Бонапарт при счастье безусловном
Мог разогнать Конвент и смог пойти на риск...
Но если б Бонапарт не стал Наполеоном,
То он бы умер как авантюрист!
Но он был не один... А мне помочь никто
Не хочет на путях великих, но превратных...
Сам должен на земле я воплотить все то,
Что сам задумал на военных картах!
Свершение замыслов, родившихся давно,
Наверно, привело б к завоеванью мира...
А кто бы мне помог — Коммуна ли, банкиры?
В конце концов не все ли мне равно?
И пусть бы кровь лилась... Ломалось бы оружие...
Но только б воплотить воочью на земле
Задуманное мной!.. Как просится наружу...
Как ищет выхода все то, что есть во мне!!
Но жизнь не удалась!.. Не помогли друзья!!
И ты не сможешь мне помочь своей любовью...
Я весь раскрыт перед тобою...
Вот я какой. Меня любить нельзя!

Мадлен.

Нет, ты не прав, Луи!.. Пусть случаем капризным
Другому отдан твой венок...
Но я тебя люблю за то, что ты не признан...
За то, что с мыслями своими одинок...
За то, что для меня ты путь нашел к победам
И замыслы свои осуществил сполна...
За то, что ты велик, но на земле об этом
Никто не знает, только я одна!..
Моя любовь — твой ответ слабый,
И ею ты себя утешь...
Всем может быть любовь — и памятником славы.
И пышной урною несбывшихся надежд.
С тобой и горе мне переживать не трудно,
И радость вижу я лишь в обществе твоём.
Россель уходит в сторону (Бессильно встает в сторону Луи.)
Сюда идут. Уйдем, Мадлен, отсюда,
Мне хочется еще побыть с тобой вдвоем.

Россель и Мадлен уходят. С противоположной стороны аллеи выходят Риго и Мари Лавинь.

Риго.

Нет, просьба для меня твоя невыполнима,
Об этом никогда со мной не говори.

М а р и.

Как? Ты придешь спокойно мимо
И слез моих?

Р и г о.

Пройду, Мари.

М а р и.

Но боже мой! Какой Лагард преступник?
Он духовник мой с детских лет.
Он человек святой, и преступлений крупных
За ним не может быть и нет!
До дел мирских ему нет дела,
Он служит господу.

Р и г о.

Но этого слугу
Сегодня суд приговорил к расстрелу,
И я его спасти от смерти не могу
И не хочу.

М а р и.

Ага! Не хочешь?
Сам признаешь ты это?

Р и г о.

Признаю.
Он в деле д'Арбуа замешан... и, короче,
Пусть служит господу в раю,
А на земле мы разберемся сами.

М а р и.

Как ты жесток, Рауль!

Р и г о.

Что сделаешь, Мари!
Жить на земле в согласье с небесами
Ужасно трудно, черт их побери!

М а р и.

Ну хорошо. Поговорим иначе.
Так чувство у тебя ко мне уже прошло?
И, значит, ты меня уже не любишь?

Р и г о.

Значит,
Я не люблю Лагарда.

М а р и.

Хорошо.
Ну, а меня?

Р и г о.

Люблю.

М а р и.

Как...
Поверить этому!

Р и г о.

А ты не веришь?

М а р и.

Нет.
Я женщина, Рауль! А женщинам — нам надо
Любовь доказывать. Уж так устроен свет!
А в доказательство ты мне не хочешь сделать
Подобной мелочи? Такого пустака!

Р и г о.

Ну, это не пустяк и не такая мелочь.

М а р и.

Ну, значит, и любовь твоя невелика!

Р и г о.

А какова твоя? Что я узнал в награду
За этот краткий час с тобой наедине,
Что у тебя симпатии к Лагарду
Гораздо больше, чем любви ко мне...

М а р и.

Даже так. Но это не причина,
Чтоб мне отказывать. Ведь если ты и прав,
Ты должен уступить мне просто как мужчина.

Р и г о.

Я — не мужчина для забав!

М а р и.

Бывали женщины на свете и капризней.

(С пафосом.)

Но те, кто их любил, те не жалели жизни,
Готовые на все! Без рассужденья! Без
Раздумья всякого! Стремясь к одной лишь цели...

Р и г о.

Мари! Мари, ты не на сцене!
И я не персонаж средневековых пьес.

М а р и.

Как смеешь ты еще в такой момент смеяться!
Как быстро вдруг любовь твоя иссякла вся!
Ты так жесток, Рауль, что все тебя боятся,
А кто внушает страх, того любить нельзя.

Р и г о.

Быть может, ты права. По-детски, безотчетно
Я думал о тебе, такую мысль тая,
Что ты меня полюбишь не за что-то,
А просто так. За то, что это — я...
Такой, как есть, — небритый и усталый...
Проведший молодость в бегстве...
За то, что сильный я, и слабым я не стану,
Не стану даже из любви к тебе;
За то, что в юности не видел я веселья,
Сидел в тюрьме, а не в родном кругу,
За то, что храброго, неглупого Росселя,
Хоть он мне нравится, я расстрелять смогу...
За то, что даже ты — и то мне не преграда,
За то, что я с себя могу спросить вдвойне...

За то, что я тебе не подарю Лагарда,
Принадлежащего закону, а не мне.
За то, что так меня не любят и боятся
И рады обо мне сказать любую ложь.
За это все, я думал, может статься,
Что ты меня полюбишь и поймешь.
То объяснишь во мне, что непонятно людям,
Увидишь то, чего я сам не знал...

Мари.

Ты прав, Рауль! Мы сильных любим,
Но любим их за слабость к нам.
И, лишь познав ее, испытываем радость.
К мужскому сердцу мы идем своим путем.

Риго.

Ты лучше полюби не сильного за слабость,
А слабого — за силу.

Мари.

Ты хитер!

Риго.

Нет, не хитер.

Мари.

Тогда упрям.

Входят Россель и Мадлен.

Риго.

А, дорогой Россель! Присаживайтесь к нам.
Ну, как дела? Хотя у женщин,
Я полагаю, вы имеете успех?

Россель.

Да. Женщины, они обычно любят тех,
Кто их любви заслуживает меньше.
Все женщины, Риго, к несчастью, таковы!
Кто недостоин их, тот им всегда дороже.

Риго (*Росселю, с радостью*).

Ага! Не только я, и вы?
Вы убедились в этом тоже?

Есть только две любви у нас под небесами,
Как полагают лучшие умы.
В одной — себя приносим в жертву мы,
В другой, наоборот, мы жертву ищем сами!
Но если можно между ними
Остановиться на любой —
Где можно жертвовать другими
Зачем нам жертвовать собой?

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Кабинет делегата Общественной безопасности в здании префектуры. Большая комната. Два стола. Один — большой, расположенный напротив входной двери. За ним в момент поднятия занавеса сидит Риго. Другой, поменьше, в глубине кабинета. За ним сидит Жантон. По стенам расставлены стулья и кресла. Столы завалены папками и многочисленными бумагами. Риго и Жантон — в мундирах Национальной гвардии.

Риго.

Погонят нас с тобою вскоре
Отсюда, дорогой Жантон.

Жантон.

За то, что с большинством мы постоянно в споре?

Риго.

Ну, если б дело было только в том!
Мы делаем не то, что большинству хотелось.
Не только спорим с ним, но действуем не так!
Я, например, вчера себе позволил смелость
Послать пикет мой во Французский банк!
И пропусков к секретным заключенным
Мы не даем... А был на днях декрет,
Что надо выдавать. За это, брат, еще нам
Перед Коммуной предстоит ответ.
Устроить детский сад они хотят банкирам
Из политической тюрьмы!
А я, чтобы враги общались с внешним миром,
Не допущу! И пусть кричат, что мы
Нарушили закон! А если это нужно?

Жантон.

Есть у борьбы свой собственный закон:
В бою из рук врага оружие
Не выбивают языком!

Риго.

А как с Лагардом быть? Мы расстрелять хотели
Его, и вдруг приказ, смотри...

(Передает Жантону приказ.)

А я из-за него был в свое две недели
С моей подружкой Мари!

Жантон *(читает приказ)*.

Да, раз в Версаль его отъезд
Решен Коммуною — нам надо подчиниться.

Риго.

Но вряд ли к нам назад вернется эта птица...
Тюрьма для птицы — не насест!
Он, правда, клятву дал...

Жантон. Ну что же...
Быть может, это и неверный путь,
Но за Бланки, полагаю, можно
Одним попом в конце концов рискнуть!
Обманет — тоже не беда.

Риго. Он ждет в приемной. Пусть войдет сюда.

Жантон выходит и возвращается с Лагардом. Лагард некоторое время стоит молча, так как Риго погружен в чтение одной из бумаг.

Лагард.
Я здесь, мой сын.

Риго. Боюсь, отцовство ваше
Вы не докажете мне, дорогой аббат.
Раз римский папа мне и то не папа даже,
Так вы, наверно...

Лагард. Виноват.

Риго. Итак, сегодня вас мы отправляем к Тьеру.
Но вы вернетесь к нам сюда!
Вы, кажется, клялись на библии?..

Лагард. О да!

Риго. Хотя в эти клятвы я давно утратил веру...
Вы Тьеру скажете о том, что в наших списках
Есть те преступники, чью казнь я задержал:
Вы, д'Арбуа, архиепископ,
Викарий Дегерри и гражданин Бонжан.
Всех четверых мы предлагаем вместо
Захваченного им предательски Бланки.

Лагард. О, это все мне хорошо известно!
Мои надежды очень велики,
Что господин премьер...

Риго. В лице убийцы Тьера
Ни господина, ни премьера
Никто не видит кроме вас.

Лагард. О, это так... одна из неудачных фраз...
Прошу меня простить. Вы истину сказали.

Риго (протягивая Лагарду два письма).
Возьмите эти два письма.
Одно из них — для вас, другое — для Версаля.
И можете идти.

Лагард.

Благодарю весьма.

(Берет письма и уходит.)

Жантон.

Итак, ты думаешь, что Тьер не согласится?

Риго.

Да, к сожалению, почти что убежден.

Жантон.

Но д'Арбуа, Бонжан — не маленькие лица!

Риго.

Однако д'Арбуа не может стать вождем

В Версале все-таки. Бланки же

Легко им может стать в Париже.

Боюсь, что в этом Тьер сумеет разобраться,

И без особого, мне кажется, труда.

Кто следующий там?

Жантон.

Банкир Жеккер.

Риго.

Мерзавца

Пора бы расстрелять! Зови его сюда.

Жантон выходит и сразу возвращается с Жеккером.

Ну-с, господин банкир, еще вы не сознались?

Жеккер.

Я разорен. Я нищ! В чем сознаваться мне?

Риго.

Как? Даже будучи с собой наедине,

Не углубились вы в анализ

Поступков собственных?

Жеккер.

Я понял, к сожалению,

Что просто жизнь моя — несчастья пример.

Риго.

А то, что ваша жизнь сплошное преступление,

Вам стало ясным, господин Жеккер?

Жеккер.

Не стало, нет. И не могу понять я,

В чем, собственно, за мной вы видите вину?

Риго.

Вы в Мексике имели предприятия?

Жеккер.

Имел.

Риго.

И вовлекли нас с Мексикой в войну?

Жеккер.

Я не вовлек. Но почему вам странно,

Что я просил, как гражданин страны,

У Франции защиты? Разве страны
За подданных своих вступаться не должны?

Р и го.

Вы гражданство свое уже меняли дважды.

Жеккер.

Но по закону! В чем я виноват?
Что в ваше гражданство я перешел из граждан
Швейцарии?

Р и го.

Там не было солдат,
А вашим рудникам была нужна опора!
Вы по дешевой взяли их цену
У президента Мексики, который
Их продал вам в ущерб своей стране.

Жеккер.

Но по закону! Купчие в порядке.
Утверждены в парламенте они!

Р и го.

Как? Все законно? Даже ваши взятки
Министрам Франции и герцогу Морни?
И наше в Мексику отправленное войско,
За ваши взятки и за рудники
Кровь проливавшее?

Жеккер.

Не столь уже геройски,
Потери не были чрезмерно велики.

Р и го.

Не велики? Пять тысяч жизней?!
За что же все они погибли, наконец?
За ваше гражданство в чужой для вас отчизне?
Вы, господин Жеккер, подлец!

Жеккер.

Но почему? Вам просто не знакомы
Дела коммерции. Все сделки таковы.
Что незаконного я сделал?

Р и го.

Но законы
Писали подлецы такие же, как вы.

Жеккер.

Других законов нет

Р и го.

Однако будут вскоре.

Жеккер.

Ну, если будут, буду жить по ним.

Р и го.

Не будете.

Жеккер.

Что?..

Р и го.

Жить.

Жеккер.

Ну, это мы поспорим..

Р и го.

Не будем спорить.

Ж ек к е р.

Ну, поговорим...

Р и го.

Не будем.

Ж ек к е р.

Значит, вы грозите мне... расстрелом?

Р и го.

Расстрел — для вас еще одна из мягких мер.

Ж ек к е р.

Но это будет... незаконным делом.

Р и го.

Но справедливым, господин Жеккер.

(Звонит.)

Входит солдат Национальной гвардии. Риге жестом приказывает увести Жеккера. Жеккера уводят. Вдруг дверь резко распахивается и входит группа членов Коммуны — Делеклюз, Беле, Арну, Клеман и с ними де Сек.

Б е л е.

Что это значит, в самом деле?

Вы подчиняетесь Коммуне или нет?

Р и го.

Да. Подчиняюсь.

Б е л е.

Как же вы посмели

Вдруг во Французский банк направить свой пикет?

Р и го.

Я не уверен, что директор банка

Столь преданный Коммуне человек.

Д е С е к.

Но я вам не дал повода, однако,

Для недоверья...

Р и го.

Гражданин де Сек,

Происхождение и деятельность ваша

Не вызвали доверья моего.

Б е л е.

Но большинство мы — весим! И не важно

Нам ваше мнение, гражданин Риге!

Прошу из банка удалить охрану

В течение сегодняшнего дня!

Я контролирую де Сека.

Р и го.

Как ни странно,

Но в данном случае, мне кажется, меня?

А р н у.

И вы подвластны нашему контролю.

Р и го.

Я контролировать себя всегда позволяю,
Я — не де Сек! Мне золото ночами
Нет нужды отправлять в Версаль.

Беле.

У вас есть факты?

Р и го.

Нет, что, правда, очень жаль.

Де Сек.

Но факты следует вначале
Иметь, а после говорить!

Р и го.

Я разделяю мнение ваше,
Но гражданин Беле всегда стоит на страже
У тех дверей, где можно их добыть.
Банк для меня он держит под замком,
А неприятностей я жду как раз оттуда...
Мне отвечать за безопасность трудно
При положении таком.
Неясно — почему Коммуной не захвачен
Французский банк?

Жантон.

И Ротшильдовский банк?

Делеклюз.

Поскольку большинство настроено иначе
И думает не так...

Р и го.

Вот именно, не так!

А надо думать так! Ведь, рассуждая грубо,
Не только в деньгах мы нуждаемся в самих,
Но банки — это золотые зубы
Буржуазии! Как не вырвать их?!
Ведь если Тьер перегрызет нам горло,
Так только этими зубами! Как-никак,
Но золото является, бесспорно,
Оружием врага! Оно — у нас в руках!
Должны же мы использовать его?
Давайте действовать! Гвардейцы могут сразу
Занять Французский банк по моему приказу...

Де Сек закрывает лицо руками и сидит неподвижно в этой позе.

Де Сек (тихо).

О боже мой!

Делеклюз.

Но в банке том, Риго,

Чужое золото... Где ваше благородство?..

Клеман.

Преступно было бы...

Жантон.

Скорей наоборот!

Не взявши золота — мы предаем народ
И совершаем преступленье просто!
Французский банк не должен быть и часа
В чужих руках! И я весьма
Склоняюсь к точке зренья Маркса,
Известной всем нам из его письма.

Клеман.

А, чепуху вы говорите!
Здесь революция — мы безраздельно с ней!
А Маркс... он в стороне от нынешних событий.
Что может видеть он?

Жантон.

Со стороны видней!

Беле (подойдя к де Сему).

Что с вами?

Де Сек.

Ничего...

Мне стыдно. Я краснею...
Так оскорбительно все это для меня,
Что я бы в банке не провел и дня,
Когда б не Франция! Но долг мой перед нею...

Риго (де Сему).

А что такое Франция? Народ!

Или не так?

Де Сек.

Да... может быть, отчасти

Народ... Вы правы.

Риго.

Ну, так вот

И передайте банк тогда народной власти!

Де Сек.

Но банк доверен мне.

Риго.

Да. Нашими врагами.

Беле.

Зачем нам банк? Когда бы за деньгами
Ни обращались мы, нам их давал де Сек.
Он очень преданный Коммуне человек!
Нет основания не доверять ему.
Раз деньги он дает — мы можем быть друзьями.

Риго

Он деньги нам дает, но только потому,
Что мы и без него могли бы взять их сами!

Беле.

Но банк принадлежит не нам, а всей стране,
И мы не грабим на большой дороге.

Де Сек.

О! В этом случае я б умер на пороге
Подвалов банка! Банк доверен мне.

Жантон (де Сек).

Нет, мы надеемся не хоронить вас вскоре...
Мы просим вас пожить немного на земле,
Хотя бы для того, чтоб гражданин Беле,
Оплакивая вас, и сам не умер с горя.

Беле.

Мне шутки ваши надоели.
Я разбираюсь в людях лучше вас!
Как предан нам де Сек, он доказал на деле.
Вы будете краснеть сейчас!
Вы знаете, кто выдал нам Лагарда?

Де Сек (умоляюще).

О господин Беле!..

Беле (не слушая его). Я вам скажу: де Сек!

Арну.

Де Сек?

Делеклюз. И это правда?

Де Сек. Правда.

Беле.

Я это вынужден был заявить при всех,
Чтоб положить конец насмешкам и обидам!

Клеман.

Де Сек? Не верю я ушам!

Жантон.

А я так верю. Только если выдал,
То чем-то, видимо, Лагард ему мешал.
(Риго.)

Как жаль, что до сих пор мы этого не знали...

Риго.

И как назло Лагард отпущен нами!

Де Сек (с испугом).

Отпущен? Как? Куда?

Риго.

В Версаль.

Де Сек.

В Версаль отпущен? Почему же?

Жантон.

А вам от этого что — лучше?

Де Сек.

Я просто так спросил... Какая мне печаль!..

Беле.

Вы, гражданин де Сек, идите... А пикета
У вас не будет в банке через час.
Я в этом просто заверяю вас
И гарантирую вам это!

Де Сек.

Весьма благодарю!

Беле (с поклоном).

Помилуйте! За что же?

Риго (де Секу).

Вы можете пока идти своим путем.

Но то, что мы к вам в банк в конце концов придем,

Я гарантирую вам тоже!

Де Сек уходит.

Жантон.

Я не пророк, Беле, однако, наперед

Вам предсказать могу спокойнейшую старость...

И власть доверил вам народ,

И от банкиров вам большая благодарность!

Беле.

Насмешки ваши очень остроумны,

Однако ими я нисколько не задет.

Прошу вас отозвать из банка ваш пикет!

Риго.

Я выполню решение Коммуны.

Надеюсь, все?

Арну.

Нет, дорогой Риго.

Мы просим вас ответить: для чего

Мы вынесли на днях свое постановление

О пропусках?

Риго.

О пропусках? К кому?

Клеман.

К кому угодно, кто за преступление

Еще не осужден, но заключен в тюрьму.

Риго.

Вы — о секретных заключенных?

Беле.

Таких не может быть.

Риго.

Они, однако, есть.

Беле.

Вы считаете их законными,

А не они при вас, что следует учесть.

Риго.

Я вынужден просить у вас отставки.

Делеклюз.

Нам надо выслушать и мнение Риго.

Решенье, правда, есть, но могут быть поправки,

Которые внести и следует в него.

Р и г о.

Тут не поправки следует, а ясность
Внести в решение, правды не боясь.
Мне трудно отвечать сейчас за безопасность,
Когда преступники имеют с миром связь.
И кто еще? Преступники не просто,
Но злейшие враги Коммуны! Для меня
Не составляют даже и вопроса,
Как в обстоятельствах сегодняшнего дня
Нам с ними поступать.

К л е м а н.

Расстреливать, наверно?

Р и г о.

А как бы поступил, скажите, с вами Тьер?
Да, обстоятельства, скажу вам откровенно,
Сегодня требуют от нас жестоких мер.

А р н у.

Мне удивительно: как люди,
Еще вчера сидевшие в тюрьме
И защищавшие вчера свободу грудью,
Так говорят сегодня? Странно мне.
Зачем в изгнание шли мы по своей охоте
И против деспотов всю жизнь вели войну?
Чтоб деспотами стать самим в конечном счете?

К л е м а н.

Вы правы, гражданин Арну!

А р н у.

Простят ли павшие у баррикад Монмартра,
Все, за свободу вставшие стеной,
Подобный деспотизм, проявленный на завтра,
Нам, взявшим власть столь дорогой ценой?!

Р и г о.

Простят ли павшие у баррикад Монмартра,
Что, о свободе здесь поговоривши всласть,
Как игроки, вы ставите на карту
Ценою жизней их полученную власть?
Да! В трудный час, когда судьба народа
Зависит от решения, кто решит:
Сам ограничить вынужден свободу
Тот, кто ее намерен сохранить?

К л е м а н.

Вы что ж, считаете, народу очень важно,
Кто, собственно, его гнетет: Наполеон?
Людовик? Тьер? Или персона ваша?
Свободы полной хочет он.

Р и г о.

Боюсь, что не о нем у вас идут заботы,
Поскольку наш народ свободен от оков.
Неясно,— для кого вы ищете свободы?

К л е м а н.

Для всех!

Р и г о.

Для всех? И для ее врагов?
По тюрьмам не сидит уже народ сегодня —
Сидят его враги. Свободу им вернуть?
Простите, для чего? Чтобы они свободней
Могли свободе голову свернуть?

К л е м а н.

Одно не ясно, к сожалению,
А вдруг война продолжится? Тогда
Вы захотите и ограниченья
Продлить, наверно?

Р и г о.

Думаю, что да.

К л е м а н.

Ах вот как! Хорошо! Но, победив версальцев,
Кто даст гарантию, что нам
Еще и с немцами не надо будет драться?

Р и г о.

Никто, наверно, гражданин Клеман.

К л е м а н.

Ах вот как? Хорошо! Но, победивши немцев,
Кто даст гарантию нам в том,
Что мы придемся Англии по сердцу
И Австрии!

Р и г о.

Никто.

К л е м а н.

Так, может быть, потом
Еще придется нам и с ними
Сражаться тридцать, сорок лет?
И ограничивать еще себя во имя
Такой борьбы?

Р и г о.

Весьма возможно.

К л е м а н.

Нет!

Мы, гражданин Риго, такого не позволим!
Здесь будет означать,
Что мы должны держать все время под контролем
Свободу мнений? Зрелища? Печать?
И этих всех свобод еще десятилетия
Закон борьбы нам полностью не даст?
Кто ж их получит! Наши дети?

Р и г о.

Возможно, дети.

Риго.

Не я фантаст, а вы фантасты,
Когда считаете, что сорок дней назад
Судьбу свободы, равенства и братства
Решили наш успех у первых баррикад,
Знамена, поднятые нашими руками,
И эти ваши громкие слова.
Вы думаете, то, что создано веками,
Само исчезнет все за месяц или два?
Фантасты — вы! Так думая, оставьте
Врагу без боя ваши рубежи.
Жизнь — это жизнь! И безоружной правде
Не победить вооруженной лжи!

Арну.

По-разному с Риго мы смотрим на свободу.

Беле.

Да! С этим юношей расстаться нам пора...

Риго.

Моя отставка, если вам угодно,
Написана еще вчера.

Делеклюз.

Не нервничай, Риго. Мне кажется, не правы
Здесь в большей степени Беле, Клеман, Арну.
Но перед большинством все точки зрения равны,
И вспыльчивость тебе не ставлю я в вину.
Их убедить потом ты не теряй надежды,
Но с мнением большинства, однако, примиришь.

Беле.

И знайте, истина лежит обычно между...

Риго.

Не истина, а только компромисс,
Но этот компромисс, как и любой, не прочен.
Я буду на своем настаивать опять.

Делеклюз.

Так в правоту свою ты твердо веришь?

Риго.

Очень.

Делеклюз.

Тогда отставку следует принять.

Беле.

Конечно, следует! К чему же спор, которым,
Не может быть решен вопрос?

Делеклюз.

А что, если тебя назначить прокурором
Коммуны? Это — важный пост.

Риго.

Я соглашусь на пост любой,
Где можно быть самим собой.

Беле (с иронией).

Что ж, правильно Риго на этот пост намечен.
Он сможет проявить на нем свой пылкий нрав
И злоупотребить всего лишь красноречьем.

Делеклюз.

И все-таки Риго был в этом споре прав!

Делеклюз, Беле, Клеман и Арну уходят.

Жантон.

Не стоит спорить с болтунами,
Недолгим будет их слепое торжество.
Поверь, они — не большинство.
Мы — большинство! Народ Парижа с нами!

Риго (перебивая Жантона).

Но происходит все пока что им в угоду...
Ты прав, но оттого не легче нам ничуть.

Жантон.

Нам обратиться следует к народу!

Риго.

Произойдет раскол... А это — скользкий путь.
Особенно сейчас и в положение нашем.

Жантон.

Мы положение народу объясним
Раскол с народом только страшен,
А мы во мнениях не разойдемся с ним.

Входит Россель.

Россель.

Привет, Риго! К вам на минутку можно?

Риго.

А, здравствуйте, Россель! Давно не видел вас.

Россель.

Я поосто мимо шел.

Риго.

И что же?

Россель.

Решил зайти в свободный час.

Риго.

Как настроение?

Россель.

Плохое.

Риго.

Причина?

Россель. Множество причин.
Но главное — мне не дает покоя
То ощущение, что я почти один.

Риго. Как так — один?

Россель. Да очень просто.
Ведь мне надеяться нельзя ни на кого.
Простите, вы имеете знакомство
С военным делом, гражданин Риго?

Риго. В известной степени.

Россель. Тогда не стоит длинно
Вам это объяснять... Для вас ведь не секрет,
Что в каждой армии бывает дисциплина?
А в нашей армии ее как раз и нет!
Есть, правда, в нескольких надежных батальонах,
Но к дисциплине остальных солдат
Не приучили даже отдаленно.
Они не слушают, а сами говорят!
И вот мне кажется, что я один предвижу,
Куда ведет вся эта болтовня.
Ведь что ни день — версальцы ближе.
Один опасный сон преследует меня...

Риго. Опасный? Почему?

Россель. А вы б арестовали
Меня, Риго, стань явью этот сон?
Мне снится зала ратуши, а в зале
Журд, Делеклюз, Артюр Арну, Малон,
Клеман, Беле...

Риго. Но Делеклюз не очень
Подходит к ним. Он не из болтунов.

Россель. Но он находится все время, между прочим,
Под их влиянием.

Риго. Во время ваших снов?

Россель. А наяву?

Риго. А наяву

Он подчиняться должен большинству
И действовать, как большинству угодно.
Что ж дальше было в вашем сне?

Россель. Отряд солдат поставил я у входа:
Два патруля на южной стороне

И два на северной. А с батальоном верных
И преданных солдат...

Риго. Как — преданных? Кому?

Россель.

Мне, дорогой Риго. Арестовал, во-первых,
А во-вторых, препроводил в тюрьму
Беле, Арну и с ними прочих.
Затем при помощи весьма жестоких мер
Ввел дисциплину в армии.. Короче,
Во сне я действовал как честный офицер.
Поставивши затем войска для обороны
Парижа от фортов Гиври и до Исси,
Я во главе резервных батальонов
Ударил на Аньер, чтоб их потом вести
На Аржантейль, Шату — и так до Сен-Жермена,
Чего я и достиг, зайдя версальцам в тыл.

Риго.

И после на Марли спустились?

Россель. Непременно.

И к вечеру уже я под Версалем был.

Риго.

Блистательный маневр!

Россель. А главное, бросая

Свои войска на юг, осуществив бросок,

Я оттеснял дивизии Версаля

К немецким армиям — на северо-восток!

Риго.

А что вы сделали, вернувшись из похода,

Когда уже достигнут был успех?

Россель.

Что сделал? Всем вернул свободу.

Жантон.

Как? Всех их выпустили?

Россель. Всех.

А почему бы нет? Когда мы дисциплину

Ввели у нас в войсках? Когда Париж спасен?

Сон, правда, длинный...

Риго.

Сон, не длинный,

Но разработанный весьма подробно сон.

Вы человек талантливый и умный.

Зачем вам говорить, не открывая карт?

Вы поступить хотели бы с Коммуной,

Как поступил с Конвентом Бонапарт?

И если бы вы тех арестовали,

Кого вам хочется, то, думается мне,

Освободили б их вы из тюрьмы едва ли —
Ну разве, может быть, во сне.

Россель.

Нет, дорогой Риго! Ну что вы!

Риго.

Вы лишь попутчик наш в сегодняшней борьбе.
Вы сторсне любой сперва служить готовы,
Чтобы потом служить себе.

Я верю в ваш талант... Однако вам в угоду
Я интересов общих не предам.

Я верю в вас, но я не верю — вам!

Вот если б свои талант вы отдали народу,

То вашим снам и всем кошмарам жутким

Пришел конец, мой дорогой Россель!

Жантон.

Да!.. С переполненным желудком

Ложиться, видимо, не стоит вам в постель!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Франкфурт-на-Майне. Отель «Лебедь». Большой зал. В зал ведут две двери. Мебель в стиле немецкой готики. В зале у большого стола, покрытого спускающимся до полу зеленым сукном с золотой бахромой, Бисмарк и Роза Блюм.

Бисмарк.

Чего же хочет ваш Блейхредер, фрау Блюм?

Роза Блюм.

Ускорить взносы первых сумм

По контрибуции с французов, ваша светлость.

Бисмарк.

Ну что ж... Желанья наши тут

Сешлись, я бы сказал, на редкость...

Но деньги где они возьмут?

Роза Блюм.

Как это?.. Странно...

Бисмарк.

Нет, не странно.

Их у французов нет — и в этом весь вопрос.

Роза Блюм.

Но занимали ж вы у Ротшильда Натана,

А у французов Ротшильд свой Альфонс

Он деньги им взаймы предложит...

Бисмарк.

Под семь процентов годовых?

Роза Блюм.

Но это волновать не может нас...

Бисмарк.

Нет, может.

Без помощи моей как он получит их?

Роза Блюм.

Но в этом деле есть, как вы уже сказали,
Ваш общий интерес?

Бисмарк.

Прошу иметь в виду,

Что я обычно трезвыми глазами

Привык оценивать все то, на что иду.

Пусть будет Ротшильду известным,

Что он оплатит мне в дальнейшем каждый Франк.

Я помогу ему... но пусть Французский банк

Отныне служит прусским интересам!

Роза Блюм.

Но Ротшильд нам и так служил в известной мере...

Бисмарк.

Так пусть без меры служит мне теперь!

(Звонит.)

Входит секретарь.

Вы, фрау Блюм, пройдите в эти двери.

А Фавр ко мне войдет пусть через эту дверь.

Роза Блюм в сопровождении секретаря выходит. Входит Фавр.

Мне, господин министр, известно то, что в письмах

К английскому и русскому послам

Вы заявляете, что несговорчив Бисмарк.

А разве я не шел навстречу вам?

Я даже пленных, взятых под Седаном,

По вашей просьбе возвращал.

Хоть моему правительству и странным

Казался иногда такой подход к вещам.

Фавр.

Но сорок тысяч лишь...

Бисмарк.

Ах, только? Очень мило!

Так что ж, я должен был всех пленных вам вернуть?

Да вы с ума сошли! До заключения мира?

Да был ли прецедент такой когда-нибудь?

А сами вы ни одного условия

Не выполняете.

Фавр.

Но что же делать, князь?

Ведь вы же знаете: мы истекаем кровью,

С бунтовщиками нашими борясь.

Бисмарк.

Я вам могу помочь ускорить ход событий.

Вам трудно взять Париж? Хотите, я возьму?

Фавр.

Но видите ли, князь...

Бисмарк.

Вы сами не хотите?

Фавр.

Но, князь, понятно, почему?
Вы уничтожите, конечно, коммунаров,
Но у французов есть одно из странных свойств:
У нас правительство не будет популярным,
Вошедшее в Париж по воле прусских войск.
Когда уйдете вы, то ни один версалец
В парижской ратуше и дня не проживет.
Вот если б вы в Париже и остались...

Бисмарк.

Вы — настоящий патриот!

Фавр.

Разумный патриот. Я этим не обижен.
Наш банк, Французский банк, — в руках бунтовщиков.
Как можем мы, не овладев Парижем,
Условия выполнять!

Бисмарк.

А выход-то каков?

Фавр.

Не может быть, чтоб вы его не знали.
Мы сообща сейчас его найдем...
И мирный договор подпишете вы с нами
И соглашение секретное при нем.

Бисмарк.

Какое это будет соглашение?

Фавр

(передавая Бисмарку проект соглашения).
Пожалуйста! Сейчас для нас важнее всего
Блокировать Париж, то есть закрыть движение
Как в город, так и из него.
Мы просим пропустить соединенья наши
Сквозь ваши линии в определенный час,
Когда начнется штурм.

Бисмарк.

Пожалуй, это даже
В известной степени устраивает нас.

Фавр.

Но ваша армия закроет всякий выход
Войскам из парижских улиц?

Бисмарк.

Да! Вы имеете довольно много выгод
От соглашения!

Фавр.

Вы также, вместе с тем.
Ведь мирный договор, хоть мы его подпишем,
Лишь будет векселем пока у вас в руках.
Мы оплатить его, не овладев Парижем,

Не сможем, видимо, никак.

Различны выгоды, но путь к ним одинаков...

Бисмарк.

Но я хстел бы вам задать один вопрос:
Вы через месяц нам внесете первый взнос,
Определяемый в полмиллиарда франков?

Фавр.

По перемирию как будто бы так скоро
Мы не должны платить...

Бисмарк.

По перемирию — да,
О сохранении секретном разговора
Как будто тоже не было тогда,
И до начала будущего года
Вы миллиард еще внесете... к январю.

Фавр (в ужасе).

Где мы его возьмем?

Бисмарк.

Где будет вам угодно.

Фавр.

Вы разорите нас!

Бисмарк.

Навряд ли разорю.

Фавр.

Но столько золота в наличии едва ли
У нас найдется, князь.

Бисмарк.

Придется взять взаймы.

Фавр.

Но кто нам столько даст?

Бисмарк.

А те, что нам давали,
Когда нуждались в этом мы.
Бельфорский округ нам вы отдадите тоже.

Фавр.

Как?! И Бельфор?

Бисмарк.

Конечно, и Бельфор.

Фавр.

Об этом не было ни слова до сих пор!

Бисмарк.

Ну, раньше не было. Так что же?

Фавр.

Пощады, князь, прошу у вас!
Ведь мы же отдали без спора
Вам Лотарингию, Эльзас...

Бисмарк.

Зачем же спорить вам тогда из-за Бельфора?

Фавр.

Вы — псбедитель, князь! А мы побеждены.
Вы хорошо, мы плохо воевали.

Бисмарк.

Вы сами не хотите?

Фавр.

Но, князь, понятно, почему?
Вы уничтожите, конечно, коммунаров,
Но у французов есть одно из странных свойств:
У нас правительство не будет популярным,
Вошедшее в Париж по воле прусских войск.
Когда уйдете вы, то ни один версалец
В парижской ратуше и дня не проживет.
Вот если б вы в Париже и остались...

Бисмарк.

Вы — настоящий патриот!

Фавр.

Разумный патриот. Я этим не обижен.
Наш банк, Французский банк, — в руках бунтовщиков.
Как можем мы, не овладев Парижем,
Условия выполнять!

Бисмарк.

А выход-то каков?

Фавр.

Не может быть, чтоб вы его не знали.
Мы сообщу сейчас его найдем...
И мирный договор подпишете вы с нами
И соглашение секретное при нем.

Бисмарк.

Какое это будет соглашение?

Фавр (*передавая Бисмарку проект соглашения*).

Пожалуйста! Сейчас для нас важней всего
Блокировать Париж, то есть закрыть движение
Как в город, так и из него.
Мы просим пропустить соединения наши
Сквозь ваши линии в определенный час,
Когда начнется штурм.

Бисмарк.

Пожалуй, это даже

В известной степени устраивает нас.

Фавр.

Но ваша армия закроет всякий выход
Войскам и коммуникациям парижских сил.

Бисмарк.

Да! Вы имеете довольно много выгод
От соглашения!

Фавр.

Вы также, вместе с тем.

Ведь мирный договор, хоть мы его подпишем,
Лишь будет векселем пока у вас в руках.
Мы оплатить его, не овладев Парижем,

Не сможем, видимо, никак.

Различны выгоды, но путь к ним одинаков...

Бисмарк.

Но я хотел бы вам задать один вопрос:
Вы через месяц нам внесете первый взнос,
Определяемый в полмиллиарда франков?

Фавр.

По перемирию как будто бы так скоро
Мы не должны платить...

Бисмарк.

По перемирию — да,
О сокращении секретном раз. вара
Как будто тоже не было тогда,
И до начала будущего года
Вы миллиард еще внесете... к январю.

Фавр (в ужасе).

Где мы его возьмем?

Бисмарк.

Где будет вам угодно.

Фавр.

Вы разорите нас!

Бисмарк.

Навряд ли разорю.

Фавр.

Но столько золота в наличии едва ли
У нас найдется, князь.

Бисмарк.

Придется взять взаймы.

Фавр.

Но кто нам столько даст?

Бисмарк.

А те, что нам давали,
Когда нуждались в этом мы.
Бельфорский округ нам вы отдадите тоже.

Фавр.

Как? И Бельфор?

Бисмарк.

Конечно, и Бельфор.

Фавр.

Об этом не было ни слова до сих пор!

Бисмарк.

Ну, раньше не было. Так что же?

Фавр.

Пощады, князь, прошу у вас!
Ведь мы же отдали без спора
Вам Лотарингию, Эльзас...

Бисмарк.

Зачем же спорить вам тогда из-за Бельфора?

Фавр.

Вы — псбедитель, князь! А мы побеждены.
Вы хорошо, мы плохо воевали.

Но я прошу от имени страны,
Прекрасной Франции, лежащей перед вами:
Ее высоких чувств не втоптывайте в грязь!
Поможем детям, князь, и овдовевшим женам.
Я знаю — горе побежденным.

Но я прошу вас, сжальтесь, князь!
Ужель мои слова окажутся бесцельны?
Не я, но Франция лежит у ваших ног!

Бисмарк (сначала с изумлением, потом с интересом слуша-
вший его речь).

Вы очень хорошо играли бы на сцене.

Какой прекрасный монолог!

Фавр (уже совершенно другим тоном).

Но ведь у нас петля действительно на шее,

И вы нам уступить должны на этот раз.

Бисмарк.

А разве каждый пункт в секретном соглашении

Не говорит о том, как я жалею вас?

Фавр.

Вы помогаете покончить нам с Коммуной,

Но пожалейте Францию! Народ!

Бисмарк.

Такая жалость не была б разумной,

А вы как раз — разумный патриот.

Фавр.

Однако Франция такого унижения

Еще не знала до сих пор...

Бисмарк (вставая).

Зато я подписал не только соглашение,

Но и Коммуне смертный приговор!

Фавр (со вздохом).

Прощайте, князь!

Бисмарк.

Желаю вам здоровья!

Фавр уходит. Сразу же входит секретарь.

Секретарь.

Там фрау Блюм вас ждет...

Бисмарк.

Вы на ее вопрос

Ответьте за меня: по мирному условию

Мне удалось ускорить первый взнос,

И сумму взноса я удвоил.

Потом я вас прошу найти негласный путь

К послам английскому и русскому. Обоим

Секретный договор доставьте как-нибудь.

Возьмите-ка с собой два договора эти,

Но гласный вы пока не отдавайте им:
Его мы от послов должны держать в секрете,
А гласности как раз секретный предадим.
Пусть знают, что вопрос с Коммуною покончен
И волноваться больше нет причин.
И лишь потом узнают, между прочим,
Что от французов я за это получил!

Секретарь с понимающей улыбкой кланяется и уходит, почтительно держа в руках обе бумаги.

Вопросов на земле есть множество досужих...

Но одного никак я не пойму.

Кто, собственно, кому в конечном счете служит:

Мне — Ротшильд или я — ему?!

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Небольшая комната, расположенная в башне высокого дома по улице Гэ-Люссак. В комнате два несколько выгнутых наружу окна. Из них видны близлежащие улицы и крыши домов. Но в момент поднятия занавеса окна закрыты, жалюзи опущены и сквозь узкие щели скупно пробивается свет. Обставлена комната с претензией на роскошь — дешевой, так называемой «французской» белой лаковой мебелью, отделанной золотом. В комнате Мари Лавинь и Россель. Россель в штатском платье.

Россель.

Я десять дней уже скрываюсь.

Мари.

В самом деле?

Что вас заставило?

Россель.

Когда

Я отдал форт Исси версальцам, то хотели

Меня судить. Я скрылся от суда.

Мари.

Но вы же этот форт без умысла сдавали?..

Россель.

Коммуна этому поверила б едва ли...

Все это так сложилось потому, что

Я понял за короткий срок,

что одинаково мне нужны

Коммуна и Версаль. Я просто одинок!

Я — Франции хотел принадлежать душой:

Однако жизнь меня наглядно убедила,

Что в ней два лагеря... и в каждом я чужой.

Мари.

Но именно теперь не стоит волноваться,

Вам надо переждать спокойно два-три дня,

И можно будет перестать скрываться.
Версальцы победят.

Россель. Тем хуже для меня.
Ведь все-таки я был военным делегатом
Во дни Коммуны. Это не пустяк.
Конечно, суд меня признает виноватым,
Мне этого версальцы не простят.
На то, чтоб жизнь спасти, я потерял надежду,
Но лучше б умереть на чьей-то стороне.
А то ведь умирать придется где-то между...
Вот что меня гнетет, вот что противно мне.
(Встает собираваясь уходить.)

Мари.

Уже уходите?

Россель.

Да, мне пора.

Мари.

Куда же?

Россель делает неопределенный жест.

Бойтесь встретить здесь Риго?

Россель.

Нет, почему? Я не боюсь его.
Как сильный человек, он мне приятен даже.
Но, встретив здесь меня, он стал бы ревновать,
Он мог бы что-нибудь подумать.

Мари.

Да, конечно.

Россель.

А так как перед ним и я и вы безгрешны,
Не следует его напрасно волновать.
(Уходит.)

Почти сразу после его ухода раздаются подряд несколько залпов.

Мари (испуганно).

О господи! Опять! И где бы тихий угол
В Париже отыскать?.. Мне страшно здесь одной...
Скорей бы все они покончили друг с другом
И дали бы мне наконец покой!

Снова выстрелы. В комнату доносятся отдаленные крики. Мари бросается
на постель и прячет голову в подушки. Входит Риго.

Риго.

Мари!

Мари.

Рауль! О как я рада!

Мне страшно. Я боюсь одна...

Риго.

Здесь так темно!

(Поднимает жалюзи.)

М а р и.

Рауль! Не надо!

Там стоны... выстрелы... Не открывай окна!

Подняв жалюзи, Риго открывает окна. В комнате становится светлей. На стены ложатся багровые пятна заката.

Р и г о.

Ну что за глупости! Забравшись так высоко,
Ты в безопасности от пуль.

(Смотрит в окно.)

Как хорошо! Из этих окон
Все видно!

М а р и.

Отойди, Рауль!

Р и г о.

Оставь, Мари. Я все прекрасно вижу.
Теперь, конечно, мы не попадем впросак.

(Записывает.)

Они идут на нас путем, который ближе,
Не улицею Гэ-Люссак...

Выстрелы.

М а р и.

Иди сюда, Рауль! Мне жутко!
Закрой окно! Прошу тебя, закрой!..

Р и г о (пристроившись в подоконнике, смотрит в окно и записывает.)

Постой, Мари... Одну минутку!
Я не могу сейчас беседовать с тобой.

М а р и.

Но ты пришел ко мне?

Р и г о.

Нет, это заблуждение.

Я эту комнату три дня тому назад
Снял, как удобный пункт для наблюдения
В районе наших баррикад.

М а р и (в страхе).

Зачем же ты меня здесь поселил?

Р и г о.

Напрасно

Боишься ты. В конце концов

И для тебя здесь безопасно,

И подозрения не будет у жильцов,

Что эта комната на что-нибудь пригодна

И кроме наших встреч.

М а р и.

Но это был секрет

И от меня? Так не ко мне сегодня

Ты шел сюда?

Р и г о.

Признаться, нет.

М а р и.

Я не останусь здесь...

Р и г о.

Не бойся.

М а р и (хватает Риго за руки).

Ты разлюбил меня...

Р и г о.

Дай записать, Мари...

(Пишет.)

Так, батальон... Вторсй... Как будто все их войско
Обходит Пантеон? Смотри!

М а р и.

Я не могу. Мне страшно...

Р и г о.

Ты трусиха.

М а р и.

Я просто женщина.

Р и г о.

Трусливая притом.

И там есть женщины. Они не жмутся тихо,
Как ты, в своем углу. Они за каждый дом
Сражаются, как мы, на улицах Парижа.

Мне жаль тебя, Мари!

М а р и.

Мне тоже жаль себя,

Я не могу, как те...

Р и г о.

Я вижу.

М а р и.

Прости, Рауль. Я так слаба!..

Р и г о.

Тебя не тронут. Успокойся:

И ты достанешься тому, кто победит,

Как воинский трофей! Тебе не вырвут косы

И головой не стукнут о гранит.

Ты долго будешь жить на свете,

Забыв меня и этот март...

Когда я шел к тебе, меня случайно встретил

Твой духовник...

М а р и.

Лагард?

Р и г о.

Лагард.

М а р и.

Он разве жив?

Р и г о.

Да, к сожалению.

М а р и.

Ты спас его, чтоб сделать радость мне?

Р и г о.

Он жив не по моей вине.

Он был отпущен по постановлению

Коммуны. На Бланки мы обменять хотели

Его и трех других... Твой хитрый духовник,

Солгавши на кресте, провел нас в этом деле,
Как поступил бы и любой из них.
Ну, словом, ты не виновата
Во всем, что будет здесь...

М а р и. А что же будет тут?
Р и г о.

Я думаю, что через пять минут
Войдет Лагард и с ним солдаты,
Которым он меня предаст...

М а р и. Т... фантастический! Т... фантаст!
Р и г о. Лагард? Он не обидит мухи...

Мне очень жаль, что я не из семейства мух.

М а р и. О нем, как о святом, идут повсюду слухи.

Р и г о. Вот богу, как святой, он и предаст мой дух.

М а р и. Но если так — беги!

Р и г о. Но там, на баррикаде,
Ждут от меня тех сведений друзья,
Которые спасут их, может быть, и ради
Которых я пришел. Нет. Мне уйти нельзя.

(Смотрит в окно.)

Версальские войска стоят у поворота
На эту улицу? Куда они пойдут?
Как атакуют? С тыла или с фронта?
Мне это надо знать. Вот для чего я тут.

(Напряженно всматривается.)

Подъехал генерал. Он подает команду...
Ах вот что!.. Ясно все теперь!..

(Пишет.)

Но, к сожалению, я вижу и Лагарда,
С ним взвод солдат. Он указал им дверь...

М а р и. Какую дверь?

Р и г о. Сюда.

М а р и. О боже!

Уже на лестнице я слышу их шаги..
Рауль! Рауль!

Р и г о. Пускай. Ну что же,
Теперь я знаю все!

М а р и. Беги!

Р и г о (спокойно).

Здесь нет второй двери.

(Пишет и медленно говорит вслух то, что записывает,
как бы диктуя самому себе.)

«Домбровский!

Примерно через час вас атакует враг.

Всего имеет он шесть батальонов войска.

Два к вам выходят в тыл и три — на левый фланг,

Один в резерве. В тыл заходят с юга.

Не обнажайте фланга своего.

Прошу простить меня, как друга.

За краткость: некогда. Риго».

Раздается резкий стук в дверь. Так стучат прикладами.

Я не увижусь со своими...

М а р и.

Рауль!

(Плачет.)

Р и г о.

Молчи! Все дело в том,

Чтоб это передать Домбровскому. Во имя

Моей любви к тебе!.. Когда придет Жантон...

(Умоляюще протягивает ей письмо и свои записи, сделанные
раньше.)

М а р и (пряча на груди записи Риго).

Я передам.

Вновь резкий стук и треск двери.

Р и г о.

Благодарю, Мари.

Теперь прощай!..

(Целует Мари.)

И окна затвори.

М а р и.

Рауль...

Р и г о.

Не плачь! Из глаз моих не брызнет

Одной слезы!.. Теперь мне все равно.

Смерть обрывает жизнь, однако дела жизни

Перечеркнуть и смерти не дано.

(Широко распахивает дверь и стреляет.)

За дверью слышен стон и шум от падения тела. Входят Лагард и
солдаты, которые схватывают Риго.

Л а г а р д.

Возьмите! Это он! Быть может, вы хотите

В свой смертный час покаяться, мой сын?

Риго.

Да! Каюсь! Тяжкий грех есть у меня один...
Вы мне его, наверное, простите...
Но вряд ли мне простит и милосердный бог,
Что не избавил я людей от вас... А мог!

Солдаты уводят Риго, но на пороге он останавливается.

Да! Знаете, Лагард, кто предал вас? Де Сек!

Лагард.

Не может быть! Как?! Этот человек?!

Нет!.. Я не верю вам...

Риго.

Не верьте.

Но кто же станет лгать за пять минут до смерти!..

(Уходит.)

Солдаты следуют за ним.

Лагард (говорит механически, думая о другом).

Вы, дочь моя, в пылу земных утех

Осквернены преступною любовью...

Но бог всемилостив!.. И этот тяжкий грех

С моею помощью он с вас смывает кровью!..

(Благословляет Мари Лавинь и идет к двери.)

Де Сек!.. Возможно... Это правда...

Ну, господин де Сек, вы вспомните Лагарда!

(Уходит.)

Мари (прячет голову в подушки, потом резко, по-актерски,
встает с постели).

Рауль был прав! Ты стоишь мало

Его любви, Мари Лавинь!

Да-да! Я лишь изображала

На сцене храбрых героинь!

Но это глупо — не бояться смерти!

Нет, нет! На месте бы Риго

Я отказалась бы от всех идей на свете...

Идти на смерть! Из-за чего?

Когда все в нем еще так трепетно и юно...

Такой веселый, умный и живой...

Голос за сценой:

А ну, кричи: «Долой Коммуну!»

Голос Риго.

Да здравствует Коммуна!

Залп.

М а р и.

Боже мой!
(Падает на постель.)

Начинает смеркаться. Пауза. Входит Ж а н т о н.

Ж а н т о н.

Мари Лавины!

М а р и (приподнимаясь).

Да... это я.

А вы?

Ж а н т о н.

Ж.....

М а р и. Жантон. Не верю.

Вы были здесь, когда...

Ж а н т о н. Стоял

Внизу и прятался за дверью.

М а р и.

И вы ему не помогли?

Какая ж вас могла остановить причина?

Вы друг его, вы были невдали!..

Вы — жалкий трус, а не мужчина!

Ж а н т о н.

Не надо нервничать. Оставил ли у вас

Мне что-нибудь Риго?

М а р и (передавая Жантону бумаги и письмо).

Вот все, что он оставил.

Ж а н т о н.

Письмо... Записки... Так... Кто б это все доставил,

Когда бы рядом с ним я там лежал сейчас?

М а р и.

Вас все равно всех перебьют!

Ж а н т о н.

Не страшно!

Найдутся новые. Мы на пути своем

Из рук одних в другие дело наше

В свой смертный час передаем.

(Прячет записки Риго, потом смотрит в окно.)

Они вошли. Пойдемте

М а р и (с удивлением).

Вы идите.

А мне зачем?

Ж а н т о н.

Я думаю, что там,

На тротуаре, вы не захотите

На радость праздным господам

Оставить труп Риго?! Мы сделаем попытку

Внести его сюда. Уже почти темно,

И мы его спасем от взглядов любопытных.

Ма р и.

Нет, нет! Я не пойду! Ему ведь все равно...

А я... такую чувствую усталость...

И эти мертвые, застывшие черты...

Жант он.

Мне жаль, гражданка, вашей красоты.

Ма р и.

Жаль? Почему?

Жант он.

Не той она досталась!

(Уходит.)

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Площадь, надвое разделенная баррикадой. Перед баррикадой улица, позади часть площади с полукруглым фасадом трехэтажного дома. Во многих местах известка осыпалась от пуль. Посередине дома подъезд, ведущий во двор. Среди сидящих и прохаживающихся около баррикады людей мы узнаем тех же гвардейцев, рабочих и женщин, которые в день 18 марта оттаивали свои пушки от солдат Тьера. На переднем плане Делеклюз, Варлен и Жантон. Они сидят на бочках и на мешках с песком. В момент поднятия занавеса женщины разряжают ружья и складывают их около баррикады. Время от времени доносятся звуки выстрелов.

Делеклюз.

Погибло все! Мы в мышеловке.

Тьер не один... И Бисмарк с ним!

Они нас продали друг другу по дешевке.

Варлен.

Но жизнь мы дешево свою не отдадим!

А где Арну?.. Беле?..

Жантон.

Законная утечка.

Мы вряд ли встретим их опять.

Они произносить умели только речи,

А здесь приходится стрелять.

Варлен.

А что с Домбровским?

Делеклюз.

Очень странно,

Что до сих пор еще с отрядом нет его.

Жантон.

Он там, где выстрелы. Он действует по плану,

В который он включил и данные Риго.

Делеклюз.

Его отряд немногочислен слишком.

Что может сделать он? Напрасная борьба!

Жантон.

Во всяком случае, он дал нам передышку

И оттянул их силы на себя.

Делеклюз.

Но ненадолго. Выстрелы стихают,
Почти не слышно их вдали.
Судьба нам выпала плохая...

Варлен.

Мы знали то, на что мы шли.

Жантон.

Как дальше действовать? Об этом думать надо.
Нас остается мало под ружьем.
Я думаю, что наша баррикада
Недолго выстоит.

Делеклюд.

Не выстоит — умрем!

Мы много дней боролись вместе,
Немного теперь осталось нам — суметь
Достойно умереть.

Жантон.

Что это значит?

Делеклюд.

С честью.

Жантон.

А что такое — с честью умереть?

Делеклюд.

Когда последние истратим мы заряды,
Когда уже нас одолеет враг,—
Со знаменем в руках, у этой баррикады,
Не отступая ни на шаг!
Чтоб даже в смерти чувствовалась сила
И наша верность долгу своему!..

Первый гвардеец.

Да! Это выглядит красиво,
Но только это ни к чему.
Мы будем драться здесь, пока возможность будет.
Без нужды помирать — какая в этом честь?
Отступим на Монмартр, там есть у нас орудья,
И будем драться там, пока заряды есть.

Жантон.

Клянусь, он прав! А рухнут баррикады,
Не будет пуль — словами нашей правды
Мы будем драться всюду и везде.
На улице! В домах! Не тюрьмам! На суде!

Варлен.

Нет, Делеклюд, мужайся! Смело
Смотри вперед и будь упрям.
Мы не бросаем наше дело,
А оставляем сыновьям!
Подумай, Делеклюд, такая смерть не есть ли
Попытка к бегству с помощью свинца?

Нет, Делеклюз! Тот умирает с честью,
Кто честно бьется до конца.
Мы перед смертью глаз не жмурим,
Но любим жизнь.

Делеклюз. Вы молоды, я стар...
Я больше не хочу допросов, пыток, тюрем,
Я умереть хочу. Мне можно. Я устал.
Жизнь прожита, в конечном счете,
Но я не этим огорчен...

Одна из женщин (подойдя к ним).

А кто здесь Делеклюз?

Делеклюз. Я Делеклюз.

Та же женщина. Позвольте

Мне вас спросить?

Делеклюз. Спросить? О чем?

Та же женщина.

Сегодня у меня убили утром мужа.
Соседка видела, пришла, сказала мне...
Бегу по улице... А крови! Крови... лужи...
Смотрю — толпа стоит. И дамочки, вполне
Приличные на вид. Я раньше их встречала,
Разряженных то в бархат, то в атлас,
На нашей улице, так, проходя случайно.
Друг вижу — муж лежит. Смотрю, а он без глаз!..
И те, что рядом с ним... Смотрю... а эти дамы
С зонтами все. И с хохотом таким
Подходят к мертвым и зонтами
Глаза выкалывают им...
А рядом франты их... те каблуками даже
Топтали мертвых. Шутки, смех...
Они ведь жили все здесь, при Коммуне. Как же
Случилось так, что их не расстреляли всех?..
Вы были, гражданин, в Коммуне главным. Вы же
Всех этих щеголей и этих самых дам
Могли передуть хотя бы здесь, в Париже?

Делеклюз.

Я думал, это люди, а не звери...

Мне нечего, гражданка, вам сказать.

Другая женщина.

Но ведь народ вам оказал доверье?..

Народ не знал. А вы? Вам надо было знать!

Жантон.

Она права: мы многого не знали.

Цветочница.

Он с горстью храбрецов задерживал их войско
Почти всю ночь, покамест сам не пал...

Один из гвардейцев.

Да!.. Храбрый человек!

Варлен.

Прощай, наш друг Домбровский!

Коммуны первой — первый генерал!..

Варлен и Жантон прикрывают лицо Домбровского польским флагом. Цветочница срывает со своего корсажа розу и бросает ее на грудь мертвого героя.

(Замечает, что у цветочницы перевязана рука.)

Вы тоже ранены?

Цветочница.

Пустое!

Другой гвардеец (смотрит в щель баррикады).

Они пошли на нас!

Делеклюз встает во весь рост над баррикадой.

Жантон.

Нагнитесь, Делеклюз!

Делеклюз.

Нет, дорогой Жантон! Я умираю стоя!

Я пуль версальских не боюсь!

Жантон.

Сойдите, Делеклюз! Вы здесь не на трибуне!

Следуют подряд залпы с обеих сторон. Несколько защитников баррикады падают. Медленно опускается над баррикадой Делеклюз.

Первый гвардеец (с раздражением в сторону Делеклюза).

Здесь сотни пуль, а он стоит как монумент!

Делеклюз.

Я счастлив тем, что умер при Коммуне...

(Умирает.)

Жантон (Варлену).

Самоубийство это или нет?

Варлен.

Молчи, Жантон! Сейчас надо громко

Об этом говорить. Придут другие дни...

Пусть жизнь его и смерть останутся потомкам —

И обвинят его или простят они.

Пусть это будет суд бесстрастный и разумный...

А у меня есть мнение свое:

Он якобинцем был, но дрался за Коммуну,

И как ни умер он — он умер за нее!

(Наклоняется над телом Делеклюза и целует его в лоб.)

Второй гвардеец.

Они пошли опять!

Жантон.

Передавайте ружья!

Женщины передают ружья стреляющим у баррикады мужчинам.

Варлен.

Боюсь, что долго нам не продержаться тут...

Жантон (командует).

Огонь! Огонь!

Залпы.

Варлен.

Стреляют дружно!

Первый гвардеец.

Во всяком случае, нас даром не возьмут!

Голос за сценой.

Эй, вы! Сдавайтесь там!

Второй гвардеец.

Нет, нам сдаваться рано!

Цветочница (взбежав на баррикаду).

Ведь мы — не вы! Здесь мало кто привык

Так доблестно, как вы, сдаваться под Седаном

И с мужеством таким расстреливать своих!

(Сбегает вниз.)

Голос за сценой.

Не слушайте ее! К чему сопротивление?

Ведь вы окружены уже со всех сторон!

Варлен.

Что, это правда?

Жантон.

К сожалению.

Первый гвардеец.

Мы выйдем проходным двором!

Выстрелы.

Жантон (выворачивая патронташ).

Патронов больше нет.

Второй гвардеец (смотрит в сторону врага).

Последний штурм, наверно...

Первый гвардеец.

Последний? Нет. Когда-нибудь

В последний мы пойдем!

Второй гвардеец.

Когда же?

Первый гвардеец.

Только первый

Еще кончается. Велик и труден путь!

Варлен.

Нам надо уходить отсюда, но не сразу...

Идите через двор. Мы встанем у ворот.

Второй гвардеец.

Идемте на Монмартр!

Первая женщина.

Но все дорогой разной.

Защитники баррикады начинают по одному уходить во двор дома.

Жантон.

Кто раненых с собой берет?

Цветочница.

Позвольте, я пока их у себя укрою.

Мой дом поблизости.

Варлен (цветочнице).

Прощайте!

Цветочница.

В добрый час!

Жантон.

Берите раненых!..

Цветочница и с нею несколько женщин поднимают носилки и уходят. У ворот остаются Варлен, Жантон и первый гвардеец.

Варлен.

Ну, все как будто, кроме

Убитых.

Жантон.

Да. И кроме нас!

С внешней стороны баррикады появляются несколько версальцев.

Первый солдат.

Сдавайтесь!

Первый гвардеец.

Подождем!

Раздаются три выстрела. Двое из версальских солдат падают.

Первый солдат.

Теперь их взять нетрудно!

Над баррикадой появляются офицер и еще несколько солдат.

Офицер.

Живыми взять! Не открывать огня!

Первый гвардеец и Жантон скрываются в воротах. За ними устремляются несколько версальцев. Варлен задерживается.

Первый солдат (на баррикаде).

Коммуны больше нет!

Варлен.

Да здравствует Коммуна!

Первый солдат стреляет в него. Варлен падает.

Первый солдат.

Коммуны больше нет!!

В а р л е н. Нет... Это нет меня.
Коммуна есть, была и будет!..
(Умирает.)

Два версальских солдата ведут связанного Ж а н т о н а.

П е р в ы й с о л д а т.

Коммуны больше нет!

Ж а н т о н.

Вранье!

Твой сын, когда он выйдет в люди,

Он будет драться за нее!..

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Кабинет маркиза де Сека. Та же декорация, что и во второй картине. Де СЕК с улыбкой удовлетворения читает газету. Входит РОТШИЛЬД.

Де СЕК (*откладывая газету*).

Вот мы и дожили до радостного дня!

Как ваши деньги? Банк? Все цело?

РОТШИЛЬД.

Что деньги? Разве в деньгах дело?

Картины целы все — вот радость для меня!

А я к вам не один...

Входит Лагард.

Де СЕК.

А! Господин аббат!

Вообразите, как я рад

Вас видеть вновь! Какой сюрприз!

Лагард (*с иронией*).

Где мне вообразить! Представить трудно даже.

В преклонном возрасте воображение наше

Слабеет, господин маркиз.

Де СЕК (*бросая газеты*).

Да, господин барон! Так, судя по газетам,

Мы предоставили правительству заем?

Нам посчитаться надо... Но об этом,

Быть может, лучше нам поговорить вдвоем?

РОТШИЛЬД.

Но здесь один Лагард! Я не смущаюсь этим.

Мы можем говорить при нем в любой момент.

Бог все равно всему свидетель,
А господин аббат — он божий контрагент!

В кабинет вбегает Мадлен. Она в слезах, ее лицо бледно, и волосы не причесаны.

Мадлен.

Спаси его, отец!

Де Сек. Кого — его?

Мадлен. Росселя!..

Он арестован, и они

Его хотят судить!.. Он может быть расстрелян

А я... люблю его.

Де Сек (жест в сторону Ротшильда).

Мадлен, мы не одни.

Мадлен.

Мне все равно, и я на все готова!..

Отец!.. Барон!.. Я вас молю...

(Лагарду.)

Святой отец!.. Ради всего святого

Спасите жизнь его и вместе с ней мою!

Де Сек (Ротшильду, в сторону Мадлен).

Прошу простить меня, барон.

Ротшильд.

Ну, что за пустяки! Ведь мы влюблялись сами,

Но жаль, что молодость не длится без конца!

Поэтому, Мадлен, не портите слезами

Такой прелестный цвет лица.

Мадлен.

Я вас прошу спасти Росселя...

Ротшильд.

Мадлен, забудьте обо всем.

Не надо слезы лить бесцельно.

Мы вам его и так спасем!

Тем более — он был не столь уж виноватым.

Де Сек (Ротшильду).

Вы проявляете, боюсь, излишний пыл:

Россель военным делегатом

В правительстве Коммуны был.

Ротшильд.

Но он Коммуною и выгнан был оттуда.

Я думаю, что мы его спасем шутя...

(Мадлен.)

Утрите слезы, если вам не трудно,

И успокойтесь, милое дитя.

Де Сек.

Мы сделаем, Мадлен, конечно, что сумеем...

Мадлен.

Пусть наградит вас бог!

Де Сек (*проводя Мадлен и тихонько выталкивая ее из кабинета*).

Иди к себе. Приляг.

(*Ротшильду, плотно закрыв дверь кабинета после ухода Мадлен.*)

Вы понимаете, барон, в делах семейных

Гораздо менее, чем в банковских делах.

Ротшильд.

Не понимаю вас... Росселя

Вы не хотите, кажется, помочь?

Де Сек. Скажите мне, а вы бы захотели,

Когда б Мадлен была, допустим, ваша дочь?

Ротшильд.

Мысль эта не пришла мне в голову, не скрою.

Де Сек.

Отцы заботятся о будущем детей.

А что за счастье ждет Росселя в жизни, кроме

Женитьбы, может быть, на дочери моей?

Им все потеряно. Карьера! Связи! Имя!

За что же я ему родную дочь отдам?

Или в Америку уеду вместе с ними,

Чтоб он себе карьеру делал там?

Она же влюблена, как видите, серьезно.

Ведь если б это был лишь временный каприз,—

Другое дело...

Ротшильд.

Да! Тогда, пока не поздно,

Вам надо это прекратить, маркиз.

Де Сек.

Конечно, я займусь Росселем.

В течение ближайших дней

Он будет все равно расстрелян.

Но это сделают скорей.

Лагард.

Да! Это дело...

У вас, мой сын, есть опыт в этом деле,

В чем лично сам я убедился раз...

Де Сек.

Я, господин аббат, не понимаю вас!

Лагард.

Мой сын, бог спас меня от смерти.

И я надеюсь, бог сейчас или потом

Бог все равно всему свидетель,
А господин аббат — он божий контрагент!

В кабинет вбегает Мадлен. Она в слезах, ее лицо бледно, и волосы не причесаны.

Мадлен.

Спаси его, отец!

Де Сек. Кого — его?

Мадлен. Росселя!..

Он арестован, и они

Его хотят судить!.. Он может быть расстрелян

А я... люблю его.

Де Сек (жест в сторону Ротшильда).

Мадлен, мы не одни.

Мадлен.

Мне все равно, и я на все готова!..

Отец!.. Барон!.. Я вас молю...

(Лагарду.)

Святой отец!.. Ради всего святого

Спасите жизнь его и вместе с ней мою!

Де Сек (Ротшильду, в сторону Мадлен).

Прошу простить меня, барон.

Ротшильд.

Ну, что за пустяки! Ведь мы влюблялись сами,

Но жаль, что молодость не длится без конца!

Поэтому, Мадлен, не портите слезами

Такой прелестный цвет лица.

Мадлен.

Я вас прошу спасти Росселя...

Ротшильд.

Мадлен, забудьте обо всем.

Не надо слезы лить бесцельно.

Мы вам его и так спасем!

Тем более — он был не столь уж виноватым.

Де Сек (Ротшильду).

Вы проявляете, боюсь, излишний пыл:

Россель военным деятелем

В правительстве Коммуны был.

Ротшильд.

Но он Коммуною и выгнан был оттуда.

Я думаю, что мы его спасем шутя...

(Мадлен.)

Утрите слезы, если вам не трудно,

И успокойтесь, милое дитя.

Де Сек.

Мы сделаем, Мадлен, конечно, что сумеем...

Мадлен.

Пусть наградит вас бог!

Де Сек (*проводя Мадлен и тихонько выталкивая ее из кабинета*).

Иди к себе. Приляг.

(*Ротшильду, плотно закрыв дверь кабинета после ухода Мадлен.*)

Вы понимаете, барон, в делах семейных

Гораздо менее, чем в банковских делах.

Ротшильд.

Не понимаю вас... Росселем

Вы не хотите, кажется, помочь?

Де Сек. Скажите мне, а вы бы захотели,

Когда б Мадлен была, допустим, ваша дочь?

Ротшильд.

Мысль эта не пришла мне в голову, не скрою.

Де Сек.

Отцы заботятся о будущем детей.

А что за счастье ждет Росселя в жизни, кроме

Женитьбы, может быть, на дочери моей?

Им все потеряно. Карьера! Связи! Имя!

За что же я ему родную дочь отдам?

Или в Америку уеду вместе с ними,

Чтоб он себе карьеру делал там?

Она же влюблена, как видите, серьезно.

Ведь если б это был лишь временный каприз,—

Другое дело...

Ротшильд.

Да! Тогда, пока не поздно,

Вам надо это прекратить, маркиз.

Де Сек.

Конечно, я займусь Росселем.

В течение ближайших дней

Он будет все равно расстрелян.

Но это сделают скорей.

Лагард.

Да, барон, вы правы, конечно...

У вас, мой сын, есть опыт в этом деле,

В чем лично сам я убедился раз...

Де Сек.

Я, господин аббат, не понимаю вас!

Лагард.

Мой сын, бог спас меня от смерти.

И я надеюсь, бог сейчас или потом

Накажет вас на этом свете —
И объяснит, за что, на том!

Де Сек *(с раздражением)*.

Мы этот ваш трактат о бже
Обсудим как-нибудь потом со всех сторон.
Сейчас я занят. Господин барон,
Итак, давайте подводить итоги!
(Берет счеты.)

Доходы с займа — пополам.
По пятьдесят процентов мне и вам.
Мы на условиях таких договорились

Ротшильд.

Да. Вы меня на них заставили пойти.
Но обстоятельства настолько изменились,
Что я не дам вам даже и пяти.

Де Сек.

Как это так?!

Ротшильд.

А очень просто.

Теперь я больше не нуждаюсь в вас.

Де Сек.

Я не рассчитывал на ваше благородство
И кое-что имею про запас.
Я выгнать вас могу из Франции с позором!
Лишить имущества, которым
Вы здесь владеете! Стереть с лица земли!
Я все могу, барон!

Ротшильд.

Могли.

Де Сек

Нет, господин барон, не горячитесь очень!..
Вас не спасут ни Фавр, ни Тьер,
Когда узнают, например,
О фрау Блюм, о Бисмарке и прочем!

Ротшильд.

Ну кто поверит в то, что эта сплетня — правда?
Как можно доверять тому,
Кто выдал д'Арбуа, Бонжана и Лагарда
Коммуне? Прежде я упрячу вас в тюрьму
Она вас ждет давно. С тех пор, как вы когда-то
Служили в Турции... Припомните, как там
Вы стали вдруг из нищего богатым.

Де Сек *(в растерянности)*.

И это все известно вам?..

Ротшильд.

Известно все. О новом и о старом.
Вы проиграли крупную игру.

Лагард.

Что бог накажет вас, я говорил недаром...

(Ротшильд.)

Я денег даром не беру!

(Де Секу.)

Вы продали меня за тридцать пять миллионов,

А я вас продал только за миллион!

Вы больше стоите, но я и отдаленно

Не коммерсант, мой сын, и в цифрах не силен.

Де Сек (умоляюще).

Но, господин барон!.. Хоть что-нибудь, однако,

Вы мне дадите за мои труды?

Ротшильд.

Нет, господин маркиз, ни франка.

Де Сек (падает без чувств в кресло).

А?.. Боже мой!.. Воды!.. Воды...

Лагард подходит к де Секу и щупает пульс.

Ротшильд.

Как пульс, Лагард?

Лагард. Неуловим почти...

Быть может, дать воды?

Ротшильд. Бойтесь, чтоб не умер?

Лагард.

Я не настолько глуп или безумен.

Наоборот! Боюсь его спасти.

Де Сек.

Воды!.. Глоток хотя бы...

Ротшильд (давая ему воду). Нате.

Де Сек.

Благодарю, барон... Бог наградит вас пусть...

А смерть моя была б вам кстати...

Ротшильд.

Нет. Я вас больше не боюсь.

Де Сек.

Я... (с досадой)...

Вы стали бы, как регент банка,

Опекуном над дочерью моей...

Де Секов больше нет... возможно, что на ней

Грозит конец стариннейшему роду...

Ротшильд (с досадой).

Я этого не знал, когда давал вам воду!

Лагард.

А сердце-то у вас чуть бьется... еле-еле...

Де Сек.
У нас у всех в семье наследственный порок.

Лагард.
Тогда б я вашу дочь немного поберег
На вашем месте. Смерть Росселя
С подобным сердцем, может быть,
Ей будет трудно пережить.

Де Сек.
Не каркайте. Я не люблю ворон.
Так как же, господин барон?
Какая ж будет мне награда?
Долг перед вами выполнил я свой...
И выполнил, рискуя головой!

Ротшильд.
Да, головой, но головой... Лагарда.

Де Сек.
Что стоит ваш Лагард? Я — накануне смерти.
Я чуть дышу, а он здоров вполне...
Но все-таки не я, а он трех дней на свете
Не проживет, как думается мне.

Ротшильд.
Не ошибаетесь ли вы?
Покамест против вас он служит мне оружием,
Я волосу с его плешивой головы
Не дам упасть!.. Лагард мне нужен.

Лагард (Ротшильду, с опаской глядя на де Сека).
Где ни были бы вы, я буду всюду сбоку...
В огонь пойду за вас... И в воду... И в тюрьму...
Я буду вам служить, как богу!

Ротшильд.
Как богу?! Нет! Вы служите ему
Не так уж хорошо. Боюсь, я много строже
С вас буду спрашивать, чем он.
(Де Секу.)

Де Сек.
Наш разговор, маркиз, пришел к концу... Но все же...

Ротшильд.
Всего хорошего!
(Хочет идти, но де Сек предлагает его.)

Де Сек.
Но, господин барон!
Нельзя же так... Или давно во власти
Восставшей черни был Париж?
И как корабль, теряя снасти
И управление, по воле ветра лишь
Республика Французская качалась?

Все падало. Все рушилось... Кончилось...
Вы вспомните, как вы дрожали в этот час?
Я спас Французский банк, а вместе с ним и вас!
Ведь это я в Версаль переправлял ночами
Миллионы! Именно они
Не золотыми ли ключами
К Парижу стали в эти дни?
А в том, что возвратил нам Бисмарк пленных, роли
Миллионы эти не сыграли, что ли?
И в том, что пленных он еще вооружал,
Что могут подтвердить сто тысяч парижан,
Зарытых нами в землю Пер-Лашеза?
Я дал вам золото! А Бисмарк дал железо!
В недавнем прошлом я не пожалел труда...
Так дайте мне хотя процентов двадцать в займе!

Ротшильд.

За наше прошлое мы часто платим сами,
Но нам за прошлое не платят никогда!
Все то, что вы сейчас сказали, если взвесить,
Все беллетристика! Слова!
Прошу прощения!

(Вместе с Лагардом идет к двери.)

Де Сек *(становясь на колени и протягивая к нему руки)*.

Ну хоть процентов десять!..

Хоть пять процентов дайте!.. Два!!

Просцениум

На просцениуме слуга с фонарем, де Сек и доктор, которого де Сек, видимо, провожает из своего дома. Де Сек плохо выглядит, он осунулся, сгорбился, его движения не соответствуют словам, чувствуется, что он несколько «не в себе».

Де Сек.

Что, доктор, с нею?

Доктор.

Мы бессильны.

Да в сущности она здорова, ваша дочь.

И с точки зрения медицины

Как раз поэтому и трудно ей помочь.

Де Сек.

Но ведь она же умирает!

Доктор.

Да, к сожалению, есть ряд таких примет,

Что даже, может быть, уже не за горами

И этот тягостный момент.

У вашей дочери есть внутреннее горе,
Ей в тягость жизнь, и в этом весь секрет.
А спазмы сердца, как и все другое,
Есть только следствие, но не причина, нет!
В ней надо разбудить желание жизни, либо
Вам не спасти ее, и надо ставить крест.
Вот стимул к жизни ей когда б вы дать могли бы?
Девиз какой-то? К жизни интерес?

Де Сек.

Но если только в этом дело...
То я ее спасу. И стимул и девиз —
ведь это все в моих руках всецело.

Доктор.

Тогда и жизнь ее в руках у вас, маркиз!

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Мрачное помещение, углов и стен которого мы не видим, поэтому нет представления о том, где происходит действие. В мягком кресле с высокой спинкой сидит Мадлен. Она бледна, и движения ее слабы. Напротив в жестком резном кресле сидит маркиз де Сек. Между ними стоит кованный сундук в вертикальном положении. На нем одинокая свеча, освещающая только лица обоих собеседников. Поодаль в углу, стоят два стула.

Де Сек.

Мадлен! Не думай о Росселе.
Он мертв. Все кончено. Забудь.
Что есть страдание без цели,
Как не к безумию наикратчайший путь?
(Зажигает свечи.)

От света многих свечей место действия становится хорошо видимым. Это подвал Французского национального банка. Раздвигаются массивные двери многочисленных сейфов, обнаруживая чешуйчатые горы золотых монет, слитков, корон и разных драгоценностей. Золото переливается и играет свойственным ему блеском. Мадлен ошеломена. Она пытается приподняться в кресле, но так слаба, что не может этого сделать. Некоторое время де Сек любителю тем впечатлением, какое производит на Мадлен вся эта, с его точки зрения, величественная картина.

Смотри, Мадлен, вот все, что человеку нужно.
Единственная власть и сила на земле.

Мадлен.

Что это?

Де Сек. Золото.

Мадлен. Кому же
Оно принадлежит?

Де Сек (пересыпая золото из ладони в ладонь).

Кому? Тебе и мне.

Ты для меня ведь все! И жизнь, и честь, и имя.

Я из сокровищ разных стран

Могу под окнами твоими

Соорудить второй Монблан!

Вот мой дворец! Я — царь Мидас!

Я дам тебе все то, чего никто не даст!

Но только, дочь моя, не будь такой угрюмой,

Меня гнетет твоя печаль.

Чего ты хочешь? Загадай! Поидумай!

Я все могу! Мне ничего не жаль!

От бога ждут чудес годами,

А я творил такие чудеса,

О коих люди даже не гадали,

Порой за час, порой за полчаса!

Смотри, Мадлен! Все это наше!

У ног твоих все то, что в этом мире есть!

Все в жизни продается, даже

И слава... и любовь... и честь...

Мадлен.

За деньги может быть любовь лишь показная,

За них любить нельзя, но можно делать вид.

Де Сек.

Ну что же из того? Что вижу я, то знаю.

Чего ж не видим мы, то нас не тяготит.

Мадлен.

И чести, как любви, не купишь. А за позу

Фальшивую платить какой тебе расчет?

Из чести собственной не извлекают пользу.

Кто с честью жил, тот с нею и умрет!

Де Сек.

Кто ценит честь? И что в ней, в чести?

А позу ценят — в этом весь секрет.

Тому ж, кто честь унес с собой в могилу вместе,

Зачем она, когда его уж нет?

Мадлен.

И славы не купить такой, чтобы на свете

Века после тебя еще жила она.

Де Сек.

Быть может, ты права. Но слава после смерти —

Скажи, Мадлен, кому она нужна?

Мадлен.

Мне жаль тебя, отец! В богатстве ты несчастен,

И жизненный твой путь судьбой осмеян весь.

Ведь в жизни золотом платил ты настоящим
За все фальшивое, что только в жизни есть.
Ты думаешь, ты сильный? Нет! Ты слабый.
За эти горы золота твои
Нельзя купить ни настоящей славы,
Ни чести подлинной, ни истинной любви.

Де Сек.

А в жизни их и нет.

Мадлен.

Не в жизни, а в продаже.

Де Сек.

Не читалась ли, Мадлен, ты глупых книг?

Мадлен.

О чести и любви? В святом писанье даже
Ты можешь встретить кое-что о них.

Де Сек.

Я не святоша. Может быть, не знаю.
Чего же все-таки ты хочешь?

Мадлен.

Ничего.
Ты можешь чудо совершить?

Де Сек (с надеждой).

Родная,

Я все могу!

Мадлен.

Так воскреси его!

Ты так могуч с твоим металлом желтым,

Все в жизни так бессильно перед ним!

Ты все живое можешь сделать мертвым,

Так сделай мертвого живым.

Молчишь?.. А говорил, что можешь сделать чудо!

Де Сек.

Так скажет обо мне и каждый человек.

Я горыдвигаю отсюда,

Меняю направление рек.

Земные чудеса я делаю неплохо,

Но кто ушел в небытие —

Не возвращается.

Мадлен.

Тогда не стоит вздоха

Его последнего все золото твое!

Де Сек (с неогорым испугом).

Мадлен! Что значит для вселенной

Один какой-то человек?

Пусть даже гений необыкновенный —

Колумб! Наполеон! Другой ли — имярек!

Нельзя похоронить себя живой навеки,

Из-за того, кто был когда-то сердцу мил.

Взамен его тебе я предлагаю мир!

Мадлен.

Мир для меня был в этом человеке.

Де Сек.

Но он был человек несбыточной мечты...

Немало ходит их — таких наполеонов!..

Вот Ротшильд, он на днях лишил меня миллионов!

Я больше потерял, чем ты!

Есть от чего сойти с ума!

И ты должна понять сама,

Что из Росселя сделал, к сожаленью,

Наполеона твой помощник никак не прав...

Придумало ему твое воображение,

Чего и не было.

Мадлен.

Быть может, ты и прав.

Воображение. Мечты. Любовь и жалость —

Все, все ему я отдала, любя.

Но этого во мне уж больше не осталось

Ни для других, ни для самой себя.

Чем виновата я?

Де Сек.

Ничем, но ты ослепла.

И ничего вокруг не замечаешь ты.

А посмотри, как жизнь великолепна!

Как зелен сад! Как пахнут в нем цветы!

И как к лицу луне тяжелый синий бархат,

Ее расшитый звездами наряд!..

Мадлен.

Нет, без него цветы не пахнут,

Луна не всходит, звезды не горят.

Де Сек (теряя самообладание).

Да кто он, твой Россель? Приходится мне, вижу,

Хоть я и не хотел, жестоким быть с тобой.

Таких, как он, есть тысячи в Париже —

И с лучшею и с худшею судьбой.

Приди в себя, Мадлен. Прости за откровенность,

Мне мудрость свойственна, тебе же только пыл.

Когда бы жизнь его вложу представляла ценность,

Я б для тебя ее купил.

Я жизни покупал и для других не раз —

Так для тебя ли стал бы я скупиться?

Мадлен (вставая).

Ты мог его спасти! И ты его не спас!

Убийца!!!

Ты — мой отец?! Невероятно,

Как вместе мы еще? И даже говорим?!

Ты дал мне жизнь и взял ее обратно...
Так будь ты проклят с золотом твоим!!!
(Падает в кресло и остается без движения.)

Де С е к.

Я не боюсь твоих проклятий...
А золоту они не могут зла принести.
Напрасно для тебя я много слов истратил.
Жизнь — это жизнь. Бери ее как есть!
Кто может распознать обыкновенным взглядом,
Где кровь разбойника и где Христова кровь?
И разве не лежат в одной постели рядом
Любовь продажная и чистая любовь?
Молчишь, Мадлен! А жизнь одну и ту же
В нас истину пытается вложить:
Что кто-то должен жить другой на свете хуже,
Чем я, чтоб я мог лучше жить!
Унизить нас и вознести всех выше
На свете золото одно способно лишь.
Молчишь, Мадлен! Ну, говори же!
Ответь мне что-нибудь! Молчишь?
Не дурно ли тебе? Воды, быть может, нужно?
Он душен, правда, воздух этих стен.
(Подходит к дочери и берет ее руку.)
Мадлен! Мадлен! Но почему же
Твоя рука так холодна?.. Мадлен!

Пауза.

Кому же все мои сокровища остались?
(Отшатывается от неподвижного тела дочери и идет
к своим сейфам.)

Вдруг навстречу ему из-за железных шкафов выходят Делеклюз,
Риго, Жантон и шесть солдат Национальной гвардии.
Национальные гвардейцы становятся у входа в подвал и у сейфов с зо-
лотом. Делеклюз, Риго и Жантон во время последующей сцены берут
стоящие у угла стулья и садятся у сундука, который заменяет им стол.

А!! Коммунары!! Вы?! Каким путем?

Риго.

Вы, господин маркиз, напрасно испугались.
Ведь я же вам казал, что мы еще придем!
Вы что же? К встрече не готовы?
И наш приход для вас сюрприз?

Де С е к.

Но... ведь Коммуны нет?.. Все кончено...

Жантон.

Нет, что вы!

Все это только началось, маркиз!

Делеклюз.

Мы будем вас судить.

ДеСек. Как это?

Делеклюз. Очень просто.

Но мы еще два-три вопроса

Задать хотели вам сперва...

ДеСек.

Боюсь, что отвечать я вам сейчас не в силе...

Делеклюз.

Что с вами?

ДеСек. Дочь моя... сегодня... умерла.

Делеклюз.

Не умерла, а вы ее убили.

Пусть и она послужит в этот час

Еще одной уликой против вас.

(Риго.)

Закройте ей лицо. Прошу начать, Жантон.

Риго закрывает лицо Мадлен платком.

Жантон.

Зачем вам золото? Что вам за польза в том,

Чтоб этот ваш подвал стал более обширным?

ДеСек.

Как это так — зачем?

Жантон.

Но вы не ювелир?

ДеСек.

Но золото!.. Оно даст мне власть над миром!

Жантон.

Над миром? А зачем вам мир?

Хотя вы людям злейший недруг,

Но так как сами вы всего лишь человек,

То сколько б ни было у вас земель и рек,

Вы умещаетесь на двух квадратных метрах

Песка, воды или травы?

И пусть весь мир придет в движение

По знаку вашему — чего добьетесь вы,

При этом, так сказать, исходном положении?

И что вам даст над миром власть?

Опять же золото? Мне непонятно просто...

У вас, как у кита, громаднейшая пасть,

А глотка шириной не более наперстка!

ДеСек.

Но людям, чтобы жить хотя бы кое-как,

Нужна вода и хлеб?.. Клочок земли и сада?

А все, что им для жизни надо,

В моих находится руках!
Я солнце, небо, землю, воду,
Живую, мертвую природу,
Любовь и ненависть — все превратил в металл.
И знает кто-нибудь едва ли,
Что мир существовать реально перестал,—
Он спрятан здесь! В моем подвале!
Вы думаете, мир там, наверху? Где зримы
Поля и горы? Море и леса?
Нет! Это — выставка! Витрина!
Их можно видеть, да! Но достать их нельзя!

Делеклюз.

Он сумасшедший!

Ригго.

Да. Но вместе с тем он прав.

ДеСек.

Я спрятал мир в железный шкаф,
Смотрите на него сквозь низкое оконце
Или несите мне и мысли и труды,
А я вам дам на десять франков солнца
И на два франка хлеба и воды!
Вот это золото дает мне в изобилие
Все то, что нужно вам для жизни на земле...
Вам остается погибнуть или
Во имя жизни покоряться мне!
Весь мир — он мой! И я могу свободно
Взять всюду все, что мне угодно!
От вас же мной самим придуманный закон
Все в мире держит под замком!
Попробуйте-ка взять хотя бы корку хлеба,
И я немедленно вас посажу в тюрьму!..

Делеклюз.

Он сумасшедший! Все, что он сказал, нелепо!

Ригго.

Нелепо, да. Но мир принадлежит ему.

ДеСек.

Убийц казнят на площадях,
Суду позорному предадут их опозоренные
И никого из вас, кто даже и случайно
Убийцей стал, не пощадят.
А я, ведя борьбу веками
За это золото, в течение сотен лет
Не только убивал кого мне надо, нет!
Но вас же вашими я убивал руками!
Я вас вожу под музыку на бойню,
Где тысячами в день уничтожаю вас!..

Намеренно... Обдуманно... Спокойно...

И место выбрав и назначив час.

Делеклюз.

Но... вы безумны?

Дек.

Может быть, и так.

Но там не нужен ум, где требуется плата.

Не надо мне ума! Не надо мне таланта!

Мне нужно золото, чтоб мир держать в руках!

Талант — не вещь, а разум — не предмет,

И каждый видит их по-своему, особо...

В них веса нет и видимости нет...

Их можно не признавать! А золото — весело.

Но думаете, я один богатства жажду,

А вместе с ним и власти на земле?

Нет! Врете! В каждом... В каждом... В каждом...

Из вас есть то, что есть во мне!

Нет! Блеск от этого металла

И в вашей прячется судьбе!

Чтоб победить меня — меня убить вам мало...

Попробуйте еще меня убить в себе!

Жантон.

Клянусь, он прав! Нам надо вырвать с корнем

Все то, что в нас похоже на него,—

Без этого, хоть наше торжество

Уже недалеко, оно не будет полным.

Делеклюз.

Но что нам делать с ним, друзья?

Вы видите, что он безумный...

И по закону нам его судить нельзя. (Риго.)

Вы это знаете, как прокурор Коммуны.

Риго.

Да — по его закону... но по нашим

Он может быть судим и обвинен во всем...

Но прежде вы всмотритесь — как он страшен,

Тот мир, в котором мы живем!

Тот мир, где мы в тюрьме проводим наши годы,

Где нашим разумом владеет вечный страх,

Где сумасшедшие душат нас свободой!

С отточенными бритвами в руках!

И тронуть их нельзя! Нельзя их взять в оковы.

Оберегают их от наших рук и глаз

Те сумасшедшие, нелепые законы,

Которые они придумали для нас!

Но что же мы? Живем вслепую?

И нет у нас иных путей?

Как терпим мы бессмысленность такую?
 И с ней живем? Мне стыдно за людей!
 Как? Просто так? Или под смертным страхом
 Мы дали этим злым и глупым маниакам
 Глаза засыпать нам песком?
 Пусть даже золотым! Но это же нелепо —
 Жить в мире радостном и ласковом таком,
 Не видя моря, зелени и неба!
 Нет!! Близок их конец! Он с каждым часом ближе!
 И не поможет им их золотой кумир...
 Нет!! Освещенный пламенем Падим...
 Он загорелся, их проклятый мир!
 Не светлый мир, принадлежащий звездам,
 Но превращенный для людей в тюрьму —
 Тот страшный мир, который ими создан
 По жалкому подобию своему!
 Но им не жить на нашем свете!
 Во имя нашей жизни — смерти
 Для подсудимого я требую у вас!
 Пусть он умрет, как умер царь Мидас!..
 Был жаден царь Мидас... и вот к богам под старость
 Он обратился с просьбою такой —
 Чтоб в золото немедля превращалось
 Все то, чего коснется он рукой...
 И вот когда ему богами эта милость
 Была оказана сполна,
 Случайно приласкал он дочь... — и превратилась
 Вмиг в золотую статую она!
 Он хлеба взял кусок... но вмиг куском металла
 Стал этот хлеб в руках его... Тогда
 Сосуд с водой он взял... но стала
 Горячим золотом в его руках вода!
 Так умер он от голода и жажды...
 На золотом полу и в золотом дворце
 Был найден труп его однажды...
 Вот что мы знаем о его конце.
 И подсудимый наш пусть встроится смелый час
 Под этот свод, низким и суровым,
 Здесь, с золотом своим навеки замурован,
 Пусть он умрет, как умер царь Мидас!

Делеклюз.

Идемте, граждане! Пусть совершится это,
 Как первый приговор грядущего суда!

Свет начинает медленно гаснуть. Делеклюз, Риго, Жантон и
 гвардейцы исчезают, как бы растворяясь в наступающем мраке.

Де Сек.

Что это? Судный день? Куда же вы? Куда?
Мне страшно! Света! Дайте света!

Свет совершенно гаснет.

Кто потушил огонь?! Огня сюда! Огня!

На сцене вновь становится светло. С фонарями и факелами в руках появляются служащие банка. Вслед за ними входят Ротшильд и доктор.

Здесь коммунары! Вон! Ловите их! Ловите!

(Всклооченный, размахивая руками, мечется по сцене.)

Ротшильд.

О боже мой! В каком он виде?

Де Сек.

Спасите золото! Меня!

Здесь страшный суд! Египетская тьма!..

Я — царь Мидас!.. Я вас коснусь рукою...

Ротшильд (доктору).

Здесь дочь его... Что с ней такое?

Доктор.

Она мертва... А он сошел с ума!

Ротшильд.

Я омрачен событием столь ужасным...

(В сторону де Сека.)

Его... отправьте в сумасшедший дом.

(Берет ключи от сейфов.)

Как регент банка, я опекуном

Являюсь временным над всем его богатством!

Де Сек.

Конечно временным! Они придут сюда...

Ротшильд.

Кто?

Де Сек. Коммунары...

Ротшильд (в ужасе). Что?!

Де Сек (доверительно). Никто из них не умер...

Ротшильд (пятась от него)

Скажите, доктор... он... действительно безумен?

Доктор.

Но вы же видите?

Ротшильд.

Не знаю, господа!..

Занавес

ОГЛАВЛЕНИЕ

Великий государь	3
Фельдмаршал Кутузов	101
Денис Давыдов	203
Победителей судят	257

Владимир Александрович Соловьев

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДРАМЫ

Редактор *А. Ивушкина*

Оформление художника *Ю. Васильева*

Художественный редактор *В. Богданов*

Технический редактор *И. Румянцева*

Корректор В. Степанова

Подп. в печ. 25/IX 1959 г. Сдано в производство 1/X 1959 г.

По оригиналу-макету

Форм. бум. 60×92¹/₁₆. Печ. л. 22,875. Уч.-изд. л. 21,35.

Тираж 25 000 экз. (1 завод 10 000 экз.) Ш07630 Изд. № 12325

Зак. тип. № 921. Цена 12 р. 20 к.

«Искусство», Москва, И-51, Цветной бульвар, 25

Московская типография № 8

Управления полиграфической промышленности Мосгорсовнархоза

Москва, Ново-Алексеевская, 52